

ФИЛОСОФСКО-
РЕЛИГИОЗНАЯ
ТЕТРАДЬ
№ 002

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ
ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
посвященной дню Реформации

www.evangelicals.ru

УДК 277.4(082)
ББК 86.376
МЗ4

Философско-религиозные тетради. Тетрадь №2. Материалы Первой Философско-религиозной Конференции. — М. 2011, 112 с
ISBN 978-5-905150-02-9

Религиозная философия – традиционный для русской мысли способ рассуждения о Боге, Его действиях в истории мира и жизни человека и человеческом ответе на Его призыв. Серия философско-религиозных тетрадей продолжает традицию свободного, неклерикального обсуждения острых вопросов современности на основе христианского мировоззрения. Особенность этой серии – тройной фокус рассмотрения каждой из затрагиваемых тем. Реконструкция истории России, мира и Церкви направлена на поиск оснований иной России: пространства, где происходит раскрытие и реализация человеческой личности. Философский аппарат позволяет добиться более точной проблематизации, более широкого рассмотрения представленных тем, а также – включить богословское исследование как неотъемлемую часть современного дискурса. В то время как бескомпромиссная богословская позиция призвана вывести дискуссию из земной плоскости, показать необходимость поиска ответов на эти вопросы из вечности. И тем самым – дать основание для свободы и ответственности человека в формировании облика будущего мира.

Настоящий сборник – результат работы первой конференции, состоявшейся 3 ноября 2010 в здании Московской центральной церкви евангельских христиан-баптистов. В конференции приняли участие представители католической и лютеранской церквей, других протестантских конфессий, богословы, философы, ученые. Основные дискуссии конференции разворачивались относительно роли и ответственности Церкви в тех процессах, которые происходят и будут происходить в нашем обществе, и вопросов, насколько необходима реформация современной Церкви, почему реформация должна быть перманентной, и в чем причины неудачи попыток реформации в российском христианстве.

ISBN 978-5-905150-02-9

УДК 277.4(082)
ББК 86.376

Содержание

Предисловие	4
1. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	5
2. ЦЕРКОВЬ ВСЕГДА РЕФОРМИРУЮЩАЯСЯ	6
3. ГЕРМЕНЕВТИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ	14
4. НОВОЕ ВРЕМЯ И АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	24
5. ОПРАВДАНИЕ БУДУЩЕГО КАК БОГОСЛОВСКО-СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЦЕРКВИ	38
6. С ПРЕТЕНЗИЕЙ НА ВСЕМОГУЩЕСТВО: УПРАВЛЯЮТ ЛИ ЭЛИТЫ БУДУЩИМ?	47
7. ПЕРВЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕФОРМАЦИЯ VS РЕВОЛЮЦИЯ»	58
8. ВТОРОЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕФОРМАЦИЯ VS МОДЕРНИЗАЦИЯ»	81
9. СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ	110

31 октября 2017 года будет отмечаться 500-летие начала Реформации — ключевого события в истории современной Европы. Результатом Реформации стали не только изменения структуры Церкви, образование протестантских церквей, обновление христианской духовности и нравственных критериев общества. Реформация способствовала глубоким преобразованиям в политическом, экономическом и социальном укладе европейских стран. Для целого ряда государств Реформация стала важнейшим положительным духовным фактором, позволившим переломить ход истории и избежать кровавых событий революции. А в каких-то случаях — выведившим страну в число мировых лидеров. Современный мир, каким мы его знаем сегодня, в значительной степени сформирован именно Реформацией.

Осмыслению событий 500-летней давности посвящена серия философско-богословских конференций *«Реформация vs Революция»*. Ежегодно организуемые конференции — это не столько погружение в глубину веков, сколько способ развернуть на историческом материале поиск ответов на вопросы, стоящие сегодня перед Церковью и обществом в России. Нужна ли реформация современной Церкви в России? Что именно должно в таком случае быть реформировано, а что ни при каких обстоятельствах не должно подвергаться изменениям? Возможна ли в России евангельская реформация? Если да, то какие уроки из ошибок и достижений значимых движений религиозного обновления должны быть учтены? Вот только часть вопросов, поднимаемых в дискуссиях, отвечая на которые, участники пытаются заглянуть в будущее.

Козышко Александр Петрович

Доктор богословия

Пастор Центральной московской церкви евангельских христиан-баптистов

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Дорогие друзья, дамы и господа, братья и сестры! Мне очень приятно, что сегодня я могу всех вас приветствовать в этом зале нашей церкви, на этой, как уже было сказано, исторической встрече. Говоря о Реформации, мы, представители протестантских церквей, в мыслях своих всегда уходим в толщу веков, на пять столетий назад. Мы помним, кто и за что тогда взялся, и к чему это привело. Мы — такие разные — представляем различные христианские конфессии и деноминации, но в чем-то мы все-таки едины. Мы говорим: у нас один Бог, один Иисус Христос, Которого мы исповедуем. И все мы помним ту самую первосвященническую молитву Иисуса Христа, о которой сказано в 17-ой главе Евангелия от Иоанна, когда Он молился о единстве и произносил слова «Да будут все едины».

Может быть, не все знают, что в нашем братстве — братстве евангельских христиан-баптистов — ежегодно праздновался праздник, День единства. Этот праздник мы отмечали в прошлое воскресенье. Это очень значимый праздник существовал и в советский период, и позже, во времена новой России. Возможно, значение этого праздника снизилось для некоторых церквей нашего братства. Нельзя сказать, что мы его возродили, поскольку для большинства он все равно остается значимым, и в последнее воскресенье об этом проповедовалось и говорилось во многих наших церквях.

Я приветствую вас от имени всей нашей церкви и от имени ее руководства. Добро пожаловать к нам, и давайте будем стремиться, чтобы мы, действительно такие разные, все-таки были бы едины, по крайней мере, в этой теме, которой мы занимаемся, говоря о Реформации и приравнивая её к революции. Давайте, рассуждая об этом, оставаться в едином нашем Боге, исповедуя Иисуса Христа. Итак, добро пожаловать! Желаю вам благословений и в продолжении всех ежегодных конференций, и также в этой сегодняшней встрече.

Дитрих Брауэр

*Епископский визитатор Евангелическо-лютеранской
Церкви Европейской части России*

ЦЕРКОВЬ ВСЕГДА РЕФОРМИРУЮЩАЯСЯ ECCLESIA SEMPER REFORMANDA EST

Я благодарю вас за предоставленную мне возможность участвовать в этой конференции и поделиться некоторыми соображениями и мыслями. Тема, как уже было сказано во вступительном слове, действительно очень интересная, очень актуальная, ибо Реформация содержит в себе революцию. И в первую очередь, конечно, революцию сознания, потому что Реформация Церкви, собственно, и означала революцию сознания. Да ведь и Весть Христа сама по себе является революционной. Мы смотрим на картину, где распят Христос — и это тоже революционная весть, которая врывается в человека, в его сознание, сердце и душу.

Я хочу поздравить всех с недавно прошедшим Днем Реформации, а также с Днем Всех Святых, который следовал вслед за ним. Собственно говоря, Лютер именно так это и планировал — в преддверии Дня Всех Святых вновь провозгласить революционную Евангельскую Весть.

Мой доклад озаглавлен так потому, что все вошедшие в него мысли основаны именно на одной этой фразе. Это известный лозунг Реформации, который Лютер неоднократно приводил в своих работах и который в дальнейшем неоднократно становился двигателем многих философских трудов. Здесь звучит активная форма, которая, вместе с тем, отражает и постоянно продолжающееся развитие. Вдумайтесь: как может Церковь **постоянно** реформироваться?

Так поставленный вопрос нуждается в интерпретации и пояснениях. Но я не хочу давать здесь каких-то личных, субъективных интерпретаций. Я хочу просто поделиться с вами некоторыми соображениями о том, что же такое Церковь Реформации, что же такое Церковь, постоянно реформирующаяся.

Церковь Реформации — это, по словам известного богослова Карла Барта, «Церковь скромной теологии».

Церковь Реформации — это, по словам известного богослова Карла Барта, «Церковь скромной теологии». Собственно, именно этой фразой он завершил свои богословские труды, подчеркнув мысль, что в конечном итоге Церковь Реформации является Церковью со скромной теологией. Почему Барт так считает? Да просто потому,

что за спиной у него имеется огромный богословский опыт. Из разработанной им всеобъемлющей догматики можно создать целую библиотеку, массу томов. Но Барт заканчивает свое богословие вот этой короткой фразой. Вероятно, потому, что акцент во всех трудах Барта постоянно делался на одном: на авторитете

одного только Бога, на Его абсолютном, безусловном авторитете. Авторитет одного только Бога. И что бы ни рассматривал в своих богословских размышлениях Барт, его взгляд опять возвращался к исходному пункту — Всемогущему Богу. Постоянно смотреть на распятого Христа, постоянно видеть революционные и реформационные образы нас побуждает воля Бога. Это не наша заслуга, это не наш авторитет. Это авторитет Бога.

Поэтому вся наша теология, все наше богословие — есть богословие скромное. Оно скромное ибо в конечном итоге, оно человеческое, ибо мы описываем его человеческим языком. Но оно говорит о всемогущем Боге. По крайней мере, старается говорить.

Церковь реформирующаяся или Церковь Реформации — это Церковь видимая и невидимая. И невидимая Церковь — есть та Церковь, которая остается константной, остается без изменений. А что касается видимой Церкви — здесь, безусловно, постоянно что-то меняется.

И тут мы опять возвращаемся ко Христу. Он использовал притчи, использовал язык простых крестьян и рыбаков. А иногда прибегал к метафорам, которые характерны для языка философов и богословов. Иисус обращался к людям по-разному, потому что хотел донести до них истину. Именно для этого Он меняет методы и язык. Кроме того, они меняются и вместе с вызовами времени.

Церковь реформирующаяся — Церковь, отвечающая на вызовы времени. И тут можно обратить взгляд в прошлое — на то, что происходило не так давно, в XX веке. Вызов войны, который, к сожалению, снова и снова врывается в наше сознание. Это лишь один из примеров, но, возможно, самый жесткий. В такие моменты Церковь либо молчит, либо пугается, либо совершает какие-то странные действия. Бывает, что Она отвечает на такой вызов времени без страха и сомнения. И тут мы вспоминаем о таких людях, как Дитрих Бонхёффер. Для него вопрос — что же такое Церковь реформирующаяся? — тоже был очень важен. Как же она вот в это абсолютно новое время, перед лицом абсолютно нового вызова должна реагировать? Что легитимно? Что возможно? Он размышлял, например, о том, легитимно ли организовывать покушение на Гитлера? Легитимно ли вообще говорить об этом, думать об этом? Является ли этот акт христианским? Эти вопросы так и остались без ответа. Но задаваться этим вопросом необходимо в любое время! Читая большой труд Дитриха Бонхёффера «Этика», да и другие его работы, мы можем видеть, насколько тяжело было для него и для многих-многих других найти ответы и при этом оставаться верным следованию за Христом.

В этой связи мы должны сказать: Бог не дарует нам дешевую благодать. Это не просто благодать, которая как будто выбрасывается на рынок, и каждый, кто хочет, может за копейки ее купить. Это благодать, оплаченная высочайшей ценой. Очень дорогая благодать, за которую Господь проливает Свою кровь.

Церковь реформирующаяся — Церковь, отвечающая на вызовы времени.

**Церковь только тогда
Церковь, когда она
существует для других.**

«*Kirche ist nur dann Kirche, wenn sie für andere da ist*» — Церковь только тогда Церковь, когда она существует для других. Эта фраза принадлежит Дитриху Бонхёфферу. Это очень важная часть понятия «Церковь реформирующаяся». «Церковь только тогда Церковь, когда она существует для других».

Церковь реформирующаяся — это Церковь критикуемая. Это Церковь, которая воспринимает критику. Церковь, которая прислушивается к критике. Церковь, которая умеет не только слушать, но и услышать. Здесь можно привести нелицеприятный пример из истории наших дней. Наверняка все вы слышали о бывшем председателе Совета Евангелическо-лютеранской церкви Германии, епископе Ганновера Маргот Кессманн. Она проехала на красный свет светофора, и к тому же оказалось, что она выпила две кружки пива. Сразу возникла дискуссия, разползлось огромное количество различных слухов, и скандал был огромный. Кессманн провела короткую пресс-конференцию и огласила свое решение, которое было очень ясным и четким. Она сказала, что после случившегося не может представлять Церковь, что совершила непоправимую ошибку. За Кессманн вступились практически все епископы немецкой Церкви. Они говорили: «Нет, она должна остаться, она прекрасный проповедник, она прекрасный человек, она достойна доверия, нужно более внимательно разобраться в том, что произошло». Но Кессманн заявила, что Церковь от нее не зависит: сама она не является безусловным авторитетом Церкви, и Церковь может жить дальше и без нее. Другой человек на месте Кессманн будет ничуть не хуже, чем она. Маргот Кессманн была уверена в этом.

Это происшествие тоже помогает нам понять, что представляет собой Церковь реформирующаяся. Церковь, которая честно стоит и честно относится к критике, направленной в ее сторону. Церковь, которая умеет принять решение, умеет отличить главное от второстепенного, умеет опять, вновь и вновь, воззреть на Христа, Который является главным и абсолютным Авторитетом.

Перед нами стоят вопросы. Что должно быть подвержено реформации, постоянной реформации, а что — нет? Что является константой? Некоторые пункты уже были названы. Можно проследить два пути, которые открылись еще в эпоху самой Реформации. Я бы назвал эту ситуацию Лютер *versus* Меланхтон. Есть путь Лютера и путь Меланхтона. Лютер написал по поводу Меланхтона такие слова: «Я рожден для того, чтобы бороться с бесами и чертями и побеждать их. Поэтому мои книги боевые и воинственные. Я должен расчищать путь от шипов и колючек, вычерпывать лужи. Но магистр Филиппус идет тихо и чисто, строит, насаждает, сеет и поливает». Возникает вопрос: упрек ли это или наоборот — похвала. Лютер пишет и говорит то, что думает, никого и ничего не стесняясь и не задумываясь о последствиях. Это и вызывает любовь к Лютеру. Путь Лютера: бескомпромиссность и принципиальность. Лютер был не столь-

ко систематиком, сколько библейским богословом, библейским исследователем. В качестве аргументов в своих размышлениях и трудах он использовал примеры. Особенно много их можно найти в его проповедях. А свою жизнь Лютер завершает простой фразой: «Мы — нищие. Это действительно так».

Что же получается? И Барт завершает свои огромные труды «скромной теологией», и Лютер завершает очень скромным по отношению к себе высказыванием. Но эта скромность делает великое дело: она вновь и вновь указывает на высший Авторитет — и ничего более.

Меланхтон, путь Меланхтона — это поиск компромиссов, путь систематического богословия, всеобщего, кафолического богословия, пусть поиска возможности единства. И поэтому, открывая Аугсбургское вероисповедание, мы находим там Артикул о Церкви и Артикул о том, каким образом возможно достижение единства Церкви. И само единство Церкви, и его критерии описаны там достаточно просто: это проповедь Слова Божьего и Таинства, более ничего. Но этого достаточно для того, чтобы Церковь была единой. Однако мы понимаем, что за этим следуют дальнейшие комментарии, где и начинаются расхождения. Поиск компромиссов, акцент на кафоличности — это путь Меланхтона. Какой путь здесь выбрать, по какому пути пойти? — ответ на этот вопрос нужен и в сегодняшнее время, и ответить на него должны сегодняшние евангельские, евангелические церкви.

Путь Лютера — путь бескомпромиссности, путь чисто библейской теологии, как часто его называют. Но на этом пути нас поджидают определенные опасности, о которых будет сказано в следующем докладе. Например, опасность фундаментализма.

Путь Меланхтона тоже имеет свои опасности. В крайнем варианте, в своей максиме, этот путь может увести от идентичности, от центра, от фундамента.

Поэтому Церковь реформирующаяся, Церковь Реформации — это Церковь, которая все время должна определять, что должно быть объектом постоянной реформации, а что подвергать реформации нельзя.

Основа Реформации — не мы, но Бог. И как бы мы ни разделялись, что бы мы ни думали, как бы мы себе ни формулировали ответ на вопрос, что именно подвержено реформации, а что — нет, Хозяином, Главой, Основой Церкви является Он. Никто не может положить другого основания, кроме уже положенного, которое есть Иисус Христос. Именно у Него, у Главы Церкви, мы спрашиваем разрешение что-либо предпринять или сделать, и получаем легитимацию наших шагов. В самом высоком и глубоком смысле, у Евангелической Церкви не может быть главы, ибо у Евангелической Церкви есть лишь один-единственный Глава — Христос.

А основа реформации — это Слово, Слово живое, Слово воплощенное, Слово об оправдании верующего по благодати Божьей. В тот самый первый день Реформации, когда Лютер прибил свои тезисы, в них не было какой-то программной речи. Там было, опять же, библейское богословие. Там была

простая библейская Весть — Весть об оправдании верующего по благодати Божьей. Это было и остается главным Словом, было и остается главной Вестью Евангелия. Вестью, которая освобождает, но Вестью, которая и обязывает.

Принципы Реформации
— *sola Scriptura, sola fide, sola gratia* — в конечном счете, сливаются в одно: *Solus Christus*.

Принципы Реформации — *sola Scriptura, sola fide, sola gratia* — в конечном счете, сливаются в одно: *Solus Christus*. И все картины Реформации, все описания Реформации, все наши мысли о Церкви реформирующейся должны сверяться с этим Главой. Они должны вновь и вновь указывать на Него, как на картину Лукаса Кранаха.

На ней изображена скромная, простая проповедь Лютера, в простом облачении, в простой церкви, но картина указывает нам на центр, где находится распятый Христос. Он распятый для нас, и воскресший для нашего оправдания. И это не наша заслуга, а заслуга только Бога. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин 15:16). Спасибо.

Модератор: Спасибо большое. Согласно нашему регламенту и расписанию после каждого доклада имеется возможность для двух-трех реплик или уточняющих вопросов. Пожалуйста.

М. Дубровский: Какие вызовы, стоящие перед Церковью сегодня, Вы видите? И еще: есть ли какие-то критерии, позволяющие различать, что реформировать, а что — нет? Из доклада я понял, что определение таких критериев — это тоже вызов.

Докладчик: Сначала отвечу на второй вопрос. Как я уже сказал, я бы не хотел приводить только свои субъективные размышления, потому что это — определенные темы для дискуссии. Вопрос «что должно быть реформировано?» стоял всегда. Когда началась и развивалась Реформация, которую уже невозможно было остановить, и которая, в том числе, вылилась и в крестьянские бунты, этот вопрос встал и перед Лютером. И Лютер просто стоял перед Богом в молитве и покаянии: может быть, я сделал что-то неправильно, я не знаю, я простой бывший монах, я простой человек, я простой грешник, стою перед Тобой, нищий. И мы здесь не уйдем от некоторой дискусионности, от полемичности этого вопроса, потому что перед нами — масса вызовов времени. Имеется и множество путей решения каких-либо вопросов, путей церковных, хотя нередко и радикально противоположных. Например, возьмем сложный вопрос постоянно продолжающегося палестино-израильского конфликта. Церковь все время смотрит на него по-разному. Например, на миссию иудеев или на миссию мусульман. Здесь у христиан очень разные позиции, подчас радикально противоположные.

Есть и другие вызовы времени, такие как болезни, которые раньше мы либо не замечали, либо их не существовало вовсе. Это неизлечимые заболе-

вания, по сути, связанные с сопровождением человека к смерти. Есть и такие вызовы времени, которые касаются каждого отдельного социума, каждой отдельной страны — вызовы, на которые Церковь иногда просто не обращает внимания. А ведь это является позицией. А есть церкви, которые очень активно обращают внимание, и это тоже позиция. Например, проблема бомжей или другие социальные проблемы — как Церковь на них реагирует?

То же самое можно сказать и в связи с политическими вопросами. Здесь тоже есть и всегда были разные позиции. Может ли, имеет ли право Церковь участвовать в процессе реформирования общества, которое, может быть, носит несколько революционный характер? В какой форме участвовать? Где границы этого участия? Очевидно, что это тоже дискуссионный вопрос, без обсуждения которого нам никак не обойтись. Да взять, например, саму евангельскую историю. Что там произошло? Мы слышим *vox populi*, радикально противоположный *vox Dei*. *Vox populi* требует: «Распни Его!», и, по сути, среди народа нет никого, кто сказал бы что-то другое, правда? А революционное и реформационное сознание в той ситуации идет только от Бога. *Vox Dei* вроде бы и не слышен, но на самом деле он звучит громко — просто потому, что мы видим перед собой Христа. Звучит громко, но люди его не слышат. Так что вопросы, что допустимо, а что недопустимо, и как реагировать, всегда остаются дискуссионными.

Или вернемся к вызову Второй мировой войны: и сегодня, так же, как и тогда, ведутся войны. Имеет ли право христианин участвовать в войне, в защите Родины? И если имеет, то в какой форме? Это тоже всегда дискуссионный вопрос. Во время войны в Германии была церковь *Bekennende Kirche*, Исповедующая церковь, представителями которой являлись и Бонхёффер, и Барт, и многие другие христиане, но они оставались в меньшинстве. И это правда: они были в меньшинстве. В то время существовала большая *Reichskirche*, Имперская церковь, евангелическая. И знаменитый епископ Мюллер, который отдавал честь Гитлеру, будучи, по крайней мере, какое-то время, его хорошим другом. Ясно, что сказанное касается не только Лютеранской церкви. Церковь тогда встала перед вопросом, который задавал себе Бонхёффер. И в конечном итоге появилось Барменское соглашение и Штутгартское исповедование вины, где многое описано, приведены определенные критерии. И важнейший из этих критериев — после совершения ошибок сказать о них открыто, признаться в этих ошибках, даже если в них нет твоей личной вины, но вина это коллективная. Подобно Лютеру, который чисто по-человечески где-то, безусловно, ошибался, чего-то не досказал, что-то не доделал. Но Лютер об этом открыто говорил. А главное, что он говорил об этом перед Богом. Поэтому все вопросы такого рода все-таки остаются дискуссионными, а сама дискуссия — открытой.

М. Дубровский: Правильно ли я понимаю, что критерии мы сейчас обозначить не можем — это очень сложно?

Может ли, имеет ли право Церковь участвовать в процессе реформирования общества, которое, носит несколько революционный характер?

Докладчик: Да. Готовые рецепты, критерии дать невозможно.

М. Дубровский: А отвечая на первый вопрос, можно большими мазками обозначить вызовы, которые стоят перед нами сегодня?

Опасным вызовом является и то, что под вопрос уже ставятся основные христианские ценности.

Докладчик: Как я уже говорил, это, безусловно, войны, которые до сих пор ведутся. Войны локальные и войны международные. Терроризм. Есть вызовы, связанные с серьезной проблемой душепопечения, особенно в молодежной среде. Мы с вами видим процессы, происходящие в обществе, которые ка-

саются глобализации. Или процессы, которые касаются определенного отупления сознания с помощью интернета, с помощью телевидения и прочих СМИ. Происходит упрощение внешнего, ложное упрощение жизни, утрата жизненных ценностей. Опасным вызовом является и то, что под вопрос уже ставятся основные христианские ценности. В глобальном смысле, я считаю последний вызов самым главным вызовом времени.

С. Переслегин: Я фактически продолжу то, о чем говорил Михаил Дубровский. Вернусь к противостоянию или противоречию между позициями Лютера и Меланхтона. Мне кажется, если мы будем рассматривать эти две позиции как противоречивые, мы точно не ответим на вопрос, что надлежит делать сейчас, и каковы вызовы, стоящие перед нами сегодня.

Так уж получилось, что мы очень много занимались сценированием XVI столетия, рассмотрением основных сил и основных позиций, которые там возникали. Не зря у нас тема — *Реформация vs Революция*. Дело в том, что событиями XVI столетия можно управлять очень по-разному. Можно представить себе картину, при которой Лютер не выступил бы со своей проповедью. Можно представить такую картину (и она была в истории, по крайней мере, была близка к реализации), когда Папа услышал Лютера, и то, что сегодня мы называли бы Реформацией, было бы движением под руководством единой Церкви в единой логике развития. Проблема заключается в том, что даже в этом — вроде бы таком красивом, позитивном варианте, когда Церковь реформируется, одновременно сохраняя единство — даже в таком варианте проливается огромная кровь. Просто вместо войн Реформации начинаются войны Контрреформации. А все остальное идет ровно по той же самой схеме. И в этом плане для меня великой заслугой Лютера было даже не то, что он выступил со своей проповедью и начал движение Реформации, а то, что он сумел удержать равновесие, баланс движения. В результате чего, если правомочно так выразиться, та кровь, которая и должна была быть пролита в XVI столетии, оказалась пролитой не зря, оказалась связанной с шагом развития.

Но если мы видим здесь шаг развития, то мы должны признать три великих фигуры равноположенными. Фигура Лютера, который отвечал за онтологию, за, собственно говоря, прорыв мышления, прорыв сознания. Фигура Меланхтона, который отвечал за политику, за то, чтобы этот онтологический прорыв был положен на огромную аудиторию, на множество людей, а не остался достоянием

очень небольшого числа думающих. И была третья важнейшая фигура — фигура, которая отвечала за стратегию. Я говорю о Фридрихе Саксонском, без помощи которого ни Лютер, ни Меланхтон не смогли бы действовать. И только втроем они смогли совершить шаг развития, который мы называем Реформацией. И в этом плане — не противоречие, а гармония, союз трех очень разных людей, представлявших очень разные схемы мышления, позволил совершить этот шаг.

Докладчик: Я хотел бы здесь отметить, что это противопоставление тоже имеет дискуссионный характер. Мы с вами говорили в контексте, подразумевающим вопросы: где Реформация, где революция, где реформирующееся, а где стабильное. Я говорил о максимах путей Лютера и Меланхтона, об опасностях, подстерегающих на этих путях, именно в ответ на вопрос «Что может или должно быть реформировано?». Безусловно, в том, что касается исторического процесса, вы абсолютно правы. Но я не совсем согласен с приведенной вами концепцией, которая, как мне кажется, является несколько упрощенным взглядом на вещи, потому что как раз, в приведенных мною словах Лютера о Меланхтоне, угадывается некоторый страх, некоторая скованность перед открытым исповеданием принципов реформации Меланхтоном.

Лютер являлся в первую очередь проповедником, проповедником Реформации. Также проповедником являлся, например Лукас Кранах. Он занимался тем, что мы сегодня назвали бы PR. Его гравюры, которые распространялись среди простого неграмотного народа, сыграли огромную роль.

Немецкий язык Лютера изобиловал простонародными выражениями. Песнопения, сочиненные им были вдохновлены музыкой, которую он слышал в пивных и в народных песнях. Затем он положил на эту музыку слова старинных литургических гимнов, а также новые слова, такие как «*Ein feste Burg ist unser Gott*». И это, безусловно, проповедь, которая касалась и чувств человека, и его разума.

А Меланхтон, на мой взгляд, был в первую очередь систематиком. Он являлся тем, кто придал идеям Реформации определенную канву. Особым систематиком Реформации, если мы рассматриваем более широкий контекст, был Кальвин. Он в своих знаменитых «Наставлениях» изложил богословскую систему, которая потом вызвала определенные споры. Например, вопрос предопределения, который для Лютера не являлся центральным. Его отправной точкой было Оправдание. Этот вопрос затрагивался им в проповедях, но не с точки зрения систематики, а с точки зрения разговора от сердца к сердцу. Это касается именно проповеди, а цель проповеди всегда — донести Евангельскую Весть, раскрыть Закон и Евангелие.

о. Игорь Ковалевский

**Генеральный секретарь Конференции католических епископов России
Администратор прихода святых Петра и Павла в Москве
Член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями
при Президенте Российской Федерации**

ГЕРМЕНЕВТИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Уже ранние христиане отдавали себе отчет в необходимости толкования Священного Писания. Известны две крупные раннехристианские школы — Александрийская и Антиохийская. В толковании Священного Писания христиане опирались, с одной стороны, на уже существовавшие иудейские методы интерпретации, особенно связанные с мидрашами и талмудической литературой, а с другой стороны — на античную культуру.

В частности, Александрийская школа, у истоков которой стоят Климент Александрийский и Ориген, основывала экзегезис, толкование Писания, на аллегории. А в античном мире аллегория была широко известна. Она применялась для толкования мифов и, в частности, произведений Гомера. Не надо думать, что древние греки действительно были столь наивными людьми, как изложено у Гомера или в их мифологии. Даже новые исследования говорят о том, что миф — это сложный литературный жанр, который при помощи конкретных образов говорит о вещах, связанных с абстрактными понятиями. Поэтому в античной культуре аллегория получила широчайшее распространение.

Аллегория говорит нам о чем-то ином. Это форма высказывания, которая представляет иную действительность, чем та, которая выражена текстом

Христиане используют аллегория. Аллегория говорит нам о чем-то ином. Это форма высказывания, которая представляет иную действительность, чем та, которая выражена текстом, то есть мы говорим об одном — подразумеваем другое. Но, в отличие от античной аллегии, христиане не выбрасывают исторического смысла повествования. Это важно отметить.

Пример — Ориген, который говорит о трех смыслах Писания, называя их по-гречески. Соматический, телесный смысл, то есть буквальный смысл (σῶμα — с греческого тело). Психический, душевный (ψυχή — душа) — это как бы моральный смысл. И пневматический (πνεῦμα — дух) — это духовный смысл.

В христианской культуре аллегорическая интерпретация получает широчайшее распространение, а на самом деле она уже присутствует отчасти и в самом Новом Завете, в частности, у святого Павла. Типология святого Павла — это тоже, по сути дела, определенный вид аллегии.

Вторая школа — Антиохийская — основывала экзегезис в большей степени на филологии и истории и большее внимание обращала на дословный, буквальный смысл Священного Писания. Восходит она к Лукиану Антиохийскому. В Антиохийской школе подчеркивается типический смысл Священного Писания, а главным герменевтическим принципом является теория (θεωρία), что с греческого буквально означает **видение**, озарение.

Теория имеет место тогда, когда писатель, размышляя над событиями истории Израиля, видит в них образ события нового — мессианского. Например, в Псалмах, когда говорится о Давиде, имеется в виду также и Христос. То есть теория относится к буквальному смыслу Писания, но на самом деле она одновременно выходит за его рамки, поскольку текст Писания имеет некий мессианский смысл.

Теория имеет место тогда, когда писатель, размышляя над событиями истории Израиля, видит в них образ события нового — мессианского.

В истории получилось так, что преобладать стала аллегорическая интерпретация Священного Писания. И уже к Иоанну Касьяну (V век) восходит теория о так называемых четырех смыслах Священного Писания. *Исторический* смысл — дословный; *аллегорический* или же христологический — что текст говорит о Христе; *тропологический* или моральный — что текст говорит о морали, о нравственности; и *анагогический* или эсхатологический смысл — что текст говорит о будущей действительности в уже эсхатологической перспективе.

В XI веке, в Средневековье, возникает такая красиво по-латыни звучащая формула: «*Littera gesta docet, quid credes allegoria, moralis quid agas, quo tendas anagogia*». То есть: буквальный смысл излагает события, аллегория учит, чему верить, нравственный смысл — что делать, и анагогия — к чему стремиться. Этот принцип используют католические исследователи-богословы. В частности, святой Фома Аквинский, живший в XIII веке, также говорит о смыслах Священного Писания: дословном (историческом) и духовном, или же мистическом, который подразделяет на аллегорический, тропологический и анагогический.

К чему привела такая концепция? К тому, что духовный смысл стал искать везде, даже в мелочах, иногда — совершенно некритично. Пример — слово «Иерусалим». В Священном Писании слово «Иерусалим» может означать конкретный город, и это будет дословный, исторический смысл. Аллегорический смысл — это образ Церкви Христовой. Тропологический — это человеческая душа. И анагогический — это небесный Иерусалим уже в полноте Царствия Небесного. Все это очень красиво звучит, но, наверное, понятно, что далеко не везде, где в Священном Писании встречается слово «Иерусалим», все эти четыре смысла необходимо выискивать. А многие средневековые исследователи именно так и поступали. И в этом как раз великая беда многих средневековых католических богословов.

Реформация начинает защищать дословный смысл Священного Писания, выступая против далеко идущей аллегории и некритического поиска духовного смысла в мелочах и различных деталях.

Реформация начинает защищать дословный смысл Священного Писания, выступая против далеко идущей аллегории и некритического поиска духовного смысла в мелочах и различных деталях. И в этом — ее великая роль, великая роль Лютера.

Я помню, как даже мой ректор в Духовной семинарии, в Польше, когда говорил о Лютере, всегда называл его «*ksiądz Luter*». По-польски называть кого-то «*ksiądz*», ксендзом — значит подчеркивать его священство, причем с точки зрения учения уже Католической Церкви. Кроме того, это еще и элемент уважения. Принцип «*sola Scriptura*» — великая заслуга Лютера. А понятие христоцентризма, которое было у Лютера, стало главным герменевтическим принципом, но не только главным герменевтическим принципом: в какой-то степени оно даже становится принципом каноничности. Отсюда — некий скепсис по отношению к книге Откровения Иоанна Богослова и Посланию Иакова.

Реформация начинает выступать против далеко идущей аллегорической интерпретации Священного Писания, которая господствовала в среде католических богословов. Однако необходимо обратить внимание и на то, что сама Реформация была явлением очень сложным. Различные движения внутри самой Реформации также использовали духовный смысл Священного Писания. Например, антитринитарии или анабаптисты подчеркивали именно духовный смысл.

Католическая Церковь сформулировала каноны во многом благодаря Реформации. На Тридентском Соборе Католическая Церковь говорила о Евангелии, широко понимаемом, и, по сути дела, определила окончательно не только канон Священного Писания, включив в него второканонические книги, которые Реформация отвергала, называя их апокрифами, но Католическая Церковь еще и сформулировала некие герменевтические принципы, связанные с толкованием Писания. А именно, связаны они были с широким пониманием Евангелия — Евангелия, которое проповедовали уже ветхозаветные пророки.

Католическая Церковь сформулировала каноны во многом благодаря Реформации. На Тридентском Соборе Католическая Церковь говорила о Евангелии, широко понимаемом, и, по сути дела, определила окончательно не только канон Священного Писания, включив в него второканонические книги, которые Реформация отвергала, называя их апокрифами, но Католическая Церковь еще и сформулировала некие герменевтические принципы, связанные с толкованием Писания. А именно, связаны они были с широким пониманием Евангелия — Евангелия, которое проповедовали уже ветхозаветные пророки.

Далее в Католической Церкви продолжает развиваться духовная интерпретация Священного Писания, и она сказывается на культуре, в частности, культуре янсенизма. Однако уже наступает другой период, эпоха Просвещения, когда и католики, и Реформированная Церковь встречаются уже с совершенно новыми угрозами, а именно, с натурализмом, атеизмом, рационализмом эпохи Просвещения. Ярчайшим примером исследователей того времени является Реймар. Он, по сути дела, считается родоначальником современной проблемы разделения Иисуса истории и Христа веры.

Профессор ориенталистики Реймар полагал, что Иисус как исторический персонаж не исполнил Своего предназначения. И это выражено в словах Евангелия — на кресте Иисус сказал: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня

оставил?» (Мф 27:46). То есть Иисус считал Себя политическим Мессией, и Он был распят. После Его смерти ученики выкрадывают тело Иисуса и распространяют весть о Его воскресении, а Его учение о Царстве переводят уже в духовную плоскость. Это — начало проблематики Иисуса истории и Христа веры, веры послепасхальной общины. Такова эпоха Просвещения.

Весь XIX век был отмечен двумя тенденциями: с одной стороны, протестантским либерализмом, а с другой — попыткой католической церкви отстаивать консервативную позицию. Эта попытка, в конце концов, тоже особым успехом не увенчалась по той простой причине, что археологические открытия, исторические открытия и открытия в области естественных наук заставили Церковь по-новому поставить вопрос о смысле Священного Писания: какую истину оно в себе несет?

Первой серьезной попыткой в этой области со стороны Католической Церкви была энциклика 1893 года *Providentissimus Deus*, которая, по сути дела, уже начинает давать католическим богословам зеленый свет для исследования Священного Писания с помощью историко-критических методов.

Однако Католическая Церковь сталкивается с новой проблемой, которая особо остро начинает проявляться в XX веке. Это проблема модернизма. Проблема, которую многие католические богословы унаследовали от либеральных протестантов, и Церкви Католической приходилось с этим всячески бороться. И окончательно зеленый свет историко-критическим методам исследования Священного Писания Католическая Церковь дала только в 1943 году в энциклике Пия XII *Divino afflante Spiritu*.

Что же получается дальше? С одной стороны, Лютер защищает принцип «*sola Scriptura*» и тем самым подчеркивает необходимость обращения внимания на буквальный смысл Священного Писания. Но с другой стороны, появляется такое искушение — этот буквальный смысл, *littera*, сводить к смыслу буквалистскому, *litteralis*. Документ Папской библейской комиссии, изначально написанный по-французски, именно так различает эти слова.

И отсюда появляется начало библейского фундаментализма. Считается, что начало фундаментализма связано с 1895 годом, с Конгрессом в Ниагаре в штате Нью-Йорк, когда ряд консервативных протестантских деноминаций сформулировали пять принципов фундаментализма. Это, прежде

Весь XIX век был отмечен двумя тенденциями: с одной стороны, протестантским либерализмом, а с другой — попыткой католической церкви отстаивать консервативную позицию.

Считается, что начало фундаментализма связано с 1895 годом, с Конгрессом в Ниагаре в штате Нью-Йорк, когда ряд консервативных протестантских деноминаций сформулировали пять принципов фундаментализма.

всего, вербальная безошибочность Священного Писания, Божество Христа, рождение Христа у Девы, доктрина об искуплении и вера в телесное воскресение мертвых во время Второго Пришествия.

Фундаментализм достаточно быстро распространяется на разных континентах. Как к нему относится Католическая Церковь? В 1993 году, 23 апреля, Папская библейская комиссия издает новый документ, Инструкцию по толкованию Библии в Церкви. Там говорится о разных методах и подходах к толкованию Библии. Метод — более широкое понятие, чем подход. Метод — это совокупность научных исследований, которые применяются для толкования библейского текста. Методов может быть много, но главным методом — и Инструкция об этом тоже упоминает — является историко-критический метод. Он был разработан во многом благодаря протестантским ученым. Главная опасность этого метода заключается в том, что, конечно, возникает искушение свести Священное Писание просто к памятнику культуры, забывая о том, что это — боговдохновенное Слово Божье, то есть исследовать Библию просто как некий литературный памятник, возникший в определенную историческую эпоху.

Но позитив этого метода — это его объективность, а также способность понять глубину послания, исходя из того, что Библия — это Слово Божье, записанное человеческим языком. Это очень важно: Библия не упала с неба, но это Слово Божье, записанное человеческим языком.

Инструкция также говорит о различных подходах к толкованию Священного Писания. Подход, в отличие от метода, более узок. Это исследование Писания с определенной точки зрения. Подходы могут быть разные, даже очень экзотичные, например, психоаналитический подход, феминистский подход — Инструкция упоминает даже об этом.

Откровение — это диалог, диалог Бога с человеком.

Но что Инструкция говорит о фундаментализме? Она называет его не методом, не подходом, а определенной формой самоубийства мысли. Вот, оказывается, какая оценка дана библейскому фундаментализму. Чем это обусловлено?

Обусловлено это ошибочным пониманием Откровения, которое имеет все-таки исторический характер. Откровение — это не монолог человека — тогда это был бы модернизм в чистом виде. Но это и не монолог Бога — это и есть фундаментализм. Откровение — это диалог, диалог Бога с человеком. Бог обращается к человеку при помощи знаков, человек эти знаки прочитывает.

По сути дела, Инструкция сообщает о том, что фундаментализм не учитывает тайны воплощения — воплощения сына Божьего: «И Слово стало плотью» (Ин 1:14). Как во Христе есть две природы — божественная и человеческая, так и в Библии — божественное Слово сливается с человеческим, ибо Слово Божье записано человеческим языком. А конкретный человек жил в определенных исторических и культурных условиях, имел определенный менталитет и писал на определенном языке. Это есть *Sitz im Leben*, то есть место в жизни, в котором возникает библейский текст.

По сути дела, получается, что фундаментализм не учитывает истины о воплощении и теандрического, то есть богочеловеческого характера Слова Божьего. Вот такое достаточно резкое отношение к попытке фундаменталистского прочтения Библии.

Далее Инструкция говорит о том, что фундаментализм может дать верующему человеку некое иллюзорное представление о мире и о том, что Библия прямо, буквалистским образом решит все проблемы человека и даст ответы абсолютно на все вопросы.

Вот такое отношение к библейскому фундаментализму. Важно отметить, что и в протестантских кругах — я имею в виду в широком смысле: и реформатские церкви, и те, что мы называем здесь протестантскими, — и в католических кругах постоянно идет балансирование между двумя этими крайностями, либерализмом и фундаментализмом. С одной стороны, смотреть на Священное Писание как на некий памятник культуры, а с другой стороны — подчеркивать вербальную боговдохновенность Священного Писания, толковать его именно буквалистским образом — даже не буквальным, а именно буквалистским. И Католическая Церковь тоже старается балансировать между двумя этими крайностями. И католические богословы пытаются осознать, что Библия — это Слово Божье, имеющее в себе истину, но Слово Божье, записанное человеческим языком, а человеческий язык не является совершенным.

Какое это имеет значение для всех нас, для собравшихся здесь христиан и, в частности, для нашего межхристианского диалога экуменических отношений? Дело в том, что в любом диалоге очень важно соблюдать некие герменевтические принципы. Священные тексты могут допускать различные толкования. Разные христианские конфессии могут толковать Священное Писание различным образом.

в любом диалоге очень важно соблюдать некие герменевтические принципы.

Возьмем период Реформации. Стоит, кстати, помнить, что в Средневековье термином «*sacra Scriptura*» называлась собственно теология. Это не просто Священное Писание. Слово «теология» употреблялось католическими схоластами неохотно, поскольку слишком силен был его языческий контекст. Католические богословы употребляли разные термины — *fides, articulus fide*, либо *sacra Scriptura* — Священное Писание, хотя на самом деле это была теология, это были их богословские измышления. И многие переводы Священного Писания, возникавшие в период Реформации, — и протестантские, и католические, которые начали тогда появляться — они были очень несовершенны, и часто их целью была защита определенной доктрины, основанной, опять-таки, на определенных библейских текстах.

Теперь стоит отметить, что когда мы пытаемся вести наш экуменический диалог, эти герменевтические принципы должны быть более-менее понятны всем. То есть, с одной стороны, у нас может быть и либерализм — Католическая

Церковь, как вы знаете, имеет сейчас большие проблемы в диалоге с некоторыми протестантскими церквями Западной Европы именно из-за их крайнего либерализма. Но другая крайность — фундаментализм. Фундаментализм, который, по сути дела, ограничивает библейское послание и ограничивает Слово Божье, по существу, ограничивает историческое Откровение просто монологом, определенным монологом. И нам, наверное, стоит помнить, что Священное Писание является также элементом традиции. У нас возникло такое убеждение, которое часто бытует и здесь, в России, что Православная Церковь больше акцентирует Священное Предание Отцов Церкви, Католическая — и Писание, и Предание, а Протестантская — *sola Scriptura*. Что такое *sola Scriptura* — лозунг, который провозгласил Лютер? Над этим тоже следует поразмышлять. Ведь сама по себе *Scriptura* — это тоже элемент Предания, традиции. *Tradicio* — что такое? Это есть традиция. Сама Библия уже является памятником — сама по себе — реинтерпретации текстов, развития традиции. Это видно уже в Ветхом Завете.

Библия, в том числе, является памятником, который сохранился в общении народа Божьего.

Также и Новый Завет формировался как результат некоей традиции. Устная проповедь Христа, проповедь апостолов, редакционная работа евангелистов. Поэтому в широком смысле слова «Писание», само Священное Писание — это тоже элемент великой традиции, которая существует в общении народа Божьего, народа, который живет верой и эту веру передает. И как эту веру народ Божий передает — вот это как раз вопрос, который можно обсуждать, в том числе, на путях межхристианского диалога. Есть народ Божий, и есть его вера — это то, что нас как раз объединяет. И Библия, в том числе, является памятником, который сохранился в общении народа Божьего. Памятником, который нас всех должен объединять. Спасибо за внимание.

Реплика: Вы упомянули несколько раз Инструкцию. Когда она была издана, где?

Докладчик: 23 апреля 1993 года. Инструкция Папской библейской комиссии «О толковании Библии в Церкви».

Реплика: Она есть на русском языке?

Докладчик: Вы знаете, был ее перевод. У меня лично нет ее русского текста, но я могу попытаться найти. Очень давно один из профессоров нашей духовной семинарии в Санкт-Петербурге перевел ее на русский язык. Но английский ее текст есть в интернете, в частности. Все переводы на все европейские языки — английский, французский, итальянский. Папская библейская комиссия, «О толковании Библии в Церкви», 23 апреля 1993 года.

Д. Брауэр: Я хочу поблагодарить сердечно Игоря Ковалевского, потому что вновь стали очевидными многие точки соприкосновения, которые нас объединяют. Мне очень импонирует то, что Вы сказали по вопросу балансирования

между крайним, радикальным либерализмом и фундаментализмом. И ваши слова насчет герменевтических принципов, насчет того, что сначала — Церковь, традиция и община Божья, Христова община, а затем уже — *Scriptura*. Это действительно так. И здесь никакой фундаментализм невозможен, потому что все принципы Реформации — это не *sola Scriptura*. Они все, во-первых, взаимосвязаны, а во-вторых, как я уже сказал, все сливаются в один — *Solus Christus*. Об этом неоднократно говорил и Лютер: первична Весть Христа, первична весть Креста. А *Scriptura* в этом смысле все-таки вторична. Действительно, баланс между крайним, радикальным либерализмом и фундаментализмом — это тоже вопрос революции и Реформации. Поэтому я от всей души благодарю Вас за сказанные Вами слова, которые на самом деле, по-настоящему, нас объединяют.

П. Бегичев: У меня вопрос по поводу того, что вы называете фундаментализмом. Мне показалось, что тут имеет место какой-то такой ярлык — я как человек, учившийся в семинарии, фундаменталист, имеющий богословскую степень и общающийся с современными богословами, которые причисляют себя к фундаменталистам, был немного удивлен определением, которое Вы дали фундаментализму. Мне бы хотелось узнать, на кого Вы ссылаетесь, когда говорите, что учение фундаменталистов о Писании сводится к тому, что Библия есть Божий монолог?

Докладчик: Имеется в виду не фундаментализм в широком смысле этого слова, а фундаментализм как чисто герменевтический принцип. Только это. И главное — это *verbalis* и вербальная боговдохновенность Священного Писания.

Это Инструкция Папской библейской комиссии.

П. Бегичев: А в каком труде, в труде какого богослова отражена вот эта точка зрения, что вербальная теория боговдохновенности Священного Писания представляет собой исключительно Божий монолог? Потому что, насколько я могу судить по общению, по объяснению этого принципа, это совершенно не так.

Докладчик: Это вопрос как раз для дискуссии.

П. Бегичев: Это вопрос и терминологический. Мне кажется, что это вопрос все-таки навешивания ярлыков, потому что фундаментализм, как Вы помните, это понятие появилось после издания известной книги «The Fundamentals», где, собственно, говорилось об историчности чудес, непорочного зачатия и так далее.

Докладчик: Мы, простите, говорим о разных вещах. В свете того, о чем Вы говорите, Католическая Церковь тоже стоит на позициях фундаментализма, потому что она так же отстаивает историчность чудес, непорочное зачатие и т.п.

П. Бегичев: Тогда последний вопрос — просто, чтобы уточнить позицию. Есть ли невербальная теория боговдохновенности, и если есть, то какая?

Докладчик: Католическая Церковь, по крайней мере, в настоящий момент, говорит о боговдохновенности Священного Писания, однако боговдохновенность Писания не стоит сводить к утверждению, что каждое слово в Священном Писании является вербально боговдохновенным. Это уже не вопрос догматов, это вопрос чисто богословской дискуссии. На самом деле, многие католические

богословы до сих пор придерживаются этого принципа. Еще раз подчеркиваю: когда я говорил о фундаментализме, то имел в виду исключительно герменевтический принцип, который выражен в Инструкции папской библейской комиссии.

П. Бегичев: Я понял это, но давайте уточним позиции. А с точки зрения Инструкции — как все-таки происходит боговдохновенность? Боговдохновенность на уровне идеи? Боговдохновенность на уровне интуиции? Как описывает Инструкция сам процесс боговдохновенности?

Докладчик: Это не сама Инструкция, это документы и Тридентского Собора, и Второго Ватиканского Собора, который в этом плане, по сути дела, повторяет Тридентский. «Бог является автором Священного Писания». Вот где смысл боговдохновенности: «*Deus Auctor ...testamenti...*». То есть, Бог — автор обоих Заветов. Это и есть принцип боговдохновенности. Это уже догматический принцип: «Бог — Автор». А как понимать авторство Божие — тут уже начинается богословствование. Что значит Бог — Автор? Если мы исходим из вербального понимания, то получается, что Бог как бы мне диктует, либо водит моей рукой, и я пишу слова.

П. Бегичев: Это же теория диктанта.

Докладчик: Да, теория диктанта. Но Бог — Автор, что же, мы можем понимать авторство Божье и иначе, потому что в классической греческой культуре авторство — не в том плане, что вот он, автор, у которого копирайт, а Бог как Автор, как Создатель богостроительства спасения Нового и Ветхого Заветов. Вот в этом понимании Божье авторство, Бог — как Созидатель домостроительства спасения. То есть авторство понимается в богословском смысле, а не в литературном. Вот где разница. Это, по сути дела, Инструкция и говорит о фундаментализме как принципе. В ней подчеркивается именно то, что фундаментализм на самом деле ассоциируется с Божьим авторством в литературном смысле, а не в богословском, в котором Бог — Создатель богостроительства спасения. Вот где на самом деле разница. То есть здесь речь идет только о герменевтике.

Реплика: Хотелось бы узнать Ваши ощущения в отношении России. Учитывая крайности фундаментализма и либерализма, а также — последствия Реформации, как христиане должны действовать в контексте современного мира, какая задача стоит перед Церковью в России?

Докладчик: В любом случае все проблемы — и это мое глубочайшее убеждение — все проблемы либерализма и фундаментализма внутри христианской культуры, они, прежде всего, связаны как раз с отсутствием понимания во время диалога, с неверной герменевтикой. И по сути дела, может быть, единственное, но очень эффективное лекарство — если использовать естественные средства — это просвещение. Мы, Католическая Церковь, также веруем в сверхъестественное средство, то есть в благодать Божью. Это — сила молитвы, это — Жертва Святой Мессы, как мы это понимаем, это уже элемент нашего вероучения. Однако то, что нас всех объединяет, общее естественное средство — это элемент просвещения. Просветительская работа, которую должны вести представители всех христианских конфессий. Поэтому, как вы,

наверное, знаете, наша Церковь поддержала идею введения в российских школах ОПК — основ православной культуры. Потому что Католическая Церковь, вообще говоря, изначально поддерживает религиозное воспитание фактически везде, во всех странах.

Модератор: Спасибо. Я думаю, мы поблагодарим священника Игоря Ковалевского за его обширный доклад (аплодисменты).

Неклесса Александр Иванович

**Председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации,
член бюро Научного совета «История мировой культуры»
при Президиуме Российской Академии наук
Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем**

НОВОЕ ВРЕМЯ И АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Господа, меня попросили изложить точку зрения на две эпохи, являющиеся предметом сегодняшнего обсуждения — эпоху Нового времени (*Modernity*) и происходящий ныне транзит в постсовременность (*Post-Modernity*). В программе конференции в заглавии моего выступления использовано выражение «*актуальная точка бифуркации*», но я бы обозначил тему рассуждения несколько иначе: «*Новое время и актуальная историческая ситуация*», поскольку смысл предлагаемого вашему вниманию дискурса — именно в сравнении исторических ситуаций, опознании в них общего и специфичного.

**наука — это исследование
Божьего творения для
познания истины через
определение мысли (замысла)
Творца**

Но прежде мне хотелось бы остановиться на вопросе объективности знания в области истории, т.е. в сфере практики, движения человеческого сообщества, поскольку в данном вопросе присутствует некая неопределенность. Дело в том, что наука в европейском понимании — это то, что имеет предмет изучения в виде творения Божьего.

Другими словами, наука — это исследование Божьего творения для познания истины через определение мысли (замысла) Творца. Именно так понятие науки было сформулировано в принципиальном споре, развернувшемся после проникновения аристотелизма в европейскую культуру.

Аристотелизм постулировал истину, основываясь на логической непротиворечивости рассуждения как источнике достоверности. Но христианская культура была с этим не согласна. Ибо следуя данному принципу, под истиной мы будем понимать истину ума человеческого. Божественная же истина, т.е. «истинная истина», истина как таковая, истина *per se*, может серьезно отличаться от человеческой логики и разумения. В качестве основы подобной богословской (мировоззренческой) позиции обычно приводится Книга Иова, где данное различие представлено ярко и трагически.

В ходе двух соборов, состоявшихся в Парижском университете в конце XIII века, был заложен фундамент европейского понимания научного знания как основанного не на умозрительных рассуждениях, а на исследовании сотворенного Богом мира. Давая тем самым возможность — пусть опосредованно —

прикоснуться к истине, познавать состояние вещей, устройство природы (естества), отстранив затуманивающие истину конъюнктурные состояния человеческого сознания. И порой даже входя в противоречие с тем, что представляется уму априорным, несомненным. Проще говоря, в основу познания было положено испытание природы, т.е. эксперимент.

Таким образом, наукой в европейском (христианском) понимании являются науки естественные, ибо только они имеют в качестве предмета исследования то, что сотворено Богом. Знание же в сфере практики и человеческой рефлексии, т.е. то, что в сегодняшнем обиходе называется социальными и гуманитарными науками, является особым образом организованным рассуждением, т.е. *дисциплинами*, имея в своей основе творение человеков.

Предмет исследования в данном случае подвижен, и он находится в прямой связи с самим исследователем, системой аккумуляции знания как институтом. Кроме того, человеческие рассуждения связаны с системами ценностей, которыми руководствуется как индивид, так и общество. И если в случае с науками естественными ценности «вшиты» в организацию института науки, определяя базовые принципы, но будучи отчуждены от «оперативного управления» знанием как таковым, то в социогуманитарных дисциплинах дело обстоит иным образом.

Даже аксиомы дисциплинарного знания не вполне устойчивы — это не константы естественнонаучного знания — они фактически носят преходящий характер.

Человеческое знание об истории трагично. Оно обретается опытным путем и фокусируется Откровением. В результате подобного подхода мы постигаем историю как творящуюся истину, при исследовании которой у нас, в отличие от естественных наук, нет созданного Творцом предмета. В этом деле у нас нет и обретенных в ходе исследования констант. Они имеются в Откровении, но мы не знаем насколько правильно они прочитываются в тот или иной период истории, в ту или другую эпоху. Мы исследуем пройденные человечеством дороги, преодолевая собственные заблуждения.

Кроме того, уже в самой подобной постановке вопроса, как вы хорошо понимаете, заложен мировоззренческий конфликт. Труды по истории пишутся на «разных языках».

Мир людей, человеческая вселенная, существенно отличается от вселенной природной. В каждой — свое понимание времени, свои категории будущего. К примеру, часы измеряют физическое время. Что же касается социального времени, истории, то мы меряем ее такими градиентами, как изменения, события, эпохи, определяемые и разделяемые революциями. Если же продви-

**мы постигаем историю как
творящуюся истину, при
исследовании которой у нас,
в отличие от естественных
наук, нет созданного
Творцом предмета.**

жения нет, то людьми овладевает сон, социальное время застывает, и в мире воцаряется вселенский «день сурка»; наступает то, что сейчас в российской культуре называется застоем. Физическое же время продолжает отсчитывать часы и годы.

Человек, когда рассуждает — как в данном случае поступаю я, — то проявляет определенное мировоззрение, внутреннюю позицию, по-своему интерпретируя знания. Та или иная дисциплина, ее категории также являются культурной интерпретацией определенного миропонимания и логики миростроительства. Книга истории представляет собою текст, который делится на «главы» (эпохи). Последние прочитанные человечеством главы этой книги: Средневековье, Новое время (*Modernity*) и то состояние общества, специфические черты которого — «лица необщее выражение» — становятся все более опознаваемыми.

В истории присутствует своя экономия и икономия, т.е. домостроительство истории и снисхождение к людской немощи, проявляющееся в реализации идеалов.

Эти «главы-эпохи» имеют нечеткие очертания, неявные границы, поскольку каждый интерпретатор определяет их по-своему. В истории присутствует своя экономия и икономия, т.е. домостроительство истории и снисхождение к людской немощи, проявляющееся в реализации идеалов. Выстраивая историю с трагическими срывами, мы также с огрехами ее интерпретируем. Поэтому границы эпох размыты, однако мы все же обладаем способностью их фокусировать.

Начало Нового времени фактически совпадает с появлением протестантской культуры, причем в широком смысле: тут присутствуют не только Лютер и Кальвин, но также Уиклиф и Гус, Аугсбургское согласие и Вестфальский мир. В прологе нынешней главы мы ощущаем дух обновления и культурного переворота, начало обновленного исторического текста. Сопоставляя главы: одну прочитанную, другую — начинающуюся, мы что-то можем сказать о роли человека в мире, об открывшихся ему горизонтах, о вызовах, с которыми он столкнется, вписываясь в изменения сюжета, соотносясь в диахронном путешествии с возникшим иным.

Начало Нового времени фактически совпадает с появлением протестантской культуры, причем в широком смысле: тут присутствуют не только Лютер и Кальвин, но также Уиклиф и Гус, Аугсбургское согласие и Вестфальский мир. В прологе нынешней главы мы ощущаем дух обновления и культурного переворота, начало обновленного исторического текста. Сопоставляя главы: одну прочитанную, другую — начинающуюся, мы что-то можем сказать о роли человека в мире, об открывшихся ему горизонтах, о вызовах, с которыми он столкнется, вписываясь в изменения сюжета, соотносясь в диахронном путешествии с возникшим иным.

При этом историю не следует понимать в пассивном залоге, ее неверно представлять как *читаемую* книгу. Более серьезная интерпретация: «творимая история», ибо человеческий космос, в отличие от физического, каждодневно создается людьми. Будущее в определенном смысле вообще не существует, оно появляется там и тогда, когда мы его *совершаем*. И здесь, конечно, широкий диапазон для манифестации людских сил и воли. В том числе — катастрофический.

Попробуем бегло перечитать текст предыдущей главы и сравнить его с тем, что мы наблюдаем сегодня.

Предыдущая глава началась как история становления городской культуры. Ее центральным персонажем являлся горожанин, бюргер, буржуа, гражданин — это все *одно и то же слово*. Одна и та же персона. Новая позиция человеческой личности предопределила устройство и развитие правового, политического, экономического пространства, обустройство прочих видов социальной и культурной практики. Что же именно опровергалось городом? Отвергалась, прежде всего, сословность, т.е. феодальная организация социума.

Новый город возник в рамках христианской культуры. Его генезис связан с интерпретацией человека как личности, что продуцировало и развивало идеи персонализма, суверенитета индивида, фундаментального равенства людей. Совершеннолетия сознания и подавления двоеверия. Понятия коммунальности (где соучастие присутствует как *причастность*), магдебургского права, содержание гражданских кодификаций и экономических практик — скажем, расширенное воспроизводство — все они имеют основания в авраамической, библейской, христианской культуре. В последней особенно, ибо человек здесь не только образ и подобие Творца, но сама субстанция человеческая оказывается с Ним в сложной синергии.

Новый город возник в рамках христианской культуры. Его генезис связан с интерпретацией человека как личности, что продуцировало и развивало идеи персонализма, суверенитета индивида, фундаментального равенства людей.

В городской жизни — коммунальной практике — уже присутствует генетика практически всех институтов современности: парламента (городского самоуправления) как института представительной демократии, расширенного воспроизводства как источника индустриализма и т.д. Клятвенные союзы через иерархические цеха и корпорации транслируют сословное общество в городские прописи, вписывая его в трансформируемый социальный текст. Городская жизнь формирует оригинальную социальную среду — сообщество горожан-граждан, чей формат быта и бытия опровергает сословность; развивается экономика интенсивного производства; наконец, сообщество городских практик утверждает собственный формат социально-политического обустройства мира: национальное государство.

Коды новой практики распространялись от городов-государств Италии через Ломбардию и Швейцарию в Западную Европу, на побережье Нидерландов, в Англию. И далее на новый континент, имея в виду созидание «*гражданского политического сообщества для установления более совершенного порядка*».

Все эти процессы, равно как и иные, которые в рамках регламента не просто даже упомянуть, предопределяли трансформацию профессиональной практики (наравне с другими институтами). Происходило это либо в процессе серьезного поступательного обновления, либо реформации как разделения. Как именно она изменится — это был вопрос экономии и икономии церковного строительства.

В историческом тексте, таком, как он прописан в состоявшейся истории, мы видим, что произошло это в виде схизмы: разрыва институциональной ткани, разделения мира католического и мира протестантского.

Могло случиться и по-другому.

Исследование культурной динамики при помощи герменевтического подхода позволяет опознать пути христианского дискурса, имплицитно присутствующие в социальных процессах и в историческом тексте в целом

Историческая дилемма, пропорции эволюционного и революционного в истории Реформации проявилась уже здесь. Исследование культурной динамики при помощи герменевтического подхода позволяет опознать пути христианского дискурса, имплицитно присутствующие в социальных процессах и в историческом тексте в целом.

Историческое знание сопрягается с трагическим началом путешествия человеческого — грехопадением. Социальные структуры, созданные

людьми, содержат парадоксальный код, и даже более того: лекала, по которым создан сам человек, в физиологической проекции предопределяют двуполушарное, т.е. «парадоксальное» строение мозга. Конечно, рассуждать так — большое упрощение, однако это позволяет увидеть некоторые особенности процесса постижения истины.

Поисковая активность мозга обычно ассоциируется с левым полушарием (хотя, конечно, процесс протекает сложнее), а роль правого связывается с гештальтом: усилием удержать целостность. Предыдущие выступающие, рассуждая о бурном XVI веке, отмечали, что, наряду со стремительным социальным рывком, в нем присутствовала угроза дезинтеграции социума. Здесь возникает понятие удержания истории в некатастрофических рамках, понимание земной власти не как инструмента «*строительства на земле рая, но недопущения на ней ада*».

История как процесс восстановления человека, его вразумления и обретения утраченного достоинства — основывается на историческом времени, мерой которого является перманентное обновление. Процесс этот является нелинейным и... революционным. Но здесь возникает проблема трактовки термина «*революция*». Она заключена в этимологии и генезисе данной категории: «*революция*» — это круговое движение в смысле «*поворота кругом*», т.е. смена цикла, прежнего формата правления и возвращение к основам. Фундаментальное и потому радикальное обновление.

Данный процесс сопрягается с отмеченным выше стремлением удержать ситуацию от катастрофы. Поэтому, переходя в иное состояние, мы, тем не менее, удерживаем интегральность — в данном случае человеческого общества. Или спасаем собственную личность от распада и попадания в ситуацию безумия, аномии. А субъектное начало — от деградации и обращение в функцию и объект.

Утрачивая целостность, человек становится усеченным организмом, перенося свое достоинство и первородство на ту или иную социальную — т.е. им же созданную — структуру. Этой болезнью человечество переболело в острой форме в XX веке — возможно, из-за отравления миазмами механицизма, исходящими от практики индустриализма, агрессивно отчуждавшего профессиональную функцию от личности, уплотняя ее и воспроизводя, в сущности, сословное, языческое понимание мироустройства.

Кризис культуры *Modernity*, культуры Нового времени, утвержденной голландской революцией бюргерства, двумя английскими революциями XVII века, а затем американской и Великой французской революцией в XVIII веке, начинается уже в XIX веке. Веке, когда данная культура переживает свой апофеоз, поступательный задор, отраженный в умножавшихся представлениях о человеческом могуществе, совершенстве естественной природы и универсальности прогресса. Тогда же индустриальная, промышленная революция создает культуру, тысячекратно усиливавшую мощь человека, одновременно отчуждая его от самого себя, превращая в «*винтик*» индустриального и социального, политического механизма.

индустриальная, промышленная революция создает культуру, тысячекратно усиливавшую мощь человека, одновременно отчуждая его от самого себя, превращая в «винтик» индустриального и социального, политического механизма.

В контексте форсированной элитарной культуры человек становится прилагательным по отношению к механике государства, а его таланты — ресурсом в руках «*инженеров человеческих душ*», что, умножая отчуждение и дегуманизацию, предопределило феноменологию, приведшую к «*теологии после Освенцима*».

Учитывая рамки регламента, оставшееся время я постараюсь использовать для краткого рассуждения о том, что же происходит в человеческом космосе сейчас, в чем именно видятся характерные черты актуальной исторической ситуации. И в чем заключается перелом. Начну же с уже сказанного. Смысл христианской истории — восстановление человека, данная позиция базируется на удивительном статусе человека как образа и подобия Божия, что присутствует еще в иудейской культуре, но культура христианская усложняет и усиливает драматизм ситуации, давая шанс падшему существу стать по энергиям тем, чем Бог является по Своему существу. Это поразительная амбиция предопределила колоссальный культурный рывок. Преодолев многие конъюнктурные обременения, человек получил в руки могущественные инструменты, обрел ощущение свободы и возможность реализации масштабных замыслов, но одновременно — оперативный простор для испытания своих человеческих качеств, на протяжении веков подвергавшихся трансмутации в контексте новой культуры.

С падением роли государственных границ и глобальной транспарентностью статус гражданина как центрального персонажа эпохи сменяется статусом свободного космополита, обретшего возможность проявить свое подлинное состояние духа. Как написано на надгробье Мераба Мамардашвили: «Истина выше родины», фраза, которая имеет для христиан даже еще более глубокий смысл. И которая, в сущности, есть реплика сентенции, если не ошибаюсь, Иустина Мученика: «*Нам всякое отечество чужбина и всякая чужбина — отечество*». Это в позитивном залоге, но есть у проблемы также иные измерения...

Вселенский, т.е. универсальный характер христианства утвердил на планете образ Глобального Града, одновременно обозначив рубеж очередного испытания человека.

Вселенский, т.е. универсальный характер христианства утвердил на планете образ Глобального Града, одновременно обозначив рубеж очередного испытания человека. На планете формируется новая антропологическая, правовая, политическая, экономическая, социальная ситуация. Меняется роль человека, в том числе как создателя нематериальных акти-

вов. Это также позиция человека как творца не только истории, но корпуса нематериального производства: интенсивного, перманентного преобразования таких форм деятельности, как образование, наука, технологии, иные продукты человеческого ума и талантов.

В правовом пространстве исключительная роль государственного суверенитета дополняется и размывается суверенитетом меньшинств, а в логическом пределе — суверенитетом личности. В экономике растет роль новых форм практики, экзотичных форм капитала, освоения будущих и виртуальных богатств, параллельных (вероятностных) зон (рисков). В политической сфере очерчивается феномен «антропо-социальных структур» — подвижных и влиятельных субъектов мировых связей.

Действительно, политическая геометрия последних столетий, основанная на феномене национального государства, на исключительности его статуса как субъекта международных отношений (ср. с упомянутой выше исключительностью государственного суверенитета) существенно модифицируется. Взаимоотношения в глобальном мире между влиятельными игроками представляют скорее *intra-global*, нежели *inter-national relations*. Мутация привычного формата национального государства прописывает новые формулы властной социальной организации, такие как «глобальная держава», «мировые регулирующие органы», «страны-системы», «государства-корпорации», «геоэкономические ареалы», «субсидиарные субъекты», «несостоявшиеся государства», «непризнанные суверены». Все большую роль приобретают разного рода сообщества, корпорации, причем в последнем случае не только и, возможно, не столько знакомые экономические организации, но влиятельные социальные организмы, напоминающие скорее прежний, «городской» и «антропологический» формат этого предприятия.

Так что неслучайно для обсуждения темы было предложено понятие «бифуркация»: мы пребываем в ситуации комплексного транзита. Сегодня переосмысливается само понятие реальности, существенно изменяются представления о физическом строении мира, о социальном мироустройстве, о психее. Возникло все более притягивающее человека пространство виртуальной реальности с потенциальной возможностью обретения собственной, отторгнутой от человека субъектности.

Последнее, что хотелось бы сказать в связи с тем, что регламент выступления приближается к концу. Мы мыслим историю как череду эпох-стоянок, в заглавии выступления это прямо заявлено. Существуют «главы» истории, между которыми обретаются транзитные состояния, времена перехода. Так привычно мыслилось, но нынешняя ситуация, кажется, сложнее. Возможно, мы переживаем не транзитный период между двумя стационарными состояниями, но вступаем в новый ритм исторического существования: переход человеческого *сообщества* к подвижной, перманентно динамичной форме человеческого *существования*, где переосмысливается не только понятие реальности, но и понятие субъекта, создающего эту реальность. То есть человека.

Человек начинает прозревать, что является активным субъектом происходящих изменений, своего рода «неклассическим оператором». Данное понятие, возникнув еще в начале XX века, при становлении квантовой механики, являлось достижением естественных наук. Сейчас этот принцип начинает прозреваться в природе социального космоса. И осмысляться, что влечет многочисленные следствия. Вот здесь-то и вспоминаются споры, звучавшие на соборах Парижского университета в конце XIII века, когда речь шла о том, что реальность совсем не обязательно должна соответствовать человеческой логике, определяемой, если вдуматься, языком эпохи.

Присутствуя в истории, человек творит историю, которая изменяется в соответствии с его мировоззренческой и культурной позицией. Люди обретают новое качество, или, быть может, осознают, восстанавливают некие утраченные качества, выступая соработниками истории, будучи способны производить колоссальные достижения и впадать в умопомрачительные соблазны.

Сталкиваясь со сложным и сверхсложным, подвижным и многоаспектным миром, эксплуатируя актуальную бесконечность возможностей, человечество пребывает в ситуации экзистенциального выбора. Перед ним открывается несколько путей: поддаться охранительному инстинкту, предпринять попытку адаптации к сложности земного бытия либо следовать могучему инстинкту трансценденции земных обстоятельств? Это — испытание человеческих качеств и еще — возможность использовать ситуацию в качестве ресурса для восста-

Человек начинает прозревать, что является активным субъектом происходящих изменений, своего рода «неклассическим оператором».

новления достоинства, только вот какое содержание будет вложено в данную тезу? Столь искусительная позиция, конечно же, может быть прочитана как приглашение к непростым энергиям, скованным на протяжении долгих времен.

И как в середине XVI века звучала грозная тема надвигавшегося на Европу кровавого хаоса — но произошло удержание истории — так и сейчас слышны трагические ноты, но уже во вселенском концерте народов. Теперь удержание истории связано с глобальной ситуацией. Мир не является христианским, евангелизация остановилась, миссия была прервана, колонизация — принимая в расчет все ее издержки — не завершена. Аналогией может послужить бунт крестьянского двоеверия того времени, эти же стихии сегодня обживают открывшийся человечеству простор. Проявляются они в феноменологии глобального андеграунда и плевелах «когнитивного бунта», в торжестве хрематистики и трофейной экономике, системном терроризме и деструктивных культурах.

Разворачивающаяся на планете схватка — это родовые муки нового мира, мы переворачиваем ветхую страницу и на открывшемся белом листе прописываем новую главу истории.

Разворачивающаяся на планете схватка — это родовые муки нового мира, мы переворачиваем ветхую страницу и на открывшемся белом листе прописываем новую главу истории.

Регламент моего выступления исчерпан, благодарю за внимание.

Модератор: Спасибо. Теперь время для реплик и вопросов. Пожалуйста.

Вопрос: Вы уже отметили, что в код категории «революция» заложен, я бы сказал так, возврат к исходной точке для развития в соответствии с первичным замыслом. Можно ли в этом смысле сказать, что христианство — это революция, а не реформация?

Докладчик: Да, конечно, потому что следствие прихода Христа — восстановление человека. То есть человек после грехопадения своими силами не мог восстановить утраченный статус, обрести прежнюю природу и достоинство. С пришествием Христа реализуется революционная ситуация, когда то, что невозможно человеку, оказывается возможным Богу, в синергии и не противореча свободе человека. Сложное, парадоксальное, трагическое разрешение произошедшей некогда антропологической катастрофы. Трагическое, потому что Богочеловек оказывается на кресте.

Вопрос: Тогда в какую нишу мы могли бы поместить понятие «реформация»?

Докладчик: В икономию, в снисхождение к истории, потому что анализируя историческую Реформацию мы должны сопрягать восстановление и раскол, эволюцию и радикальность... Вспоминается в этой связи знаменитая сцена времен Великой французской революции, когда Людовик XVI восклицает: «Это мятеж!», а герцог де Лианкур ему отвечает: «Нет, сир, это не мятеж, а рево-

люция». Распространена неверная трактовка диалога, потому что в его основе — противопоставление ситуации бунта и «прорыва истории». На мой взгляд, реформация противостоит не революции, реформация вполне может знаменовать собой революцию, социальную и мировоззренческую, институциональную и культурную. Противостоят же ей оппортунизм стагнации или рожденный фрустрацией бунт. Должно сочетать революционную амбицию с удержанием целостности, не опуская рук и не скатываясь при этом в бунт либо иную деструкцию.

И. Ковалевский: Спасибо, хочу лишь добавить, что кроме нового понимания реальности субъекта есть новое понимание законов природы. Это как раз то, что для религиозных деятелей весьма актуально. Поскольку в современной науке господствует конвенциональность, т.е. по сути то, о чем договариваются ученые, в отличие от библейской либо святоотеческой трансцендентной концепции, или даже позиции эпохи Просвещения, т.е. имманентной концепции законов природы. Религиозные деятели, так или иначе, но все же связывают концепцию законов природы с трансцендентностью. В частности, в Католической Церкви сейчас ведутся дискуссии по поводу концепции естественного закона.

Что значит естественный закон? То данное, что уже заложено в природе вещи, так, по крайней мере, это понималось и философами, и схоластами, и богословами. Примерно так. И вот сейчас получается, что эти позиции под влиянием, прежде всего, естественнонаучных представлений входят иной раз в определенную конфронтацию. Почему для нас это актуально? Потому что это проявляется в культуре. В Западной Европе уже считаются конвенциональными такие понятия, как пол, то есть то, что, к примеру, для нас, для христиан представляется совершенно неприемлемым.

Докладчик: Вы правы, но это, опять-таки, скорее социальная проблема, нежели естественнонаучная. Я приведу пример, пожалуй, даже более радикальный: изменение правовой конвенции в отношении такой категории, как «смерть». Раньше это состояние человека связывалось с остановкой сердца, сейчас — с прекращением активности мозга. Это, надо сказать, весьма различные позиции.

Содержание же европейской научной революции было в отделении науки в современном понимании от прежнего, т.е. античного («предшествующего») формата упаковки знания. Христианство в этой метаморфозе, помимо твердого следования мировоззренческим принципам, проявило удивительную реалистичность. Родовые муки современной науки, о которых я говорил, демонстрируют это специфическое качество, вытекающее, повторюсь, из

Содержание же европейской научной революции было в отделении науки в современном понимании от прежнего, т.е. античного («предшествующего») формата упаковки знания.

истоки европейской науки лежат — причем в эксплицитной форме — в XIII веке, в знаменитом споре по поводу познания истины.

базовых мировоззренческих установок. Так что рождена наша наука все-таки не Галилеем или Ньютоном — по крайней мере, не в том смысле, как это обычно понимается, поскольку, конечно же, и Галилей, и Ньютон к этому процессу причастны. Но вот истоки европейской науки лежат — причем в эксплицитной

форме — в XIII веке, в знаменитом споре по поводу познания истины. Ведь именно тогда был заложен краеугольный камень: утвержден статус испытания природы, т.е. эксперимента, как критерия верности либо ложности умозрительного построения.

Смысл многодневного диспута был в том, чтобы определить: человек ли *логикой* своей решает, что верно, а что нет — это, конечно, важный этап, но на нем появляются только предположения о состоянии вещей, т.е. гипотезы. Но лишь *опыт* определяет, какие из них соответствуют истине, а какие нет. Этот путь ведет к перманентному усложнению знания и одновременно — к резкому повышению его эффективности; что, конечно, само по себе оказывается серьезным соблазном и развилкой как для социальной, так и эпистемологической позиции науки.

Соответственно, конвенциональность — порой даже в «конституционном» формате аксиоматики — все же скорее свойство социальных и гуманитарных дисциплин. Поскольку их предмет — человеческая практика, т.е. возникают мотивации для воплощения той или иной формы пристрастности. Впрочем, Вы, кажется, все-таки в основном и имели в виду именно социальные процессы, применяемые, в том числе, к научному знанию, но являющиеся объектом гуманитарного дискурса (социальные дисциплины, строго говоря, его часть). Именно в них присутствует не только конвенциональность, но нередко и политичность, и вообще в самых разных формах проявляется *Zeitgeist*. А то и проще — более-менее конъюнктурная политкорректность.

И. Ковалевский: Не только. Даже в естественных науках, вот что важно.

Докладчик: В естественных науках, особенно в сфере исследований, а не трансляции (и тем более различных аппликаций), позиция основана все же не на конвенции, а на константах. Потому что любая конвенция будет, в конце концов, разорвана, если этой конвенции будет противоречить эксперимент. В этом и революционность, и реалистичность, и сила естественных наук. Излагается внутренне непротиворечивая модель, которая, устраивает всех и даже соответствует предыдущей формуле знания. Но проходит эксперимент (экспериментальная проверка), и последний показывает, что дела обстоят каким-то иным образом. Все. Конвенция разрушена.

Однако с социогуманитарными дисциплинами дело обстоит, конечно, иначе. Потому что они и научные **дисциплины**, т.е. строгие рассуждения, производимые по определенным канонам. «Социальные науки» — это нечто вроде

«почетного доктора», это такая вежливая формула. Даже что касается таких областей знания, мимикрирующих под науки, как экономика или математика (специфический язык), то и они науками в европейском понимании не являются. Для математики и ее производных в этой связи даже придумали особую категорию: «точные науки».

Реплика: Математика — это наука, она расширяет знание. Я — профессиональный математик.

Докладчик: Приведу в качестве примера и ответа один кейс: спор математиков от Кронекера и Пуанкаре до недавно скончавшегося Владимира Арнольда. Спор по поводу математических теорий и теорем Кантора, касающихся множеств, бесконечностей и трансфинитных чисел. Суть дела в том, что часть математиков считает операции с бесконечностями «математикой», а часть математиков так не считает. Соответственно, существуют две различные интерпретации, два различных конвента по поводу легитимности тех или иных отраслей математики.

Гуманитарная вселенная сложна, в ней нет констант, нет созданного Творцом объекта. Поэтому, исследуя человеческие деяния — «практику», или производные его сознания, такие как языки, или математику, мы заключаем конвенции, вплоть до аксиом, но даже последние со временем могут быть подвергнуты ревизии. В естественнонаучном знании познанное не отрицается, а как бы «надстраивается», иначе говоря, Эйнштейн не списывает на свалку истории Ньютона, у них просто различная глубина обретенного знания и различные области его применения.

Реплика: У меня имеется комментарий к спору. Дело в том, что я имею право представлять физику, просто потому, что сейчас в значительной степени работаю на атомщиков, и должен, к большому сожалению, вспомнить старое одесское присловье: «*Чтоб нам так жилось, как вы о нас думаете*». Я имею в виду, что наука действительно считает — физическая наука, я сейчас говорю только о ней — что для нее эксперимент является важнейшим критерием истины. Наверное, когда-то так и было. Сейчас это не так. На сегодняшний день в физической науке существует набор догматов. Они вполне известны, и ни один эксперимент, который этим догматам противоречит, не будет принят научным сообществом. И вот если схематизировать, то получится следующее: метод, а, как известно, наука — это объект-субъект-метод, метод физики сейчас делится на физический и математический. Физический метод настаивает на эксперименте, математический метод настаивает на догмате, между ними жесточайшее противоречие, которое не разрешается более семидесяти лет. Оно назрело до взрыва. Мы будем свидетелями этого взрыва.

Докладчик: Я уже высказался по поводу научно-номенклатурного статуса математики. Но надо сказать, что схожие процессы возникают и в социальных дисциплинах, там имеется нечто аналогичное, а именно: а) «идеальный тип» и б) сопутствующие модели эмпирические исследования. Но это уже несколько иная сторона вопроса: комплексный характер исследований, междисциплинар-

ная континуальность знания. Когда же речь идет о дефинициях знания, о его типологии, то надо помнить о многообразии знания и форм его упаковки. Мы заговорили сегодня об одном разделении: естественных наук от социогуманитарных дисциплин. А, скажем, в Древней Греции было не менее шести типологических разделений знания: теоретическое, практическое, техническое (искусство, мастерство, технологии), мистическое, фронесис (житейская мудрость). И такое своеобразное, как эстетика.

И. Ковалевский: Просто возникает новый менталитет, и он-то как раз влияет на религиозную культуру, на религиозный менталитет, по крайней мере, в Западной Европе. В чем причина этого — того, что мы называем плюрализмом?

Докладчик: Вообще-то это серьезная проблема. Новый строй пробуждается к жизни именно изменениями ментальности, которая иначе воспринимает и начинает по-иному трактовать реальность, порою также существенно меняя принципы и методы ее познания и пересматривая способы действовать в меняющейся среде.

Можно в этой связи указать на один из источников путаницы: смешение разных социокультурных процессов, формирующих конъюнктурное мировосприятие: позднего индустриализма и постсовременности (которой, кстати, в числе других характерных черт свойственна тенденция к постсекулярности). Постсекулярность есть отчасти реакция на механистичный характер секулярных институтов, подпадающих под сомнение в эпоху, скажем так, признания легитимности фигуры «неклассического оператора».

Плюрализм же есть следствие не только культурной растерянности, но следствие косвенного признания чрезвычайной сложности открывающейся человеку вселенной

Социальная конвенция, существующая на сегодняшний день, не слишком удовлетворяет нас, в частности, из-за нарастающего расхождения между глубинными истоками нашей культуры и ее актуальным состоянием

Плюрализм же есть следствие не только культурной растерянности, но следствие косвенного признания чрезвычайной сложности открывающейся человеку вселенной, которую с какого-то рубежа он вообще воспринимает как динамический хаос, порождающий, однако же, ту или иную структурность. Речь при этом идет не о замене рациональности иррационализмом, но о генезисе новой рациональности, позволяющей соединять возникающую картину мира с отстающим от новых представлений сознанием. Тут можно было бы многое сказать...

Социальная конвенция, существующая на сегодняшний день, не слишком удовлетворяет нас, в частности, из-за нарастающего расхождения между глубинными истоками нашей культуры и ее актуальным состоянием. Но это как раз

предреволюционная ситуация, которая отражается на всех институтах прежнего строя, включая профессиональные. Сложный человек в сложном мире по своему обустроит среду обитания, одновременно и адаптируясь к новой формуле бытия, и по-своему преодолевая ее.

Думаю, тут есть повод задуматься и над фигурой Лютера, и над воследовавшей через некоторое время Контрреформацией. Но также и о таком фундаментальном разделении, как богословие катафатическое и апофатическое. Разделение, которое в условиях нынешнего цивилизационного кризиса и транзита открывает совершенно новые возможности не только для теологии, но для иного формата знания, а также для церковного обновления и социального обустройства в новой эпохе.

Дубровский Михаил Владимирович

Пастор церкви «Дом Отца»

Руководитель отдела богословия Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников)

Исполнительный секретарь Межсоборного Присутствия Евангельского Собора

ОПРАВДАНИЕ БУДУЩЕГО КАК БОГОСЛОВСКО-СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЦЕРКВИ

Церковь Христова живет в двух измерениях: в Вечности и во времени. Будучи укорененной в Вечности, Церковь не должна и не может меняться. Ее задача состоит в том, чтобы сохранять неизменными те ориентиры, которые открывают людям возможность жить в Божьем присутствии, а значит — обрести смысл жизни, испытывать радость творчества и переживать полноту бытия. Церковь призвана «держатъ отвес», чтобы напоминать миру о Вечности! Но, будучи посланной на землю, Церковь должна искать и находить адекватные формы своего служения людям. Голос Церкви должен быть слышен в ответ на самые сложные и актуальные вопросы, стоящие перед человечеством, а сам ответ, который Церковь дает из Вечности, — звучать на современном, понятном

людям языке. Потому Церковь просто обязана находиться в процессе постоянного изменения. Меняться, оставаясь неизменной — это требование, почти невозможное. Но только удерживая это противоречие, Церковь и может оставаться верной призыву Христа «быть в мире, но не от мира». И только в этом случае возможно исполнение ее предназначения: утверждать на земле Его Царство, привносить Вечность в повседневную жизнь людей.

При этом важно, что изменения в церковной жизни и служении должны не следовать за эпохой, а предвосхищать ее. Этот вывод непосредственно следует из воплощения Христа и природы самой Церкви. Иисус Христос — это Человек Будущего, пророческое предвосхищение того, каким призван стать каждый человек, пример того, что значит быть «образом и подобием Божиим». И Церковь, будучи Телом Христовым, также является народом будущего, несет в себе начаток нового мира, еще только угадываемого сквозь пелену веков. Мы живем ожиданием Второго Пришествия нашего Господа и обетованием будущей жизни в будущем мире. Не стремление любой ценой сохранить прошлое, а устремленность в будущее соответствует истинной природе Церкви, ее внутренней интенции!

Голос Церкви должен быть слышен в ответ на самые сложные и актуальные вопросы, стоящие перед человечеством, а сам ответ, который Церковь дает из Вечности, — звучать на современном, понятном людям языке.

На стыке земного и Небесного, Вечного и временного рождается пророчество. Суть пророчества не в том, чтобы предсказывать будущее, но чтобы выявлять Божью правду в мире. Правда, будучи открытой, выявленной, радикально меняет мир. Когда человек ухватывает Божью правду, когда эта правда открывается в нем, она преображает сначала самого человека, а следом — и мир вокруг него. Лютер, прибивающий свои тезисы к церковным дверям, — пример явления правды Божьей. Этому событию предшествовал долгий личный поиск самого Лютера, завершившийся открытием великого принципа, что «праведный живет верой», что Бог оправдывает человека не по его делам, что во Христе совершилось спасение не только мира, но и каждого человека в отдельности. Это открытие преобразило жизнь брата Мартина. А в тот момент, когда он прибавляет тезисы, совершается пророческое действие, дающее начало изменениям во внешнем мире. Через пророчество Вечное открывается во временном и преобразует земное в образ Небесного.

Церковь есть пророческий народ. Она призвана открывать в мире правду Божью и утверждать ее через жизнь и служение тех, кто этой Церкви принадлежит. В разные эпохи это может происходить по-разному: иногда — через мученичество, в другие времена — через просвещение, когда-то — через социальное служение. Но в те периоды истории, когда происходит смена эпох, Божья правда должна открываться через то, что Церковь прозревает будущее и дает ему оправдание. Оправдание не в смысле легитимации всего, что грядет, поскольку любое человеческое общество содержит в себе как элементы Божьей правды, так и человеческого несовершенства. Оправдать будущее — значит, разглядеть в будущем лик Христа, Господа человеческой истории, и, как результат этого прозрения, привнести в это будущее Божью правду. Дать будущему миру такое основание, чтобы он стал более христианским, чем уходящий.

в те периоды истории, когда происходит смена эпох, Божья правда должна открываться через то, что Церковь прозревает будущее и дает ему оправдание.

В этом состоял богословский и нравственный подвиг Реформаторов: Лютер, Меланхтон, Буцер, Кальвин и другие положили пророческое основание для мира, в котором мы теперь живем. Богословское переосмысление процессов, происходящих в обществе, фундирование этих изменений в первоосновах христианства и переложение сложнейших мировоззренческих вопросов на простой язык, понятный каждому человеку, — эта работа определила дальнейшее развитие Европы на основе христианского мировоззрения. Другими словами, благодаря этой работе Европа — ни много, ни мало — сохранила свое христианское лицо!

Процессы, происходившие в то время в Европе, в чем-то очень близки тем, которые сотрясают ее сегодня. Во-первых, христианство подвергалось резкой (и во многом — справедливой) критике со стороны гуманизма. Ренессанс поставил ряд острых вопросов, на которые у средневековой Церкви просто

Ренессанс поставил ряд острых вопросов, на которые у средневековой Церкви просто не было ответов.

не было ответов. Развитие экономики и появление нового сословия, становление национальных государств, открытие Америки, научные достижения и многое другое — все это ломало сложившуюся картину мира и нуждалось в объяснении. Церковь убегала от обсуждения этих вопросов, предпочитая верить, что «завтра будет так же, как вчера, только немного лучше». Гуманисты, напротив, были готовы предложить свои ответы, но в основе их лежало не христианское, а светское мировоззрение. И тут не стоит обольщаться: «Государь» Макиавелли является замечательным образцом того, на каких путях гуманизм предлагает решать проблемы человечества, в данном случае — на примере политической власти! Великая французская революция — наглядная иллюстрация того, по какому пути могло бы пойти в этом случае развитие Европы! Да и современная европейская ситуация тоже заставляет задуматься о том, насколько действительно «гуманен» гуманизм. И если бы Отцы Реформации не смогли найти иные, христианские ответы на эти вызовы, трудно сказать, какое место в Европе занимала бы Церковь в последующие века.

Другой угрозой был ислам. Сулейман Великолепный, султан Великой Порты, в сентябре 1529 года стоял перед воротами Вены. На европейской карте XVI века владения Османской Империи включают в себя все Балканы и Венгрию. Фактически, Турция в то время — одно из крупнейших европейских государств! Из древних христианских столиц только Рим еще не был завоеван мусульманами. А взятие Вены открывало прямую дорогу в Западную Европу и в Италию. Исламизация Европы в XVI веке — более чем реальный сценарий! Читая материалы об осаде Вены трудно удержаться от ощущения, что здесь не обошлось без Божьего вмешательства. Война между Францией и Священной Римской империей, которая шла в это время, делала невозможной помощь осажденным со стороны других европейских государств. После взятия Буды (нынешний Будапешт) Сулейман отправляется в поход на Вену — и кажется, ее судьба уже предрешена. Однако неожиданно начинаются дожди (это летом-то!), турки не могут подвезти тяжелые осадные орудия, армия Сулеймана приходит к Вене, измотанная трудным маршем и болезнями, и осада оказывается неудачной. Но даже с учетом всего вышесказанного, сами защитники Вены считали снятие осады чудом Господним! Кажется, Сам Господь дал Европе отсрочку...

Лютер, Меланхтон, Буцер, Кальвин и другие реформаторы совершили нравственный и богословский подвиг, позволивший Европе в своем дальнейшем развитии сохранить человеческое лицо.

Возможность для Европы христианского будущего появилась благодаря тем изменениям в Церкви, которые мы сейчас называем Реформацией. Лютер, Меланхтон, Буцер, Кальвин и другие реформаторы совершили нравственный и богословский подвиг, позволивший Европе в своем дальнейшем развитии сохранить человеческое лицо. Тертуллиан

однажды сказал, что душа каждого человека — христианка. Другими словами, выявление настоящего, подлинного лица человека, даже больше — всего мира, это всегда выявление Христа — Бога, явившегося во плоти. Богословская интуиция Отцов Реформации позволила им через свою человеческую трагедию, через вопрошание о смысле и о цели, через борьбу с сомнениями и страхами показать Христа, действующего в этом мире. Следующие пятьсот лет истории стали оправданием этого подвига. Разве не в совершении такой работы и состоит предназначение Церкви в этом мире?

Реформация требовала иного богословия, где в центре внимания был не Бог, взятый в отдельности от Своего творения, высокий, превознесенный, трансцендентный, а Бог в отношениях с человеком, сошедший в наш мир и пребывающий с нами в наших повседневных делах, освящающий Своим присутствием и благословляющий труд человека и его семейную жизнь. Отныне богослужение совершается не в храме — каждое дело, которым занят человек, может и должно быть служением Богу! Такой подход сформировал и иной взгляд на мир. На него стали смотреть, как на мастерскую, а не Храм, что стимулировало творческое отношение к творению, исследование мира и его преобразование в соответствие с замыслом человека. Новая этика дала основание для добросовестного труда и получения честной прибыли.

Сначала все эти положения формулируются протестантами. Немногим позже католическая церковь дает свою версию ответов, во многом используя как открытия, так и ошибки реформаторов. Такого рода богословские прозрения определили дальнейшую историю европейских народов как историю христианскую и стали основой европейского лидерства в мире более чем на 400 лет.

Реформация смогла ответить на вызовы того времени, но эти ответы дались очень непросто. Для того чтобы заложить основание будущего мира, реформаторам пришлось отказаться от многого, что составляло суть средневековой Церкви! Апостольское преемство, лежавшее в основе церковной структуры и делавшее значимым таинства, культ святых, в котором увязывалось прошлое и настоящее, институт священства и многое другое было отвергнуто как ненужное, а подчас — как противоречащее воле Божьей! Богословский подвиг реформаторов состоял не только в том, что они смогли заглянуть в будущее и разглядеть в нем Христа. Они имели мужество во имя Его отвергнуть то, что было освящено более чем тысячелетней историей, но что стало препятствием для проявления в мире Царства Божьего.

Для того чтобы заложить основание будущего мира, реформаторам пришлось отказаться от многого, что составляло суть средневековой Церкви!

Любое развитое мировоззрение имеет в социальном мире три проекции. Оно проявляется, во-первых, как определенный образ мыслей, во-вторых, как образ жизни/существования, и в-третьих, как образ действий, деятельности.

Для Церкви эти проекции выглядят как богословие (образ мысли), церковь как социальный институт (образ жизни) и служение (как деятельность). Для того чтобы положить оправдание для будущего, реформаторам пришлось заново выстроить все три составляющие. Косметического ремонта было недостаточно: в эпоху, когда мир полностью меняется, в Церкви должны произойти столь же радикальные перемены. Только в этом случае Церковь сможет продолжать свое служение в мире. Результатом работы реформаторов стало такое представление Церкви в социуме, которое кардинально отличалось от предыдущего. С точки зрения католиков, то, что создали протестанты, вовсе не было Церковью!

Выше уже упоминалось об изменении фокуса богословского рассуждения. Когда в центре внимания оказывается не Бог, а система отношений «Бог — человек», это требует полной перестройки всей богословской системы! Но сменился не только фокус — поменялся и богословский метод. Сохранив стремление к построению стройных богословских систем, протестанты в основу богословского метода положили не схоластику, не умозрительные размышления, а «эксперимент»: размышление начиналось с реальных жизненных ситуаций. Сменилась и система верификации богословских прозрений: отныне не Церковь в лице иерархии, соборов и т.п. выступала в качестве окончательного авторитета. Абсолютным критерием истинности стало Священное Писание, Библия. Только Слово Божье обрело статус непогрешимости, все человеческие рассуждения признавались заведомо несовершенными.

Реформация вынесла служение Богу за стены храмов и монастырей: отныне каждый труд есть богослужение, через любую деятельность человек и может, и должен прославлять Творца и утверждать Его Царство в мире.

Средневековые представления о служении Богу основывались на принципе «разделения труда»: каждое сословие несло свою часть «общественной нагрузки», тем самым поддерживая в мире установленный Богом порядок. Монархи правили, несли на своих плечах бремя власти, рыцари — бремя защиты всех христиан, крестьянам и ремесленникам оставалась простая задача — кормить и обеспечивать всех всем необходимым...

На священниках и монахах лежала ответственность предстоять за все общество перед Богом. Таким образом освящалась, наделялась смыслом как жизнь всего общества, так и каждого человека в отдельности. Реформация вынесла служение Богу за стены храмов и монастырей: отныне каждый труд есть богослужение, через любую деятельность человек и может, и должен прославлять Творца и утверждать Его Царство в мире. Стоит ли упоминать, что такая богословская посылка приводила к ликвидации целого сословия?! А только в Германии в то время к различным монашеским орденам принадлежала треть трудоспособного населения!

Церковь, как социальный институт, также претерпел значительные изменения. Упразднение иерархии, отмена большинства обрядов и таинств,

изменение внутреннего убранства храмов, богослужение на национальном языке, изменения в календаре... Большинство людей мало что понимают в богословии, но каждый сразу заметит *такого* рода перемены. Через такие изменения идеи Реформации достигали множества людей. Благодаря этому происходили изменения в мировоззрении и образе жизни прихожан церквей. Но не менее важен и тот факт, что эти новшества увеличивали пропасть между католиками и протестантами!

Таким образом, Реформация полностью изменила привычное представление о Церкви. Насколько нелегко было сделать этот шаг, свидетельствует простой факт: ни католическая, ни православная церкви до сих пор не признают протестантов Церковью в каноническом смысле этого слова! «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду» (Мф.12:33). Прошло почти 500 лет, достаточное время, чтобы увидеть и оценить плоды! Суд истории в полный голос свидетельствует о том, что Реформация способствовала не только обновлению Вселенской Церкви, но и преобразованию всего общества на христианских принципах. И тем не менее, ситуация остается прежней: исторические конфессии отказывают протестантам в праве называться Церковью Христа!

Отказываясь от средневековых форм церковной жизни, отцы Реформации шли на огромный риск. Но без этого они не смогли бы принести оправдание новому миру! И не меньший риск предстает тем, кто дерзнет помышлять о будущем сегодня, кто попытается оправдать то грядущее, которое уже стоит на пороге нашей цивилизации. Западный мир уже называют пост-христианским. Церковь там является важным культурным феноменом, но она почти не влияет на основные общественные процессы. Россию тоже нельзя назвать христианской страной: большинство наших граждан, принимая решения и совершая поступки, руководствуются отнюдь не христианской этикой. А это значит, что новая Реформация давно созрела.

Западный мир уже называют пост-христианским. Церковь там является важным культурным феноменом, но она почти не влияет на основные общественные процессы.

Наша цивилизация переживает глубокий кризис. Есть все предпосылки к тому, что мы опять стоим на пороге нового мира. Или, точнее, новый мир стоит на пороге нашего дома. И мы не можем ни предотвратить его наступление, ни сбежать туда, где он нас не достигнет. Но мы можем повлиять на то, *каким* будет этот новый мир. Будет ли он более христианским, чем сегодняшней? Ответ на этот вопрос зависит от того, какую позицию займет Церковь. Станет ли она всеми силами стремиться сохранить прошлое, попытается спрятаться от перемен, или сможет совершить подвиг, подобный тому, что был совершен в эпоху Реформации?

Если Церковь сумеет проделать эту работу, если христиане найдут в себе мужество исполнить то, к чему они призваны, наступающий мир не будет пост-христианским.

Перед современной Церковью опять стоит задача: заглянуть в грядущее и пророчески увидеть в нем нашего Господа. Увидеть не только угрозы, но и тот ответ на эти угрозы, который Господь уже имеет. Увидеть те возможности для распространения и утверждения Царства Божьего, которых у нас не было прежде. Наконец, увидеть там людей, которые будут также искать

правды, любви, жизни, как и наши современники. Если Церковь сумеет проделать эту работу, если христиане найдут в себе мужество исполнить то, к чему они призваны, наступающий мир не будет пост-христианским. Возможно, он будет даже более христианским, чем мир уходящий, поскольку завсегдатаи Царства Божьего продолжают действовать в человечестве.

Но для этого Церкви придется отказаться от многого, что сейчас кажется неизбежным. От ряда положений, институтов и форматов жизни, которые сегодня кажутся неотделимыми от христианства. И в этой связи особую актуальность обретает вопрос, что может и должно меняться, реформироваться, пересматриваться, а что — неизбежно, поскольку составляет суть нашей веры. Этот отказ — есть цена, которую придется заплатить для того, чтобы мир услышал Евангелие. А значит, нам нужно ожидать появления совершенно иной формы Церкви, новой настолько, что будет казаться, что это — и не Церковь вовсе. Тем не менее, это будет просто иное представление той же древней Истины, которая однажды открылась людям в явлении Иисуса из Назарета.

В. Самойлов: Когда я слушаю Александра Ивановича и Михаила Владимировича, у меня возникает вопрос: как в грядущей новой культуре, городской культуре, в новом человеческом качестве, удерживать то, что говорит Лютер — *sola fide*? Как удерживать веру? Как Церковь может и сохранять, и транслировать веру в мире, где все, с одной стороны, усложняется, а с другой — происходит распад, разложение самих основ человеческой жизни? Михаил в своем докладе ставит перед Церковью, по сути, сверхзадачу, но есть ли подходы к ее решению?

И в продолжение этого же вопроса. И в революции, и в реформации звучит лозунг: *Ad fontes!* К истокам! Насколько этот лозунг актуален сейчас? Будет ли постоянно происходить работа по возвращению к истокам? В чем должно быть это возвращение в сегодняшней ситуации?

Докладчик: Мне кажется, что ответ на первую часть этого вопроса уже звучал в сегодняшних выступлениях. Отец Игорь в своем докладе говорил, что вера сохраняется всегда сообществом. Она хранится не столько в книгах и документах, хотя и они важны. Но без живой традиции книги и документы передают не веру, а информацию. Носителем веры является сообщество людей, этой верой живущих. «Общая вера сделала нас одной семьей», сказал апостол Павел. В этом изначальный, новозаветный смысл понятия Церковь! Именно в такой

семье, в живой церковной общине, и хранится, и передается вера. Уже не как информация, а как опыт реального богообщения и богопознания. И потому, до тех пор, пока жива Церковь в этом изначальном, евангельском значении слова, вера будет и удерживаться, и распространяться.

При этом важно отметить следующее. Хотя вера всегда передается через живую цепь людей, но социальное представление этих цепочек со временем изменяется очень сильно. Другими словами, формы церковной жизни и способы ее проявления не являются чем-то навсегда данным и неизменяемым. Например, если раньше слово «поместная община» подразумевало, прежде всего, географическую близость. Сегодня, возможно, это слово будет означать нечто принципиально иное. Сегодня люди готовы преодолевать значительные расстояния, чтобы быть с теми, кто близок им по духу, по мировоззрению. Современный транспорт и средства связи позволяют это делать! Возможно, не так далеко от нас то время, когда «поместная община» в своем служении Богу и людям будет соединять людей, живущих в разных странах! И это — только один пример того, как может измениться сообщество, которое призвано быть хранителем веры. Но, повторюсь, пока это сообщество, пока Церковь жива, вера будет сохраняться и распространяться.

Е. Николин: У меня вопрос короткий. Михаил, ты сказал сейчас об изменениях в наших представлениях о поместной общине: от близости географической — к близости по духу, по образу мышления... Какие еще ростки будущего ты видишь в Церкви, что еще может указывать на новые формы церковной жизни? Есть ли знаки этой будущей Церкви в сегодняшних церквях, в сегодняшних общинах?

Докладчик: Если можно, скажу не столько о ростках, сколько о противоречиях, которые я чувствую, потому что, на мой взгляд, здесь ростки будущего и надо искать. Возьмем для примера богословие, западное систематическое богословие. Оно построено таким образом, чтобы разрешить все возможные противоречия, оно пытается объяснить Бога, Его искупительный план спасения и, вообще говоря, все мироустройство, наиболее непротиворечивым образом, так, чтобы получилась стройная логическая система. В то время как современная научная картина мира уже почти сто лет кладет противоречия в фундамент мироздания! Простейший пример — корпускулярно-волновая теория света. Но это — не единственный пример, вся квантовая физика на противоречиях построена! Другими словами, Бог принципиально заложил неопределенность в мир. Но в богословии мы старательно пытаемся разрешить каждое противоречие, мы

Хотя вера всегда передается через живую цепь людей, но социальное представление этих цепочек со временем изменяется очень сильно

формы церковной жизни и способы ее проявления не являются чем-то навсегда данным и неизменяемым

в построении принципиально иного, антиномичного богословия, и возможен один из следующих шагов в построении будущей Церкви

не умеем думать о Боге антиномично! Достаточно вспомнить извечный спор между арминианами и кальвинистами о суверенности Бога и свободе человека. Хотя простая логика подсказывает, что если даже такая простая вещь, как свет, может быть и частицей, и волной, то уж в вопросе предопределения

и свободной воли дуализм тоже вполне возможен! Можно много и других примеров привести. Ведь в богословском размышлении мы пытаемся рассуждать о Боге, Который явно больше, чем наши самые смелые представления о Нем! Разве можно при этом выстроить полную и непротиворечивую картину?! На мой взгляд, в построении принципиально иного, антиномичного богословия, и возможен один из следующих шагов в построении будущей Церкви.

Второй пример связан с ответом на предыдущий вопрос, заданный Владимиром. Другая точка развития может проявиться в изменении форм общинной жизни. Что такое современная протестантская община? Она возникла в эпоху формирования промышленного капитализма и по своей организации, по своему ритму жизни четко соответствует ритму жизни небольшого промышленного города с пятидневной рабочей неделей и выходными в конце недели. Но в образ жизни жителя мегаполиса это уже совсем не вписывается! Люди сейчас живут и работают в совершенно другом режиме, все больше распространяется фрилансерство, у многих — скользящий график работы, значимая часть людей на выходные стремится из города уехать... Какой должна быть церковная община, чтобы люди, живущие такой жизнью, могли воспринимать ее как органичную часть своей жизни? Плюс информационные технологии, которые становятся все более значимой частью нашей жизни... Я думаю, в поиске ответов на эти вопросы и будут рождаться новые, адекватные современному миру, формы церковной жизни. Здесь тоже нужно ожидать появления каких-то вещей, которые будут давать представление о том, какая Церковь возможна в будущем.

Переслегин Сергей Борисович

Социолог, футуролог, военный историк, исследователь и теоретик фантастики, литературный критик и публицист

С ПРЕТЕНЗИЕЙ НА ВСЕМОГУЩЕСТВО: УПРАВЛЯЮТ ЛИ ЭЛИТЫ БУДУЩИМ?

Сразу скажу две важные вещи. Во-первых, я буду продолжать тему, начатую Михаилом Дубровским, и в этом плане два наших доклада лучше рассматривать как две части одного большого выступления. Во-вторых, как и положено светскому гуманисту с естественнонаучным образованием говорить я буду о грехе. Поскольку Киплинг справедливо сказал: «Лишь грешник может порицать грех, добродетель некомпетентна».

Говорить я буду о самом большом грехе, который, по крайней мере для меня, в некотором смысле гораздо больше, чем грех убийства, ибо грех убийства этим грехом легко оправдывается. Более того, находит в нем не просто оправдание, а некое благословение. Я говорю о грехе, присущем любой из частей, возмнившей себя целым и считающей, что она и есть ВСЁ. Так управляют ли элиты будущим?

Я говорю о грехе, присущем любой из частей, возмнившей себя целым и считающей, что она и есть ВСЁ.

Современная позиция элит вполне понятна: будущее есть то, о чем мы договорились. Мы договорились — вы будете так жить. Вот об этой фразе, которую я считаю очень серьезным грехом, я и буду, собственно, говорить. Мне понадобятся две схемы. Первая схема — это схема типов времен, а вторая — схема типов управления.

Итак, я начну со схемы типов времен¹, ибо она более важна, и в некотором плане вокруг нее будет разворачиваться все остальное. Мы сейчас видим три основных времени. Прежде всего, это время механическое, время физическое, время, которое было впервые спроектировано Ньютоном, подробно описано Эйнштейном и Уиллером, время, которое понимается таким образом, что движения этого времени выглядят максимально простыми. В этом времени есть относительное прошлое: мы можем сказать, что одно событие произошло раньше, а другое позже. Поэтому здесь — относительное прошлое, некое настоящее и некое относительное будущее, выражаемое словами «позже». Практика, максимальная, предельная практика этого времени — это, конечно, инженерия. Предельные уравнения, которые описывают мир в данном типе времени, это уравнения Эйнштейна для гравитационного поля. Те самые уравнения, которые указывают, что материя искривляет пространство и двигается по этому искрив-

¹Смотри приложение: Схема №1

ленному пространству. Траектория движения в этом времени — геодезическая. Собственно, больше о нем и говорить нечего, физика его достаточно хорошо исследовала.

Но есть одна важная деталь. Для того чтобы это время рефлексировать, нам нужно нечто большее, чем просто материя. Нам нужно что-то живое. Чтобы появился мир физического времени, нам понадобится живой наблюдатель, им может быть четвероногое, совершенно без разницы какое именно. Главное, чтобы оно было живым, то есть, некогда родилось и когда-то умерло. Будучи живым, оно в состоянии осознать понятия «раньше-позже», «движение», и тем самым построить для себя картину физического времени.

Очень важно, что само живое существо живет в другом времени. И это — второе время, время τ (*tau*), время биологическое, время, описанное Ильей Пригожиным. Биологическое время описано в какой-то мере Дарвиным и рядом других исследователей, но именно Пригожину принадлежит лучшее формальное описание этого времени. В нем есть абсолютное прошлое — это рождение. До рождения ничего не было. В нем есть абсолютное будущее. Это смерть. После нее ничего не будет. Предельной практикой этого времени является естественно-социальная инженерия, которую мы обычно называем педагогией, причем конкретно — развивающей педагогией, учением об образовании. Форма движения здесь — просто движение, здесь эволюция, эволюционное последовательное развитие. Соответственно, здесь мы говорим, что материя двигается по-геодезически, здесь мы должны сказать, что живая материя развивается по кривой, которую я бы назвал эводезической, от слова «эволюция» и «наиболее прямая траектория». Соответствующее базовое уравнение — уравнение Шрёденгера.

Опять мы сталкиваемся с необходимостью иметь наблюдателя, живущего в более высоком времени. Для рефлексирования живого времени нам нужен наблюдатель, не относящийся к живому времени. Наблюдателем, в этом случае может стать человек. Только для осуществления необходимой рефлексии биологического времени человек должен жить во времени, которое начинается до рождения и продолжается за смертью.

когда мы поднимаемся на уровень трансцендентного времени, нам приходится говорить об этом времени только на христианском языке.

И мы подходим к пониманию этого высокого времени, времени θ (*theta*) или трансцендентного времени. Интересно то, что о механическом времени t проще всего говорить на языке физики. Для описания биологического времени τ можно использовать язык палеонтологии и язык истории. Но когда мы поднимаемся на уровень трансцендентного времени θ , в сущности, нам приходится говорить об этом времени только на христианском языке. Для человека с естественнонаучным образованием, я испытываю странное ощущение: все представления об этом времени — это лишь модификации христианских представлений. То есть, это время

имманентно христианству. Это дискретное время, в котором есть важнейшие события: творение, грехопадение, спасение и апокалипсис, гибель мира. Причем эти события не всегда можно формально разнести как прошлое и будущее или даже как раньше-позже. Они дискретны и в некотором плане личны. Поэтому в этом времени фиксируется «личное прошлое» и «личное будущее».

Совершенно понятно, что это время может каким-то образом рефлексироваться только тем, кто находится выше зоны спонтанного времени. Как естественнонаучный наблюдатель я должен был бы поставить понятие квантового наблюдателя, ну, а как человек, который соотносит себя с христианской картиной мира, сказать, что вот здесь находится позиция Бога, Который является Создателем всех трех времен. Во всяком случае, здесь нечто, что превышает человеческое сознание и восприятие и человеческие же формы рефлексии.

Нужно заметить, что механическое время бесконечно, неисчерпаемо. Биологическое время — конечно, в том плане, что каждое отдельное существование в его рамках имеет свой предел, но с точки зрения внешнего наблюдателя оно безгранично. А с трансцендентным временем все очень любопытно, поскольку оно не просто конечно, оно еще имеет направление и может быть полностью исчерпано. Чрезвычайно важным является то, что христианство принесло человечеству представление об исчерпываемом времени, о том, что оно может кончиться.

До христианства, в принципе, к этой мысли подходили уже греки: «Времени много создал Уранид, только много не значит — бессечно». Но важным для нас является даже не сам по себе факт, что это время такое странное — для нас очень важно осознать, что эта странность значит. Дело в том, что языческое дохристианское мировоззрение, мировоззрение восточное, в том числе и современное, нас упрямо толкают к концепции циклического времени: мир, в котором ничего не меняется, но все с той или иной вариативностью повторяется. Волна за волной, волна за волной. Оно в этом плане, конечно, бесконечно, но при этом оно и бессодержательно. Уместно процитировать одну хорошую книгу: «минуют эпохи, но меняться будут лишь имена королей да названия выигранных ими битв. Все остальное будет оставаться таким, каким оно было». И в этом плане ни время механическое, ни даже время биологическое, хотя в него вписано понятие об эволюции, с нашей точки зрения не вполне адекватны понятию развития. Развитие появляется только тогда, когда возникает спонтанное время, или трансцендентное время. Но тогда получается очень интересная вещь. Получается, что Христос принес на землю идею развития, идею этого времени, а далее, поскольку время θ — время конечное, эта идея начала исчерпываться. И были нужны усилия, которые являются, с одной стороны, усилиями Господа, естественно, а с другой стороны — усилиями людей, которые слышав Его волю, раз за разом создают следующий кусочек времени.

Христос принес на землю идею развития, идею этого времени, а далее, поскольку время θ — время конечное, эта идея начала исчерпываться.

Сильно упрощая, мы можем разбить христианскую историю на пятисотлетние периоды. Первый этап истории христианства — это этап развития христианства еще в рамках великой античной империи — Римской Империи. Нужно сказать, что и Католическая Церковь, с одной стороны, и Империя, совершили великое. Дело в том, что по любым расчетам III век — это предел существования Римской Империи. Если бы она погибла тогда, она не успела бы сделать те шаги в христианизации мира и в христианизации человеческого сознания, которые она сделала. И тогда, конечно же, мы бы имели следующий этап повторения, новый Рим, новое повторение того, что уже было один раз. Но Рим выполнил свой долг, и Католическая Церковь выполнила свою миссию. И в этом отношении гибель Рима не стала гибелью культуры, какой обязана была стать по любой логике развития, по любой логике биологического времени.

Следующий этап, называемый *Темными веками*, тем не менее, был христианским. Это были темные века, в которых уже существовало время θ, человеческое время, время развития. И поэтому, когда где-то к исходу X века мы возвращаемся в сравнительно цивилизованный мир, приблизительно эквивалентный периоду расцвета Рима, начинаются крестовые походы — эпоха *Высокого Средневековья*. Мы подходим туда не как повторение Римской Империи, а как нечто совершенно иное — с иными интенциями, с иной логикой и не только с иным образом жизни, но, что гораздо более важно, с иным образом мышления, а тем самым, и иным образом деятельности.

Я утверждаю, что к концу XV столетия интенции, заложенные в эпоху крестовых походов, были исчерпаны. Был построен средневековый мир с единой Церковью во главе.

Я утверждаю, что к концу XV столетия интенции, заложенные в эпоху крестовых походов, были исчерпаны. Был построен средневековый мир с единой Церковью во главе. Поэтому когда сегодня говорится об объединении церквей, об экуменической политике, речь идет вовсе не о воссоздании единой Церкви. Этот этап развития мы

прошли, и он оказался отвергнутым дальнейшей эволюцией. И «единство» нужно понимать, видимо, абсолютно по-иному, не так, как его часто понимают. И в этом отношении очень интересен вопрос — как мы сегодня воспринимаем слов «единство»? Понятно, что не так, как в XV веке. Но кажется, что уже и не так, как в XX.

Высокое Средневековье в известной степени по качеству жизни превосходило XX столетие. Ибо качество жизни — это все-таки не только уровень возможностей, но это и уровень удовлетворения человеческих трансцендентных пожеланий, уровень соответствия человека обществу и соответствия его большой внешней информационной среде. И человек средних веков *Высокого Средневековья* в этом отношении жил более счастливо, чем человек XX столетия. Но он не мог дальше развиваться в рамках этого своего счастья. И время заканчивалось. Так вот, для меня величайший подвиг Лютера заключается в том,

что он открыл дорогу следующей эпохе. И он дал следующий кусочек времени, следующие пятьсот лет. Позже эту дорогу расширяли и Галилей и Бэкон и еще очень многие хорошие люди, перечисление которых может быть достаточно продолжительным.

И они создали мир *Modernity*. Хороший ли, плохой ли, но абсолютно иной, нежели тот, который был в *Высоком Средневековье*. В этом и состоял шаг развития. Другое понимание Бога, другое понимание человека, другое понимание природы и другие наборы деятельности вокруг нас.

Продолжая то, что говорил Михаил, я должен сказать, что в данный момент времени есть полная убежденность, — и если будут вопросы, я могу это обосновать — что возможности дальнейшего развития в рамках *Modernity* исчерпаны полностью. Да, конечно, можно повторить то, что уже было, и недаром появляется «Конец истории» Фукуямы. Можно рисовать следующий этап, он будет еще одним продолжением — такие же небоскребы, такие же глобальные рынки, такие же войны, такие же политические события. Продолжать можно долго, но в этом продолжении не будет времени развития.

я должен сказать, что в данный момент времени есть полная убежденность, что возможности дальнейшего развития в рамках *Modernity* исчерпаны полностью.

Поэтому сейчас мы стоим перед величайшим вызовом: найдется ли человек, люди, группа людей, которые смогут придумать что-то сами, либо услышать Господа, услышать то, что Он нам говорит, и предложить следующий кусок времени, следующий тип развития. Иной, чем *Средневековье* и иной, чем *Modernity*. В этом — принципиальный вызов, и в большей или меньшей степени его все понимают.

А теперь я возвращаюсь к тому, что было сформулировано в названии доклада. Любое общество, начиная с самых древних времен, по крайней мере, с мезолита, всегда расслоено на управляющих и управляемых. На элиты и на всех остальных. Суть проблемы заключается в том, что элиты, как правило, вполне удовлетворены своей жизнью, не нуждаются в понятии развития и предпочли бы, чтобы время продолжалось циклически, то есть завтра воспроизводилось то же, что было сегодня. Ну, может, чуть лучше: «Завтра будет лучше, чем вчера». Чуть-чуть по-другому и немножко лучше. И в этом отношении почти все существующие в мире элиты — исключения пересчитываются по пальцам одной руки, и не все эти исключения этически нас устраивают — стремятся к возвращению времени в зону циклического, отказу от времени развития и остановке этого развития.

почти все существующие в мире элиты стремятся к возвращению времени в зону циклического, отказу от времени развития и остановке этого развития.

Так вот, я утверждаю: происходящее сейчас, это в некотором плане картина очень любопытного заговора элит против народов. Это попытка остановить любые формы развития, объявив достойными и возможными лишь вполне определенные формы мышления, формы существования и формы деятельности. То, что не входит в список разрешенных — кстати, довольно узкий — признается не просто ошибочным, но и преступным. Обратите внимание на то, что практически все страны в той или иной форме приняли закон об экстремизме. Причем, надо заметить, что деятельность Лютера стопроцентно подпадает под определение экстремизма, даваемое современным законом. Даже действия Меланхтона, при всей его любви к политике компромисса, тоже хорошо вписываются в это определение. И в этом отношении я утверждаю, что сейчас создан, вернее, создается мир, в котором развитие Церкви является уголовно наказуемым и запрещенным.

попытки остановить развитие и являются величайшим грехом, который только можно себе представить.

Я также утверждаю, что попытки остановить развитие и являются величайшим грехом, который только можно себе представить. Я считаю, что над рабочим столом любого чиновника, будь то в России или в любой другой цивилизованной, развитой стране земного шара, должен висеть не портрет

президента, а цитата из одного юмористического текста, в котором товарищ Сталин говорит товарищу Жукову: «Вы, конечно, коммунист, товарищ Жуков, но Бога-то побойтесь».

Следующая схема, которая нам понадобится — это схема типов управления². Существуют три основных уровня управления, которые можно привязать к трем формам движения: статике, динамике и спонтанности, а также — к трем временам, которые мы рассматривали выше: первый уровень к механическому времени t , второй уровень к биологическому времени τ и третий — к трансцендентному θ . Это сильно упрощенное представление, поскольку там все сложнее с временами, и гипотетически, есть еще и четвертый уровень управления, но этих тонкостей мы сейчас касаться не будем.

Первый уровень управления относится к традиционной фазе развития. Этот тип управления применяется в менеджменте и военном командовании. Это прямое неинтенсивное управление. Понятно, что все следующие фазы используют и сохраняют в своих структурах формы управления предыдущих. Формой этого управления всегда является приказ. Второй уровень управления применяется в индустриальной фазе. Он используется в программировании, стратегировании и, соответственно, проектировании. Во всех перечисленных случаях формой управления является план.

²Смотри приложение: Схема №2

Управлением сегодняшнего дня, в кризис индустриализма и постиндустриализма, являются разные формы сценарирования, начиная с простейшего форсайта и продолжая классическим сценарированием и сценарированием современным. Так вот, во всех случаях формой управления является договоренность. Почему я говорю о том, что современные элиты стремятся договориться о будущем? Потому что приказать будущее сейчас невозможно — на любой приказ найдется контрприказ. Очень сложно сейчас и спроектировать будущее: на проект или стратегию существует полностью закрытое пространство контрстратегии.

Управлением сегодняшнего дня, в кризис индустриализма и постиндустриализма, являются разные формы сценарирования

Но помыслить будущее через систему сценариев сегодня можно. Выкинуть все сценарии, в которых происходят хоть какие-то изменения, назвать оставшееся устойчивым развитием, и об этом «устойчивом развитии» договориться. Сама процедура форсайта как формы управления будущим — это форма, при помощи которой элиты приходят к единственному взаимосогласованному представлению о том, каким это будущее будет, после чего начинают его более или менее успешно реализовывать.

И сейчас среди тех, кто занимается прогностикой, идут страшные споры — имеет ли право специалист сказать элитам:

- Того, о чем вы договорились, не будет. Вы не являетесь единственными, кто принимает решения. Уж если на то пошло, вам нужно было бы договориться, кроме как между собой, еще с двумя силами.

- С какими же?

- Ну, во-первых, с народом.

- Народ ничего не знает, абсолютно не осведомлен, его позиция незначима, и мы легко им управляем с помощью средств массовой информации.

- И во-вторых, с Господом.

- Нет, ну мы, конечно, в церковь ходим, но какое отношение имеет Бог к задачам управления? Оставьте Богу — Богово, а кесарю — кесарево.

- Но, господа, вы не замечаете, что вы уже давно взяли себе не только все кесарево, но и почти все, что принадлежит Господу?

В свое время Господь, создавая человека, в некотором плане уменьшил Свой суверенитет, отказавшись от его абсолютности, разрешив появление другого рефлексующего разума, другой свободной воли, кроме Его собственной. Почему в христианской теодицее считается неправильным предсказывать будущее? Потому что

В свое время Господь, создавая человека, в некотором плане уменьшил Свой суверенитет, отказавшись от его абсолютности, разрешив появление другого рефлексующего разума

Господь отказался от этого, будучи всеведущим. Он не предсказывает будущее, дабы не нарушить свободу воли человека. Но государство в современном его представлении, государство начала XXI века, склонно считать себя всеведущим, всезнающим. Оно склонно разрешать или не разрешать будущее. И в этом плане оно забрало себе не только кесарево, оно пытается забрать себе прерогативу всеведения и всемогущества.

Но тут можно сказать только одно: эта задача, к счастью, для него принципиально невыполнима. Но, пытаясь ее выполнить, я боюсь, государство придет к очень неприятным последствиям. А поскольку, еще греки говорили, что за грехи царей страдают ахеяне, то, к большому сожалению, не только государству придется с этими проблемами разбираться, но и всем нам тоже.

Вывод из того, что я говорю, чрезвычайно простой. У нас есть два вызова. Первый вызов — исчерпание времени и необходимость создания нового времени, нового шага развития. И второй вызов — исчерпание существующих форм управления, неадекватность их первому вызову и необходимость создания управления четвертого слоя. Возможно, это должно быть управление через сотрудничество. Причем, слово «сотрудничество» надо понимать в очень широком смысле, и если кто-нибудь скажет «соборность» вместо сотрудничества, я особенно возражать не буду. Я говорю о совместной жизни, совместном мышлении, совместной деятельности. И в этом плане говорю о сотрудничестве, говоря об определенном единстве между элитами, народом и господом, как о том единственном треугольнике, который, собственно, сейчас заключает в себя весь суверенитет, все управление.

создание управления четвертого уровня, для меня это управление онтологемами, аксиологемами и эпистемами.

Менять нужно сам подход к представлению о том, что управляемо и что познаваемо.

И вот эта задача — создание управления четвертого уровня, для меня это управление онтологемами, аксиологемами и эпистемами. Это, по всей вероятности, второй принципиальный вызов, который сейчас стоит перед нами. И это мой ответ на вопрос, что, собственно говоря, нужно будет менять. Менять нужно сам подход к представлению о том, что управляемо и что познаваемо.

Модератор: Спасибо большое за Ваш доклад. Мне думается, что во время круглого стола, наверное, будет более подробное обсуждение. А сейчас, поскольку у нас уже исчерпан регламент, возможна буквально одна реплика или краткий вопрос.

А. Редер: Можно ли сказать, что на предыдущей схеме, линия времени имеет не прямолинейное изображение, а, учитывая сказанное Вами о циклич-

ности, это — спираль, восходящая наверх, идущая, через все сферы к единству, о котором говорит Иисус Христос?

Докладчик: Понимаете, если я, отвечая на ваш вопрос, скажу «да» — это будет неправда, а если я скажу «нет» — это тоже будет неправда. Дело в том, что это же схема, и как всякая схема, она схватывает одну из сторон явления и не претендует на то, чтобы охватить все стороны. Чисто формально мы считаем так: во-первых вопрос, почему... понятно, что ниже, более простого времени, чем механическое, не существует, оно самое простое по построению. Совершенно очевидно, что вот то, что мы назвали здесь трансцендентным временем — это одна форма времени, а их там не две, не три, не десять и не миллион. Но если где-то бритва Оккама допустима, то мне кажется, что именно здесь она максимально уместна, и тогда, наверное, нам хватит пока трех этих форм. Но при этом я должен сказать, что любая горизонталь на этой схеме — это тоже какое-то время. Скажем, в квантовой механике — какое там стоит время? Вопрос очень нетривиальный, потому что у Шрёдингера стоит время t — физическое.

А. Редер: Мы говорим о видимом времени сейчас?

Докладчик: А в логике квантовой механики стоит пригожинское время t . А может быть, там стоит $t + \tau$? Этот вопрос нужно решать. Любая линия, пересекающая эти графики — это формы синхронизации, с помощью которой мы удерживаем время. Вот в этой синхронизации, в этом механизме, и есть та самая спираль, о которой Вы говорите. Но я не могу ее на этой картинке изобразить, потому что в картинке она проектируется на прямую. И любая кривая, несамопересекающаяся, но при этом сложная, может быть нашим личным временем, потому что в свое личное время мы все время двигаемся между тремя позициями. Более того, мы утверждаем, что любой шаг развития по схемам шага развития — это всегда обязательный выход в верхнее время с обратным сваливанием вниз. И в этом отношении — да, спираль есть, но она просто немножко не здесь, не на этой схеме.

Модератор: Спасибо большое за Ваш доклад (аплодисменты). Объявляется перерыв.

Схема №1

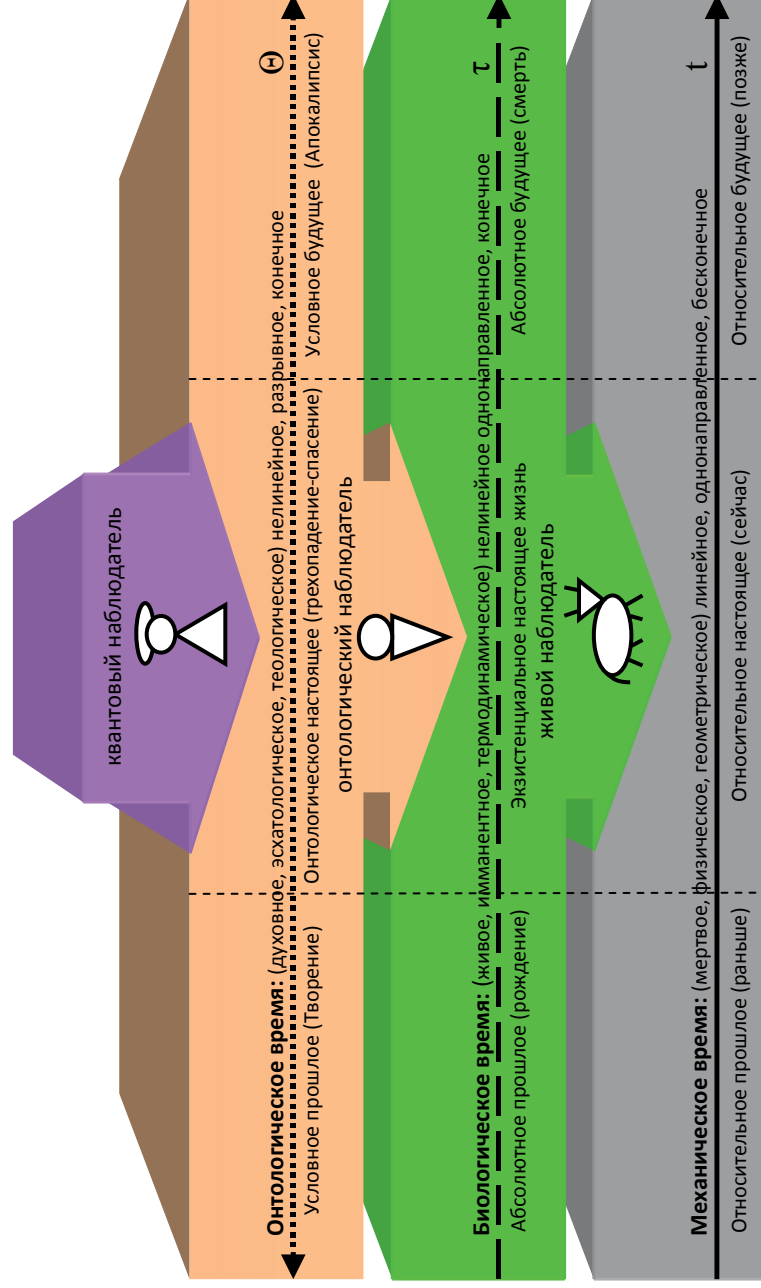

Схема №2

Уровень управления	Тип управления	Протокол (форма управления)	Управляемые организovanности	Управляемые процессы	Формы капитала
I уровень	Прямое	Административный (приказ)	Армия, полис, государство, торговля	Экономические политические культурные предпринимательство	Земельный капитал
II уровень	Индуктивное	Научный (план)	Регион, область, корпорация, инженерная деятельность. ОКРы	Геополитические процессы Изобретательство	Индустриальный, агропромышленный, финансовый капитал в форме банковского и акционерного капитала
III уровень	Концептуальное	Конфликтологический (договоренность)	Макрорегионы, кластеры, городская среда, транснациональные корпорации, НИОКРы	Геоэкономические процессы, инновационная деятельность	Финансовый капитал в форме форвардного, фьючерсного (деривативного) капитала. Человеческий и социальный капитал.

ПЕРВЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕФОРМАЦИЯ VS РЕВОЛЮЦИЯ»

Круглый стол ведет социолог, футуролог, военный историк, исследователь и теоретик фантастики, литературный критик и публицист — Сергей Борисович Переслегин (далее — Ведущий).

Ведущий: Тема нашего круглого стола — «**Реформация против Революции**», и первая часть сегодняшней конференции ясно показала, что это противопоставление с точки зрения людей мыслящих и знающих историю не вполне правомочно. Тем не менее, если вы поговорите с человеком, не имеющим специального образования, но что-то знающим о Реформации, вы почувствуете, что эта тема имеет смысл. Более того, она значима для тех, кто пытается осмыслить картину религиозного и нерелигиозного движения истории. Поэтому я сейчас постараюсь обострить конфликт идей революции и Реформации предельным образом, поскольку именно в предельном обострении мы сможем найти для себя возможность движения, развития, синтеза.

Я начну с идеи Реформации. Для меня очевидно, что Мартин Лютер был «добрым католиком». И, как и всякий добрый католик, он стремился выполнить то, чего от него хотел Господь. Лютер слышал Его желания, как, наверное, слышали их и миллионы других людей XV-XVI столетий. Но Лютер был одним из тех, кто мог сказать: «На том стою и не могу иначе», и он готов был идти до конца. Направлением движения, конечно же, были вера, спасение, Писание. Лютер хотел спасения.

Был ли Лютер готов к насильственным действиям? Вопрос очень сложный. Он их не отвергал безусловно, но так же безусловно он им и не сочувствовал. Во всяком случае, когда лозунги Реформации пытались использовать участники Крестьянской войны в Германии, он выступил против этого резко и решительно.

Мы будем рассматривать Реформацию как попытку движения от насилия в сторону человека, в сторону Бога, в сторону Учения и, в конечном итоге, в сторону понимания и спасения.

Мы будем рассматривать Реформацию как попытку движения от насилия в сторону человека, в сторону Бога, в сторону Учения и, в конечном итоге, в сторону понимания и спасения.

Но в реальном историческом мире реформационное учение очень быстро претворилось в целый набор совершенно другого типа движений, начало чему положила революция

в Германии. Под теми или иными лозунгами, часто — лозунгами религиозными, часто — под стягами Реформации, выступает совсем другое движение, причем я вовсе не готов сказать, что это движение негативное.

¹Здесь речь идет именно о столе, он имел тоже название, что и конференция.

Это движение к справедливости. В Православной Церкви есть позиция, что справедливость — прерогатива дьявола, в то время как Господу приличествует милосердие и понимание. Я не знаю, так ли это в католическом вероучении, и сильно сомневаюсь, что это так в протестантском.

Милосердие и понимание приличествует Господу, а рефлексии и справедливости взыскует дьявол. Красиво, впечатляюще? — да. По сути, это и есть карикатура на небеса.

Но, во всяком случае, первое различие, которое я вижу между революцией и Реформацией, находится именно здесь. Реформация стремится к спасению и пониманию, революция — к освобождению и справедливости. При этом они могут идти довольно-таки близко друг к другу. Я уже сказал, что началось все с Крестьянской войны в Германии, которая, собственно говоря, имела все отличительные признаки борьбы за Реформацию, хотя, вероятнее всего, таковой уже не являлась. А грустная судьба Лейденской коммуны показывает, насколько далеки были побуждения тех, кто реализовывал революцию, от того, что хотели Лютер, Меланхтон, да даже и Кальвин.

Дальше — следующий шаг истории: революция в Голландии. Она же — Голландская война за независимость, она же — первая из буржуазных революций. И вот здесь складывается весьма любопытная ситуация. Безусловно, там и тогда, прежде всего, решались вопросы освобождения и справедливости — справедливости в той картине мира, как ее понимали тогда. Но верно и то, что борьба за независимость Нидерландов шла только под религиозными знаменами. Никаких других знамен не было.

В общем, похожая ситуация сложилась и в Английской революции, хотя там политическая составляющая, я бы даже сказал, династическая составляющая, проявляется гораздо более остро.

И, наконец, у нас есть пример двух великих революций — французской и русской, чрезвычайно похожих друг на друга. Владимир Ильич просто взял Великую французскую буржуазную революцию в качестве исторического примера и этим примером активно пользовался на практике. Но ситуации и в действительности были похожи, поэтому были похожи и управленческие решения. Я обращаю внимание на то, что обе революции, и французская, и русская, отличались направленностью на Будущее, в отличие от Реформации, самой своей сутью, своим именем обращенной в прошлое — к истокам. Но, как мы уже говорили на первой части конференции, сколь Реформация не стремилась формально к возврату в прошлое, реально — и это очень многие понимали — она все-таки была дорогой в будущее. Более того, Реформация — это попытка схватить, удержать будущее, сделать его частью Реальности. И русская, и французская революции такую концепцию «реформации во имя будущего ценою настоящего»

Реформация — это попытка схватить, удержать будущее, сделать его частью Реальности.

(а здесь надо говорить откровенно: у Лютера этот момент — «ценою настоящего» — имелся), просто довели до своего логического предела.

Можно понимать Реформацию как дорогу назад, в русле известного лозунга «Назад к Иисусу!» или «Назад к Писанию!», но это такая темпоральная абберация. Назад к предсуществовавшему Иисусу-Логосу и грядущему Иисусу-Судие — это движение в центр, а не назад и не вперед.

Далее. Принято считать, что и та, и другая революции были до крайности атеистичны. Я не совсем убежден, что это так. Строго говоря, с точки зрения язычников, христиане — атеисты: ведь они не готовы верить в огромное количество всеми уважаемых богов, которым воздвигнуты храмы и алтари. Для нормального язычника приехать в чужой город и помолиться местным богам было благочестиво и естественно. Богов много, и уважать нужно каждого. И в этом плане неготовность христианина уважать, к примеру, Гения императора была не только политическим преступлением, но и кощунством. Иными словами, для язычника христианин являлся атеистом — человеком, который не верит в богов.

Ни в коем случае не желая оскорбить Лютера, я позволю себе сказать, что идея оторваться от всей священной истории, кроме Писания, то есть махнуть рукой на апостольскую преемственность, махнуть рукой на энциклики, на авторитет Папы и даже на авторитет Соборов, в некотором плане тоже было актом освобождения... Это нельзя впрямую назвать безбожием, но я не был бы удивлен, узнав, что многие противники Лютера обвинили его именно в этом. Желая освободиться от Соборов и апостольского преемства, ты освобождаешься и от Бога, и должен это понимать. Другой вопрос, в котором я полностью согласен с Михаилом Дубровским, что история продемонстрировала: для Лютера все было совсем не так. Сейчас это понятно. А в тот момент, в XVI веке, это было совершенно неочевидно.

вопиющий атеизм обеих революций, и французской, и русской, как ни странно, открыл дорогу к колоссальной жертвенности.

Замечу, что вопиющий атеизм обеих революций, и французской, и русской, как ни странно, открыл дорогу к колоссальной жертвенности. Люди просто забывали о своей жизни, о своих интересах во имя чего-то огромного, великого, что гораздо более значимо, чем их жизнь. Но в таком случае возникает

вопрос — а не был ли этот атеизм, атеизм революций, совершенно особой, очень пассионарной формой веры? Ибо что может быть настолько больше жизни? Этот вопрос я пока подвешиваю в воздухе, потому что, с моей точки зрения, и эти революции тоже, как и нидерландская, английская, американская и т.д., были формой развития идей Реформации.

Опять же не будем забывать и о том, что все страны, прошедшие через революцию, то есть, Голландия, Англия — будущая Великобритания, Франция, Россия, ставшая Советским Союзом, испытали то, что мы можем назвать «шоком развития», то есть форсированное включение страны в систему индустриальных

смыслов, воссоздание на ней новых форм существования. Все-таки да, прорыв в будущее революции не только оплатили, но и осуществили.

При этом нельзя забывать и о цене революции, в случае России невероятной. На самом деле, такой же высокой и в случае Франции — с учетом разницы в исходном населении. Да даже в варианте Крестьянской войны в Германии — очень значительной. С другой стороны, я как-то пытался посчитать цену Реформации, рассматривая Тридцатилетнюю войну как естественную «войну Реформации», и здесь цифры тоже зашкаливают.

Встает вопрос. Революция — безусловно, проект. А что такое Реформация? Проект? Стратегия? Программа? Сценарий? Или нечто более высокое?

И, наконец, момент, которому нам всем придется в любом случае уделить основное внимание. Сейчас сложилась ситуация, которую можно назвать по-разному. Я, скажем, люблю называть ее антиреволюционной. В каком плане? По Ленину, революционная ситуация означает, что верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому. А что такое реформа? Низы не хотят жить старому, верхи не могут управлять по-старому, но могут управлять по-новому.

Положение, сложившееся сейчас в России, уникально. Низы очень хотят жить по-старому. А верхи явно не в состоянии управлять ни по-старому, ни по-новому. Это — не революционная ситуация. Это — настоящий глубочайший парадигмальный кризис, с которым нужно что-то делать. Я утверждаю, что в России он представлен наиболее ярко, но, в общем, то же самое наблюдается и в остальном развитом мире. Встает вопрос: кто даст ответ на это страшное противоречие? И что это будет за ответ? Противоречие, которое заключается в том, что элита, несмотря на свое всемогущество и всевластие, не в состоянии выполнить свою первую исходную функцию — функцию организации какого-то управления и правопорядка. Понятно, что здесь возможен революционный выход. Но возможен ли реформационный выход — неочевидно. Отсюда вопрос, который поставлен нами на повестку дня: *Революция или Реформация?* — оказывается вопросом не историческим, а вполне даже политическим. К чему готово общество сегодня? Что этому обществу требуется? Та или иная форма реформации, возврата к истокам, движения к спасению? Конструктивного движения к спасению, движения к спасению через создание будущего? Или путь революции, стремление к справедливости и освобождению и попытка приватизации этого будущего той или иной политической силой? А для нас должно быть понятно только одно: среднего пути, или третьего пути не будет. Либо революция, либо реформация, а может быть, одновременно и то, и другое, как это было в XVI столетии.

Положение, сложившееся сейчас в России, уникально. Низы очень хотят жить по-старому. А верхи явно не в состоянии управлять ни по-старому, ни по-новому. Это — не революционная ситуация. Это — настоящий глубочайший парадигмальный кризис

Вот это те полюсы, которые я хотел бы обозначить для нашей дискуссии.

В. Тен: Сергей Борисович, я просто с трепетом услышал Ваши размышления о том, что произошло бы, если бы Папа прислушался к Лютеру и возглавил Реформацию. Все равно пролилась бы кровь, большая кровь. Мне эта мысль кажется чрезвычайно интересной. Но тему «Реформация против революции» я понимаю немного иначе. Все-таки революция — это коренная ломка, кровавая, насильственная ломка устоявшихся отношений. Реформация — это постепенный, пошаговый выход из каких-то опутавших общество ограничений. Я думаю, что в этом смысле в Голландии в XVI-XVIII веках все-таки была не революция. Национально-освободительная борьба, безусловно, имела место, но в рамках христианских ценностей. Эти процессы не были освобождением от христианских ценностей, а переходом из парадигмы католической в парадигму Реформации. В связи с этим я хотел бы сослаться на известного реформатора конца XIX — начала XX века Абрахама Кайпера. Он написал блестящую книгу «Христианское мировоззрение», подзаголовок — «Шесть лекций по кальвинизму». Лозунг Кайпера такой, как он сформулирован у нас: «Реформация vs Революция». Кайпер был религиозным, церковным и одновременно политическим деятелем в Нидерландах на рубеже XIX-XX веков. Он создал партию, которая называлась «Антиреволюционная». Заметьте, не «контрреволюционная», как у нас в России. И эта Антиреволюционная партия, созданная Кайпером, привела его на пост премьер-министра Объединенных христианских сил, куда в первую очередь, естественно, вошли протестанты-реформаторы. Тогда была сильна не только Реформатская Церковь, но и католики тоже.

Главная заслуга Кайпера заключается в том, что хотя Европа и была «беременная революцией», Нидерланды смогли удержаться внутри христианской парадигмы. Они сумели преобразовать общество в рамках неокальвинизма. Что касается России, то в России революция произошла действительно террористическим путем, отрицанием Церкви, кровавым насилием и так далее. Я хотел бы, пользуясь случаем, предложить Вам и Вашей группе подумать над моделированием такого сценария: как пошло бы развитие России, если бы евангельское пробуждение, начавшееся в России во второй половине XIX века, не было подавлено Победоносцевым и Александром III? И тогда Россия могла бы совершить модернизацию не через урок марксистско-ленинской революции, а шаг за шагом, сохраняя те отношения, которые продиктованы Десятью заповедями Моисея. И естественным образом перешла бы из абсолютистской самодержавной страны в страну конституционной монархии. На закате истории царской России Николай II предпринял судорожные попытки смягчить всевластие человека, отдать часть власти Богу, но было уже поздно, потому что возможности были упущены. Вот если бы Александр III и Победоносцев не подавили тогда движение Пашкова и других аристократов-реформаторов, не помешали созданию массовой церкви евангельских христиан, что было бы с Россией?

Сопоставляя путь России и Голландии, мы видим, что в Голландии группа неокальвинистов смогла выстроить систему антиреволюционных политических движений. Выстроить не насилием, но проповедью, не политическими манипу-

ляциями, но верой. Они сумели остановить взрыв, который мог бы произойти и там. В Германии-то он в конце концов произошел: там была предпринята попытка марксистской революции. В России, где попытка реформации на базе христианской, на базе Евангелия, была пресечена царской властью, модернизация страны пошла кровавым путем. Модернизация страны была вызовом времени. Хотелось бы попросить Вас изучить эти параллели.

Французская революция, как указывает в своей книге Кайпер, была вызвана тем, что Католическая Церковь в Варфоломеевскую ночь вырезала гугенотов. Здесь точка бифуркации: Франция могла пойти по кальвинистскому пути развития, если бы не были вырезаны носители этого духа. Поэтому модернизация Франции произошла по пути революции.

Кайпер скончался до русской революции, до семнадцатого года, поэтому он не мог написать что-то дельное по этому поводу. Но я, сопоставляя Францию и Россию, вижу, что и там, и здесь были попытки реформирования, модернизации страны на почве евангельских ценностей. И там, и здесь эти движения — гугенотов во Франции и движение евангельских христиан первой волны Пашкова в России — были подавлены, и, как следствие, общество пошло по пути модернизации через насилие. Мне хотелось бы, чтобы мы обратили на это внимание.

Ведущий: Спасибо. Практически нам была предложена модель, согласно которой именно уничтожение протестантских движений открывает дорогу революции. Революция здесь рассматривается как безусловное зло, с которым можно было бы справиться теми или иными реформаторскими методами. Вопрос: а в этой аудитории кто-нибудь хотел бы защитить концепцию революции? И рассмотреть ее позитивные стороны?

А. Неклесса: Тема «Перманентная революция» интересна сама по себе. Мне кажется, в ней присутствует одно понятие, имеющее, возможно, и богословский смысл. Это категория «порога» как рубежа новизны. Пришествие в нашу жизнь нового мы воспринимаем именно как переступание через порог.

С. Градировский: Простите, у вас там на конце «г» или «к»?

А. Неклесса: «Г»... хотя иногда требуется обнаружить и «к». (Смех). «Иное» может восприниматься, да нередко и воспринимается как «чужое». И в отношениях с ним возникает несколько моделей поведения, несколько жизненных стратегий.

Первая стратегия — охранительная: мы стремимся защититься от «чужеродного». Собственно говоря, ведем себя «естественным» образом, как существа

Сопоставляя путь России и Голландии, мы видим, что в Голландии группа неокальвинистов смогла выстроить систему антиреволюционных политических движений.

уничтожение протестантских движений открывает дорогу революции.

здравомыслящие и биологические. Вторая стратегия — адаптационная: если вызов является системным, коль скоро он повторяется, мы вынуждены адаптироваться к ситуации. Это уже заметно иная стратегия, требующая повышенных по сравнению с первой усилий, особенно когда она реализуется как процесс критической самоорганизации. Точнее, как «самоорганизующаяся критичность»: неравновесный, но устойчивый, самоподдерживающийся (*sustainable*) процесс. Наконец, третья и наиболее интересная стратегия: когда мы воспринимаем вскрывшиеся необычные, нестандартные обстоятельства и возникающие в связи с этим проблемы как ресурс для творчества и трансценденции.

Тут можно уловить некую неочевидную проблему: что, собственно говоря, следует считать реальностью бытия? Стационарное состояние? Незавершенную, неясную динамику, «бытие в порывах», тенденции, возникающие в статике, актуализации, возвращающиеся в потенции, продолжая бытийствовать и там, но уже спящим, невидимым образом? Можно ли наличие подобных атрибутов, не проявленное в завершенных деяниях, счесть за существование? Можно ли, скажем, подобной субстанцией оплачивать экзистенциальные долги или передавать ее в качестве кредита, либо это форма мошенничества, ведущая к банкротству доверившегося лица? Действительно ли судить следует исключительно по делам или можно признать право на метаною, не успевающую и в двенадцатый час воплотиться, но таинственно призриваемую милосердием?

И еще. В обыденной логике имплицитно заложена статика, т.е. существующий порядок как самостоятельная, порой самодовлеющая ценность, а все остальное — как девиации. Может, и с позитивным знаком, но точка отсчета — в наличной ситуации. Логика вселенского каталога заключена в стремлении заковать жизнь, в увечном вопле: «*Остановись мгновенье!*» со всеми его кусительными небрежениями.

Мне кажется, здесь проходит линия горизонта — рубеж столкновения между христианским или еще иудейским мировоззрением с тем миромыслием, которым грешила античность, вполне полагававшаяся на статику.

Мне кажется, здесь проходит линия горизонта — рубеж столкновения между христианским или еще иудейским мировоззрением с тем миромыслием, которым грешила античность, вполне полагававшаяся на статику. Скажем, Аристотель — гениальный каталогизатор-провидец, непревзойденный мастер в стремлении упорядочить мир, который на тот момент не раскрыл и тысячной доли своих потенций.

Когда же античное — в широком смысле античное, не ограниченное лишь Древней Грецией — мировоззрение сталкивалось с неизбежностью изменений, последние априорно расценивались негативно. Хотя бы потому, что люди — это существа, живущие в изменчивом, т.е. предательском мире (ибо «от земных передраг лишь малое дитя вправе ожидать сладостей»), а изменения — несут вызовы и угрозы. Знаменитая последовательность золотого-серебряного-бронзового-железного веков показывает, что в античной менталь-

ности (по-своему даже прорвавшей замкнутый горизонт Древнего мира) дела обстояли именно так.

Ну, а еще более древние слои истории содержат весьма экзотичные для современного человека откровения: языковая археология (в данном случае постижение аккадской письменности) открывает мир, где прошлое — «дни лица», а будущее — нечто, «находящееся сзади». Другими словами, мировоззренческая и миростроительная позиция отвергать любые изменения была «вшита» на уровне языка. Связующее же звено двух «античных» (в смысле «предшествующих») моделей мира — идея «вечного возвращения».

Что противостоит подобному взгляду на бытие? И в чем видится богословское начало опровержения застоя и ментальности вселенского каталога? Оставив за скобкой — учитывая границы регламента — настороженное отношение к исчислению живых душ, обратимся к началу книги Бытия, т.е. «*Берешит*».

Это странное в грамматическом отношении место «Шестоднева» может быть истолковано (и действительно трактуется) как «*ради начала*». В свете подобной трактовки любопытен зачин «Евангелия от Иоанна», опять-таки обращающий внимание не только на процесс, но и на цель творения. Отсюда — проблематизация бытия как *перманентной трансценденции*, ибо откуда вообще возникает (и оправдывается) необходимость творить? Если же не просто «творить», но «творить ради», то бытие — не статика, не «*сияние, разлитое в неизменности*», а перманентный статус творения.

Существует также понимание данного тезиса, схожее по смысловым истокам («перманентная трансценденция»), однако механистическое по трактовке (скажем, толкование «*земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною*»), по-своему трактующее заново творящуюся бытийность как онтологический статус. Возможно, дело тут в мифологическом материале, вынужденно использованном для трансляции радикально иного содержания.

Перманентной трансценденции бытия сопутствует временная (историческая) трансформация человека. В начале — собственно говоря, *начала истории* как феномена — мы видим грехопадение. Но даже если происходит восстановление человека, то в чем вневременной смысл сюжета? Вот человек пал, вот он восстановил достоинство, но зачем все это было промыслено, свершилось? Или это опять-таки версия «вечного возвращения»? Восстановление человека происходит, однако же, в ином качестве, совершаемом при помощи Жертвы Христовой. И сопряжено с изменением достоинства и природы человека: люди обретают личность и причастность Богочеловеку, пребывающему в странном для ума состоянии-единении: *нераздельном, неслиянном, неразлучном, неизменном*. Эта причастность и есть «преступание через порог», т.е. обретение иного.

И радикальное изменение антропологической ситуации.

От рассмотрения истории как феномена, перейдем теперь к рассмотрению ее как процесса. Припомним: «*Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его*» (Мф 11:12). Это также перманентная трансценденция-революция, но связанная с индивидуальным выбором, под-

Чтобы пребывать в состоянии восстановления (возвращения) естества, чтобы просто его удерживать, мы, как Алиса, должны «бежать».

твержденном усилии. Чтобы пребывать в состоянии восстановления (возвращения) естества, чтобы просто его удерживать, мы, как Алиса, должны «бежать». А чтобы развиваться, должны бежать с еще *большей* скоростью. То же с преодолением исторических обстоятельств, реализуемых посред-

ством революций. Человечество, подобно Мюнхгаузену, вынуждено раз за разом вытаскивать себя из засасывающего земного болота.

Сегодня со схожих позиций обсуждалась эпоха Реформации. Ну а что происходит сейчас и каков прогноз «на перспективу»? Из числа многих явлений выделю одно: *прагматизация метафизики*. Метафизика, в числе прочих нематериальных активов, обретенных человечеством, становится товаром, а также объектом интенсивной нетоварной деятельности. Складывающимися обстоятельствами человек, фактически, обречен вовлекать метафизику в практику, и, конечно, многое при этом извращается.

У нас, к сожалению, существует дефицит категорий, чтобы корректно описать возникающие связи и ситуации: слишком высок удельный вес сходящихся на небольшом отрезке времени неопределенностей. Так что понятие порога начинает обретать дополнительный обертоны — приближения исторической сингулярности. И тут как раз можно предложить аналогию с состоянием перманентной трансформации — в том смысле, как говорилось чуть ранее, — для опознания основ антропологического статуса по ту сторону социального *Big Bang*'а.

Но в данном месте рассуждения нам, пожалуй, следует отметить другое: как можно охарактеризовать мир, в котором метафизика сливается с бытом? Это — *постсекулярный мир*.

Пережив секулярный мир Modernity, человечество вступает в новую эпоху. В числе грядущих метаморфоз — растворение религии в культуре.

Пережив секулярный мир *Modernity*, человечество вступает в новую эпоху. В числе грядущих метаморфоз — растворение религии в культуре. Совершается это как реституция личной веры ради благодати. Поясню мысль, воспользовавшись евангельским выражением: *«где двое или трое*

соберутся во имя Мое». Иными словами, возникает молекулярная структурность общества и Церкви: молекулярная, но не монологичная. Множатся изменения в производстве и потреблении реальности, в понимании социальности и ее трансляции, в институализации. Это одна сторона процесса, в чем-то аналогичная секуляризации эпохи Нового времени.

Вероятный же облик институциональной революции в сфере конфессиональных практик — дальнейшая «поликефализация». В истории Русской/Российской Православной Церкви проблески данного состояния просматриваются,

к примеру, в изданном патриархом Тихоном осенью 1920 г. знаменитом Указе № 362... В чем, надо сказать, видится своя логика: человек становится своего рода «институтотом», правда, с существенной оговоркой — все-таки не сам по себе, а в соответствии с двумя важнейшими заповедями: необходимостью пребывать в состоянии глубокой эмпатии с Богом и/или людьми.

М. Дубровский: Мне хочется, Александр Иванович, подарить вам метафору. Дело в том, что постоянное переступание через порог — это есть лестница.

А. Неклесса: Действительно, так оно и есть.

Ведущий: А я подарю цитату из Вадима Шефнера:

*Завидовал кто-то птицам,
Но был не из рода Дедалов,
Чтоб медленно вверх возноситься,
Он лестницу вырубил в скалах.
Ступени — замена полета,
Ступени — замена паденья:
Работа, работа, работа,
Терпенье, терпенье, терпенье...*

А. Неклесса: А я вспомню, как ангелы восходят и нисходят.

Реплика: Да, лестница Иакова.

А. Неклесса: Закончив в основном интервенцию, хочу сказать несколько слов об отношении к греху. Грех обычно рассматривается в оппозиции «хорошо-плохо». Так оно, конечно, и есть. Но хочу подчеркнуть изначальное и, пожалуй, более «объемное» понимание греха, которое заключено в его лексическом определении. Это понятие *промаха*. Другими словами, речь идет о практической неизбежности — подчас фактической *невольности* — совершения греха падшим человеком и о возможности искупления. В некотором смысле, о праве на исцеление от ошибки. Падение — компонент пути, однако сам путь состоит из восстановлений. В каком-то смысле падения неизбежны для человека в силу греховности его природы; было бы странно, если бы подобное существо шествовало победоносным маршем...

Ведущий: Но хочется.

А. Неклесса: Хочется — и не хочется: это было бы странно, если б не было страшно, т.е. не приводило бы к катастрофам. Говоря об освоении иного, мы не можем забывать: в подобной ситуации шансы на ошибку резко возрастают, а многочисленные следствия обильно тиражируются инструментами цивилизации.

И последнее, что хотелось бы зафиксировать в данном сегменте рассуждения. Произносятся слово «история», люди отнюдь не всегда имеют в виду одно и то же. История не есть лишь искусство чтения прошлого, монотонной каталогизации хроник: подобное понимание — дисциплинарная провинция. Живое тело истории — целеустремленное, подвижническое обновление привычных обстоятельств, их трансценденция, совершаемая каждодневно, здесь и сейчас.

Иначе говоря, реформация и революция осознаются как продвижение в будущее ради творения настоящего.

М. Дубровский: Память о *настоящем*.

А. Неклесса: Да, если правильно понимать. Русский язык этим силен: он содержит память о настоящем.

Ведущий: В свое время было предпринято очень интересное исследование, показывающее принципиальную разницу подходов западной — христианской, европейской — и восточной — индийской и китайской, буддистской и конфуцианской — цивилизаций к понятию правильного пути. Для европейца правильный путь — это совершение ошибок и их исправление. Настоящий человек — тот, кто не боится на своем пути сделать ошибки, а потом их исправить. А для человека Востока настоящий путь не может содержать ошибок, «потеря лица» заключена в любой попытке их исправления. Эти две концепции очень интересно противостоят друг другу.

А. Неклесса: Различие выражается, в частности, в отношении к самоубийству, что показала, к примеру, Тихоокеанская война.

Ведущий: Да, конечно.

М. Дубровский: Мне хочется положить контртезис к сказанному в самом начале о Крестьянской войне и Лютере. Есть и другое представление, подразумевающее, что было три типа реформации. Хотя обычно различают две реформации — магистерскую и радикальную, я чуть усложню картину, потому что есть три типа: (1) по Лютеру — это реформация князей. И в этом смысле, если сказать совсем просто, реформация есть оправдание национального государства. Есть (2) реформация по Кальвину, это — буржуазная реформация. Реформация горожан, бюргеров — это оправдание капитализма. Я сильно упрощаю, конечно, но тем не менее... А есть (3) реформация по Мюнцеру, это — оправдание справедливости. И тогда Крестьянская война становится не совсем революцией. Вспомним, что говорит Мюнцер в условном диалоге с Лютером:

— Слушай, ну ты реформировал Церковь, а почему ты остановился? Ведь Церковь — это же часть общества. Не может быть правды в Церкви, если ее нет в обществе. Если богатый угнетает бедных, какой он после этого христианин? А ты ему Причастие даешь!

То есть, там эта правда содержится. Это первая мысль, которую мне хочется сюда вбросить.

А вторая мысль, которой тоже хотелось бы поделиться, касается разницы между реформацией и революцией. Мне кажется, что вопрос даже не в том, насколько плавно или скачкообразно идут процессы изменений, потому что в реформацию они менее скачкообразны, во всяком случае, уж намного меньше, чем в русскую революцию, когда все очень даже серьезно ломалось до основания. Разница в том, откуда идет процесс: идет ли он изнутри, от человека, через изменение сердца, через призыв Лютера к своему нутру, потому что именно там правда? Или через попытку просто поменять что-либо в обществе, и тогда вроде само собой должно поменяться и все остальное? Мне кажется, что здесь как раз и лежит различие, которое поможет нам как-то определиться.

Д. Брауэр: Я выскажу свой скепсис относительно элит, потому что, по крайней мере, первые два типа реформации, которые были названы Михаилом Дубровским — это все элита. Какие там были люди? Штаупиц, Лютер, Меланхтон, да и Эразм Роттердамский тоже не противился Реформации. У него просто имелось другое представление, другой путь, но Реформация была для него также очень важна. Можно сказать, что это был заговор элит: ученой элиты, грамотной элиты, философской, богословской, как угодно, но в то же самое время, и прежде всего, — заговор княжеской элиты. В том числе заговор. И во Франции гугеноты тоже, безусловно, относились к элите. А вот третий тип — это была не элита, хотя, опять же, во главе стояла элита, просто несколько своеобразная. А нагнетались все эти процессы среди простого народа.

В любом случае, наверное, нужно определиться, что такое элита, то есть, в конечном счете, определиться насчет *vox populi* и *vox Dei*. Это очень сложные взаимоотношения.

И второе, что мешает мне дальше развивать эти мысли, это — яркий тезис Лютера и в дальнейшем Реформации и других реформаторов о рабстве воли. Все-таки «рабство воли» — этому понятию, этому тезису, этой догме Лютером было уделено очень много внимания. И как раз тот шаг, который Лютер не мог себе позволить сделать в понимании революции, как вы ее называете, кровавой революции — это любые насильственные изменения. Насильственные действия он, безусловно, отрицал именно исходя из тезиса о рабстве воли, потому что то, что он сейчас делает — делает не он, делает Бог. Тот самый Яхве, Который есть Существующий, Живущий, Который есть то, что есть. Как угодно можно это интерпретировать, но это — живой Бог, Который, безусловно, действует во мне, действует в истории и так далее. И поэтому все представление Лютера о его пророческой миссии и так далее идут в контексте рабства воли. Поэтому он и говорит: «*На сем стою, НЕ МОГУ иначе*». Я НЕ могу иначе. Не просто на сем стою и делаю так, как считаю нужным, а именно потому, что не могу иначе: в этом смысле я раб, Божий раб.

Сравним с Женевой и с тем, что было там сделано. Женевский трибунал и все остальное — это как раз попытка идти дальше. Насколько она была удачна, эта попытка, учитывая последствия того, что было сделано женевским трибуналом — вопрос очень спорный. Это ведь действительно была уже революция, которая вошла не только в религиозную сферу, но и приняла определенные материальные и институциональные формы. Возникают вопросы. Где граница? Где присутствует рабство воли? И что такое элиты? Кальвин всегда говорил об аристократах как о некоей движущей силе Реформации, он говорил именно об элите. Мы от этого никуда не денемся.

Каково было число просто грамотных людей в Реформацию? Очень невелико. Но именно эти грамотные люди были и противниками Реформации, и ее движущей силой. В сегодняшней России то же самое. Есть, конечно, политические элиты, но есть ведь и другие элиты. Как мы определяем эти элиты? А тем более, как мы их определяем, когда говорим о заговоре и так далее, о попытке остано-

вить те процессы, которые по Божьей воле должны были бы происходить? Может быть, есть элита «плохая» и есть элита «хорошая»? Может быть, есть элита, через которую действует Бог, тем более учитывая тот факт, что Сам Христос, призывая двенадцать апостолов, тоже формирует определенную элиту.

Ведущий: Может быть, есть непосредственный ответ на эту реплику? Чувствую, что есть.

В. Тен: Все-таки реформирование не предполагает коренного отвержения, ломки того, что есть. Какой бы ни была на излете Средневековья Католическая Церковь, Десять Заповедей христианских ею провозвещались. И Реформация не только не отменила эти Десять Заповедей, она дала им более насыщенное содержание, личную ответственность за их исполнение. В этой ситуации, конечно, не было так, как во французской или в русской революциях, когда Церковь угнеталась. Что касается Реформации и революции, я вновь напомню позицию Абрахама Кайпера. Он основал газету *«De Standaard»*, это и сейчас известная газета. Понятие стандарта было провозглашено во время Реформации — *sola Scriptura, sola fide*. Следовательно, что является стандартом веры? *Sola Scriptura*. Что является стандартом Церкви? *Sola Scriptura*. Что является стандартом жизни общества? *Sola Scriptura*. Вот это был лозунг того самого антиреволюционного движения, основателем которого был Абрахам Кайпер. И благодаря этому Нидерланды не сползли на путь атеистической революции. Я на это хотел бы обратить ваше внимание. Была возможность преобразовать Россию на базе Евангелия. Назрела ломка прежних отношений. Вы все знаете, в следующем году будет юбилей, столетие отмены крепостного рабства в нашей стране в 1861 году. Решена была земельная проблема тогда? Нет. Решена сейчас? Также, можно сказать, нет. Но! На почве Евангелия удалось решить подобные проблемы в Голландии, а в России, на почве революции — нет.

Реплика: Мне кажется, мы рассматриваем не совсем синхронные события. Одно дело — революция накануне, так сказать, великой октябрьской, или октябрьского переворота, а другое дело — революция, сопровождавшая Реформацию. Мы можем совершенно спокойно говорить, что и в Голландии война с Испанией — это революция, когда католический мир в лице Испании просто пытался подавить Реформацию, причем жесточайшим образом. То же самое — в Англии мы видим, что Реформация сопровождалась революцией. Тут весь вопрос в том, мне кажется, что ожидает нас?

Ведущий: Вопрос, собственно, так и был поставлен в начале.

Реплика: Давайте поговорим об этом. Мне кажется, что ведь подавлено было не только Евангельское движение. Николай II долгое время не разрешал даже Собор, который только в восемнадцатом году сумел собраться.

Реплика: Собственный православный Собор.

Реплика: Да, да. Реформация внутри Православной Церкви назревала, но ей просто не дали состояться. Может быть, если бы она состоялась, если бы Собор произошел не в восемнадцатом, а в четырнадцатом году или в тринадцатом... Может быть, и революции не было бы. Но это опять «может быть».

Реплика: Это вот как раз поле для Сергея Борисовича — дать ответ, что «могло бы быть, но не было».

Ведущий: Я же не зря молчу, не отвечаю на этот вопрос. Должен вас огорчить. Есть масса версий русской истории, где октябрьской или даже февральской революции не происходит, и все эти версии в тридцати-сорокалетней перспективе настолько плохи, что по сравнению с ними то, что произошло в реальности, кажется еще сравнительно приемлемым вариантом. (Смех). Я говорю это не в качестве шутки, это, к сожалению, так и есть.

Реплика: Долиной смертной тени...

Ведущий: Я потому и не пытался на этот вопрос ответить: там очень уж нехороший ответ получается. Как будто кто-то или что-то поставило Россию в такую ситуацию, из которой единственным выходом была кровавая и безбожная революция, а остальные версии — еще хуже. И, кстати, в исторической перспективе, эти версии тоже кровавые и безбожные.

Реплика: Но мы-то сами на что настроены? Мы-то к чему склоняемся, чего хотим? Революция или Реформация? Михаил сегодня очень хорошо говорил, меня прямо вдохновило: смотреть в будущее, добиваться того образа, который Иисус Христос нам показал, вот к этому надо стремиться. А каким путем? Революционным или реформационным?

М. Дубровский: Это ко мне вопрос?

Ответная реплика: Ну и к себе тоже. К какой элите мы себя относим? Явно мы не политическая элита. Тогда какая? Или мы вообще не элита? Можем мы что-то сделать?

Реплика: Церковная, наверное, элита.

Реплика: Христианская... Протестантская...

Реплика: Ну, хорошо. Вот мы — пасторы. Можем мы в своей общине чего-то добиться, какого-то изменения?

Реплика: Даю телеграфный ответ, как пасторы в своей общине и церкви могут чего-то добиться. Вы меня наводите на мысль о современности: что творится вообще в Церкви (Церкви с большой буквы), вопрос о моральном облике тех же священнослужителей. Это касается очень и очень многих деноминаций, существующих в мире сегодня. Рассуждая прагматично, я как пастор, поймал себя на том, что сейчас не стал бы разделять «Реформация vs революция». Я бы наоборот сказал: революция и реформация — сегодня между ними надо ставить знак тождества. Дальше — изменение содержания и формы, дальше знак тождества, очищение Церкви и путь к *status quo*, о котором мы говорили.

Реплика: Что такое *status quo*? Разве об этом говорили?

Ответная реплика: Это я так выразился, о возвращении человека к первоначальному состоянию, вот что я имел в виду.

Ведущий: Увы, мой грустный долг поработать провокатором. Я начну с утверждения, что Женевский трибунал жил, существовал и работал, в наше время

спокойно преобразовался в Страсбургский суд и продолжает жить, существовать и работать. Так и хочется произнести фразу: «И эти люди будут учить нас, что нельзя ковырять в носу».

Реплика: Только у них исповедание веры немножко другое, да?

Ведущий: На самом деле я даже в этом не уверен. (Смех).

Знаете, я очень сильно сомневаюсь в праве людей убивать других людей. И еще сильнее сомневаюсь в праве убивать других под знаменем христианской веры. Мне кажется, что человек, который приговаривает другого к казни или тюремному заключению, по крайней мере, не за убийство, а за что бы то ни было иное, не может быть христианином. И в этом отношении Женевский трибунал для меня (внутренне, конечно) нехристианский — при всем моем личном уважении к фигуре Кальвина и к тому, что он пытался сделать в Женеве.

Так вот, первое мое утверждение — собственно, я же выступаю сейчас с оппозицией вам и с провокацией, — что попытки многих стран Европы уклониться от революции в итоге ни к чему хорошему эти страны не привели. Германия получила вместо революции двенадцать лет нацистского режима. Я не уверен, что это было сильно хуже революции, но и не уверен, что лучше. Удовольствие примерно одинаковое. Швейцария, будучи в авангарде истории, оказалась выключенной из истории — ну согласимся, если бы не постоянные женевские конференции, кто бы вообще вспоминал, что она существует в природе? Такое хорошее милое место с вкусным сыром, хорошим кофе и отличным шоколадом.

Реплика: Кому она нужна, кроме тех, у кого там деньги в банках?

Ведущий: Да, кроме тех, у кого там деньги. Теперь я возвращаюсь к тому, что говорил Михаил Дубровский. Вот как интересно получается: три волны Реформации. Первая волна включает в историю князей. С этого момента начинается история национальных государств, и князья становятся частью истории.

С. Градировский: Процесс становления *national state* уже шел. Франция к описываемому времени уже превращалась в национальное государство. Аналогичные процессы происходили и в Англии...

Ведущий: Сергей Николаевич, давай мы эту тонкость оставим пока в стороне, потому как я все-таки склонен считать, что до Вестфальского мира князья в истории не находились. И тот же самый король Франции, хотя Франция была национальным государством, был католический король католической державы.

С. Градировский: И что, добрый католик не может быть национальным лидером?

Ведущий: В некотором плане не может.

С. Градировский: Несчастная *Jeanne d'Arc*...

Ведущий: На самом деле то, что сказал сейчас Сергей Николаевич, крайне важно, просто мне бы хотелось этот момент пока оставить за скобками дискуссии. Мы к нему вернемся, но не в данную секунду.

Вторая волна. Реформация горожан. Включает в число субъектов истории буржуазию. С этого момента в несуществующей мировой серии книг «Жизнь замечательных людей» появляются первые предприниматели, и мы начинаем понимать историю как историю предпринимательства — со всеми ее красивыми сторонами, но и со всеми уродливыми тоже. Для всех, кто не в курсе: наш Союз промышленников и предпринимателей предложил вернуть 60-часовую рабочую неделю. То есть вернуть нас где-то к середине XIX столетия. Это позиция промышленников и предпринимателей относительно того, как люди должны жить.

М. Дубровский: Сергей Борисович, а я правильно понял, что они просто хотят оплачивать дорогу на работу? (Смех).

Ведущий: И тогда получается, что третья волна — это включение в историю остальной части населения. То, что не совсем удачно получилось у Мюнцера, но то, что в значительной мере сделали великие революции — французская и русская. Хорошо ли, плохо ли, но заметьте: даже говоря о кровавости этих революций, мы в очередной раз подчеркиваем, что жертвы были массовыми. Ведь всегда убивают значимых. Никто и никого не убивает просто так. И когда идет массовый террор — это означает, что субъектом истории становятся массы, никуда отсюда не денешься. В этом смысле даже кровь названных революций демонстрирует, что они включили в орбиту истории народ, сделали его частью истории. Но тогда получается — я, собственно, хочу довести до логического конца мысль Дубровского, — что и Мюнцер, и деятели французской революции, уж по крайней мере, Мирабо с Лафайетом, да и Робеспьер тоже, а в некотором смысле и даже Ленин, доводили до предела реформационные идеи.

М. Дубровский: Но ты второй мой тезис все-таки удерживай, потому что для меня он не менее важен. Понятно, что на уровне слов трудно различить, потому что *ре-формация* — возвращение к первоначальной форме, *ре-волюция* — возвращение к основам, то есть здесь все сложно и в первом приближении — одинаково. Но на уровне действий, то, как оно в социуме уже устоялось, для меня Реформация все-таки — это движение изнутри человека в социум, а революция, она обратный процесс, попытка, во всяком случае, с помощью изменений в социуме изменить человека. И вот тут, мне кажется, все-таки принципиальное ядро различия присутствует.

Ведущий: Если мы согласимся с обоими тезисами — а я пока не слышу ничего, что не дало бы нам с ними согласиться, — тогда получается, что история является «зашивкой» реформации и революции. Движение из человека в историю, движение из истории в человека «зашивается», и, видимо, этот процесс и является собственно историческим прогрессом. Я не гарантирую, надо сказать, за всю историю, но, по крайней мере, таков весь период *Modernity*. Готов ты с этим согласиться?

М. Дубровский: Подумать надо. Я точно чувствую, что в этом есть какая-то правда.

Ведущий: И какая-то ложь. И я тоже это чувствую.

М. Дубровский: А ложь вот такая. Попытаюсь ответить, поскольку тезис

был мой. Когда я смотрю на то, что происходило в русскую и французскую революции — а как человек, выросший в Советском Союзе, я неплохо знаю эту историю — и героизм, и та жертвенность, о которой ты говоришь, там явно присутствует, пафос тоже присутствует.

Ведущий: Драйв.

М. Дубровский: Да я бы даже больше сказал...

Ведущий: Там явно есть что-то духовное.

М. Дубровский: Что-то высокое там явно присутствует. Знаешь, если бы мы сказали, что идет «зашивка», и при этом всегда удерживаются оба полюса... Мне почему кажется, что у Лютера так и получилось, хотя он, может, об этом и не думал, и у Кальвина получилось — потому что его элита или контрэлита, через слэш можно написать «элита/контрэлита», поддержала. Если Лютер говорил о движении изнутри, то кто-то другой, а в данном конкретном случае Фридрих Саксонский, удерживал обратный процесс. А в революцию, похоже, был только обратный процесс, а первоначального посыла не было, и из-за этого неуравновешивания происходит какое-то скатывание.

Реплика: Просто в России не было существенной контрэлиты, и ею стали большевики. А, слава Богу, в Империи, во Втором рейхе, в Священной Римской Империи, такие контрэлиты присутствовали: ими оказались князья, или те же города, городские верхи...

М. Дубровский: Да, рыцари, и еще много примеров можно привести.

С. Градировский: У меня, пожалуй, другой взгляд на соотношение понятий революция и реформация.

Начну с примера. Я рос рядом с Таврическим национальным университетом, в котором в советские годы работал некий философ С.

Этой светлой головой примерно в конце 80-х был издан сборник стихов под завораживающим названием «Срыв в голубизну». Убежден, что С. имел серьезные основания для такого образа, надо признать, высоко духовного. Вполне возможно, он обыгрывал ассоциацию с литературным памятником «Голубина книга». Но, как вы можете догадаться, на современников его культурная ссылка впечатление не произвела.

Реплика: А название?

С. Градировский: А название произвело! Но не то, которое ожидалось автором. Над С. смеялся весь университет, ведь словосочетание «срыв в голубизну» в конце восьмидесятых уже означал нечто другое и вполне пикантное.

Так вот, для меня революция — это отчасти срыв в голубизну.

Объяснюсь. Реформацию я понимаю как практику возвращения к духовным началам, как практическое действие по очищению онтологического ядра. По своей природе и своим социальным последствиям реформация — действие сложное и даже виртуозное, которое не допускает крайностей, требуя от человека и самодисциплины, и любви к ближнему, а от богослова — подлинного дара политика.

Революция многое из этого отмечает. Она в этом не нуждается.

Во-первых, она есть движение, но не к истокам откровения. Она всегда шаг развития. Шаг, который определяет и оправдывает ведущая теория. И этот шаг по направлению к человеку. Человек, а не Бог оправдывает революцию.

Во-вторых, она требует одного — бескомпромиссной жертвы! Но жертва не является оправданием. В этом и состоит онтологическая пропасть между реформацией и революцией. Господь от нас не жертвы ждет. Это показано нам еще в эпизоде с Авраамом, где жертва сына — символическое действие, проясняющая степень доверия и послушания. Кстати, в отличие от Валаала, требующего жизни человеческих первенцев. Обратите внимание, финикийский народ был куда жертвенней. У него был обычай детского жертвоприношения. Право на такое сакральное действие имели далеко не все, а преимущественно аристократические семьи. Археологи открывают целые поля сложенных в горшочки детских костей. Эта была заоблачная поэзия жертвенности. Но только это — жертва другому существу, великому существу, которое восстало против Бога Авраама.

В этом ключе революция — это подмена. Да, она невероятно жертвенна. Но стоит остановиться и прислушаться: ради кого и с чьего голоса ты идешь на самопожертвование или, что хуже, ты ведешь на жертву других?

Другой аргумент. Иисус среди своих апостолов пресекал всякие революционно-насильственные действия. Иисус не поддерживал политику и методы zelотов. Он осадил Петра, когда нужно было остудить его воинственный пыл, хотя тот заступился за своего Учителя.

После ухода Иисуса апостолы остались рядом с храмом, никакого разделения на иудеев и христиан как «уже-не-иудеев» не было. Избранные оставались для кого-то сектой иудейской, для кого-то — неким особым миром, особым окрасом иудейской веры. И только гораздо позже началась работа по выделению христиан из иудеев и разделению двух миров.

В этом смысле реформация и революция имеют существенное различие.

Ведущий: Вы просто на первой части не были. Здесь прозвучал тезис, что Иисус принес революцию — в отношении человека. Мы тут как бы подменяем понятие политической революции другой революцией — богословской, философской...

Реплики:

- Мы не подменяем, а специально заострили ситуацию...
- Надо четко сказать, что мы понимаем под революцией...
- Эти понятия неэквивалентны...

С. Градировский: То, что Иисус принес в отношении человека — это культурологическая и антропологическая революция, а я вел разговор в социально-политической плоскости.

Ведущий: Сергей Николаевич, ну ты ж понимаешь, что все, что ты сейчас сказал, сводится к следующему: всякая реформация, в которой не хватает самодисциплины, любви к человеку и так далее, и так далее, вырождается в революцию.

С. Градировский: Да, если пассионарный запал был достаточно крепок, и комплекс «цель-средства» не был удержан.

Ведущий: Тогда верно ли обратное, что всякая революция, в которой само-дисциплина, любовь и так далее присутствуют, становится реформацией?

С. Градировский: Нет! Это же не спонтанно происходит. За этим скрывается длительная подготовка. А у революционеров есть базовая теория, с опорой на которую они убеждают себя и других. У революционной теории нет цели восстановить статус Откровения.

Все, начинавшие революционные действия (ты здесь, Сергей Борисович, можешь разобрать и энциклопедистов, и французские кружки, и большевиков), сразу клали в основание другое. Они конструировали и указывали на принципиально другое онтологическое ядро. Они себя противопоставляли тому ценностному ряду, на котором стоял (паразитировал) критикуемый режим. У них не было задачи очистить ядро от наслоений до самого основания, и восстановить здание смысла.

Лютер, конечно же, фигура противоречивая. С одной стороны, он точно запустил Реформацию как многовековой процесс. Но в его действиях с очевидностью заключалась и революция. Собственно, она и произошла, увлекая народы Европы. Поэтом реформация вылилась в религиозные войны, которые только укрепили антиклерикальный и, к сожалению, антирелигиозный настрой. И, главное, секуляризация последующих веков тоже заключена в действиях, словах и самом замысле Лютера. Она, если хотите, непредвиденное последствие...

Ведущий: Ну, так же, как наша коммунистическая революция произвела огромные изменения в западном мире. Там ввели восьмичасовой рабочий день, там сделали месячный отпуск.

Е. Переслегина: Понастроили хрущоб.

Ведущий: Это сейчас хрущевки воспринимаются, как бараки, непригодные для проживания. А в двадцатые годы Англия активно строила аналогичное жилье. То есть, дешевое рабочее жилье. Причем они следовали именно примеру советской революции. Это известно.

М. Дубровский: Только мы хрущевки строили лет через пятьдесят после этого

Ведущий: Ну и что, хрущевки были хуже, чем бараки? До хрущевок были бараки.

Е. Переслегина: Конечно. Они взяли это от нас.

Ведущий: Раз взяли, значит, нужно было.

Д. Брауэр: Очень опасно отходить от четких определений того, что же мы подразумеваем под революцией и под реформацией. Был прекрасный лютеранский богослов, который, в том числе, был исследователем Лютера. Это Альтхаус. Его до сих пор читают с удовольствием, это классика лютеранского богословия. После войны он был восстановлен в звании профессора. Но и во время войны из-под его пера вышла масса статей. Например, в некоторых он говорил:

«Господь даровал нам после Лютера еще других пророков. И Господь даровал нам, нашей великой Германии шанс в лице нового пророка — Гитлера».

Реплика: Прекрасно!

Д. Брауэр: И он хвалил, как многие вспоминают и сегодня, те гитлеровские автобаны, по которым мы с удовольствием ездим по Германии, те возможности, которые появились у немцев: «Фольксваген», «Сименс», «АЕГ.» — все это «прекрасно», все это дало «прекрасный толчок развитию человека и его личности, его самоопределению». «Любовь к ближнему» была выражена даже на демонстрациях и митингах — целование, обнимание и так далее. По крайней мере, так заявлялось.

Ведущий: И самодисциплина была

Д. Брауэр: И самодисциплина была превосходная. И Лютера сам Адольф Гитлер приводил как прекрасный пример пророка Германии. И поэтому здесь нужно быть, конечно, очень, очень осторожными и вернуться к тому, с чего мы, собственно, начинали: что я считаю возможным изменить? И другим следует над этим задуматься. Что возможно подвергать и реформированию, и/или революционным каким-то процессам? Где границы реформационного и революционного? И, конечно, следует говорить не просто о ценностях, о Боге и так далее, а говорить все-таки о Христе, потому что главное для нас — это не выделение одного из тезисов — *sola fide, sola gratia, sola Scriptura*. Как только мы вычленим один из этих принципов, рассматриваем его отдельно, мы тут же лжем. Если только *sola gratia*, тогда от человека вообще ничего не зависит, он — марионетка. Если только *sola fide*, тогда человек абсолютно свободен выбирать, самоопределяться, идти, куда угодно, и тогда тоже все оправдано. Если только *sola Scriptura*, то тогда фундаментализм, о котором мы недавно слышали в докладе. Но если *Solus Christus*, и если все вместе, то тогда это все предстает перед нами в совершенно ином виде.

Ведущий: Время заканчивается, поэтому мы начинаем суммировать то, что было сказано.

Мы приходим к очень любопытному выводу, что дело не в том, как это названо — реформация, революция, модернизация, иногда это называется какими-то совершенно странными словами, например, в Китае, «критикой Линь Бяо и Конфуция», хотя по сути это была их модернизация. Вопрос, наверное, заключается в совсем простом обстоятельстве — в наличии или в отсутствии совести. Совесть в том плане, в котором ее одинаково понимают и верующие, и неверующие. Она, наверное, и воспринимается всеми одинаково, поскольку заложена в человеке, в его душе изначально, от рождения. Революция может быть сколь угодно блестящей и красивой. Кошмаром она становится в тот момент, когда те, кто ее делают, по собственной ли воле, или из-за того, что так складывается ситуация, начинают творить вещи, которые их же собственной совести противоречат.

В начале перестройки у нас была напечатана любопытная пьеса «Второй год свободы». Действие происходило во времена Великой французской рево-

люции, и там, собственно, представлены все ее деятели. Робеспьер с ужасом говорит: «Слушайте, до чего мы дошли. Мы уже начали запрещать Вольтера! Мы скоро дойдем до того, что будем запрещать сами себя». Что, собственно, и случилось. И в этом плане проблема не в том, сколько людей Робеспьер обрек на казнь, а в какой момент он впервые сделал то, что его же собственной совестью делать не разрешалось. А он прекрасно знал, в какой момент это произошло, и это можно прочесть. То же самое касается других реформаторов. И других революционеров, и других модернизаторов.

Тогда получается, что всякий путь совести мы будем называть реформацией, а для пути, который лежит вразрез с совестью, мы должны найти адекватное название. Революции, Реформации, Модернизации бывают и на том, и на другом пути, попадают и в первую, и во вторую категории. Путь, который куда-то ведет, но лежит вразрез с совестью, есть то, от чего, человеку *должно* отказаться. Это — моя попытка суммировать. Теперь я жду ваших.

В. Тен: Сергей Борисович, я не беру на себя смелость суммировать. Просто хочу ответить на Ваши реплики. Да, существует расхожее мнение, что Кальвин казнил Сервета, но надо помнить о том, что Женевой управлял магистрат, и это был суд магистрата. А Кальвин был экспертом. Его спросили: «Сервет виновен против догмата Троицы?»

Реплика: Сервет был еретик или нет? Он был еретик.

В. Тен: Кальвин сказал: «Да, он против Троицы». Все. За это магистрат, собственно говоря, и приговорил Сервета к сожжению на костре. Так что вешать на Кальвина, что это он судил, неверно. Он дал оценку как богослов. Ответил на вопрос: вот эти конкретные воззрения Сервета, они еретические или нет? Не совсем правомерно говорить о Женевском суде как о церковном суде. Это был гражданский суд, но экспертом выступил Кальвин.

Что касается реформации и революции, мы все время забываем евангельское начало. Христос и Евангелие, оно все равно во всей Церкви, в истории Церкви содержится. В эпоху Реформации просто было очищено изначальное учение апостолов. И в таком смысле это есть именно реформация, потому что не есть отрицание объекта поклонения.

А что касается судьбы стран, в частности, Германии — я согласен. Лютер не доделал реформацию, именно поэтому Германия свалилась в нацизм, культ сверхчеловека.

Что же касается Православия, я сейчас не хочу влезать в эту проблему. Одним словом, в России произошла революция, где в качестве идола был использован класс пролетариев. И те страны кальвинистской реформации, женевской реформации — я имею в виду, Нидерланды, Англию и Соединенные Штаты Америки — они не свалились ни в нацизм, ни в социализм, а смогли все-таки сохранить христианское ядро до сих пор. Вот о чем идет речь.

Ведущий: Ну, если современные Соединенные Штаты — это христианское ядро, то я точно не из этой церкви, и к этому постараюсь не иметь никакого отношения.

В. Тен: Дело в том, что там не было революции. Я как раз говорил об Абрахаме Кайпере, который в эпоху, когда Европа была беременна революцией, сумел уберечь свою страну от этой социалистической революции.

В. Самойлов: Мы рассуждаем о времени Лютера. Есть предшественники — вальденцы, гуситы, и мне кажется, — я скажу провокационно — мы переоцениваем роль Лютера? Может быть, Лютер и его последователи в дальнейшем просто приватизировали и присвоили те события, которые произошли? Эти события, так или иначе, произошли бы: перемена технологии, новые научные знания, новые формы хозяйствования. А мы их приписали Реформации. Может быть, это все и без нее случилось бы.

Ведущий: Ну, я могу сказать так: опыт Востока говорит, что «без этого» не происходило.

С. Градировский: На самом деле ответ дал Макс Вебер, которого, по его же собственному признанию, замучили тем, что, ссылаясь на него, утверждали, что Вебер якобы доказал, будто Лютер сформировал современный капитализм. На что Вебер замечает: капитализм начал формироваться точно за два века до Лютера. Но Лютер и те, кто его поддержал, своими действиями придали капитализму определенную окраску — ценностную, религиозную, моральную. И тем самым придали ему человеческий облик, которого так не хватает сегодня «капитализму не с человеческого лицом».

Хотя вопрос по Кальвину вопрос отдельный...

В. Самойлов: Сейчас мы говорим о новом этапе, свертехнологическом, информационном. И, возможно, сейчас мы находимся в таком положении, что должны в богословском плане придать культурологическую и духовную норму, теологически раскрасить Будущее.

Реплика: Это тема второго круглого стола.

Ведущий: А я, пожалуй, в завершение реплики о будущем подведу вот какой итог. Где-то лет пятьдесят назад, когда как раз все было хорошо с первыми ядерными боеголовками и приличным количеством ракет, появилась точка зрения, что Человечество, наконец, дошло до такой стадии, когда способно уничтожить самоё себя, и нужно теперь как-то решить, что же нам со всем этим делать. Так вот, эта стадия — наш вчерашний счастливый день. Мы перешли стадию, на которой были способны уничтожить сами себя. Это могли сделать варвары, жившие пятьдесят лет назад, которые очень многого не умели. А мы умеем. То есть, неожиданно мы овладели гораздо *большим* могуществом, чем то, которое не очень давно казалось ни с чем несравнимым. Сейчас же, будем говорить честно, атомное оружие — это оружие третьего мира. Для тех, кто не может воевать всерьез. Ну, можно там поразвлекаться, покидать бомбочки.

И вот вдруг оказалось, что у нас нет до сих пор не только идеологии, но и соответствующей нашему времени онтологии. То есть, я к тому, что онтологически мы еще не смогли сделать

что онтологически мы еще не смогли сделать шаг, следующий за временем Реформации.

шаг, следующий за временем Реформации. У нас еще нет онтологии, позволяющей нам переварить, принять и похоронить Первую и Вторую мировые войны. А с тех пор уже была и закончилась Третья, а сейчас надвигается совершенно другая угроза, для которой все эти три мировые войны — явление на уровне примечания в подстрочнике: «а еще на этом фоне были такие-то события, не имеющие большого значения».

И в этом плане мы действительно стоим перед необходимостью понять, куда мы двигаемся онтологически, куда готово двигаться человечество как целое. И, к большому сожалению, для нас совершенно ясно, что есть только два пути: или возвращение к тому, о чем говорилось — *sola Scriptura, sola fide, sola gratia, Solus Christus*, либо попытка предельно оторваться от всех корней и взлететь над существующим миром, не имея в своей истории никаких оснований для этого взлета.

В первом случае это путь реформатора, во втором случае — это путь революционера и героя. Оба эти пути, вероятно, возможны. Оба эти пути, вероятно, будут очень непростыми и довольно жестокими. Но самое жуткое, что нас может всех ждать — это третий путь: давайте попробуем не делать ничего. Может, оно все как-то само образуется, утрясется? И этот третий путь, на который нас упорно толкают — и концепциями конца истории, и концепциями устойчивого развития и так далее, и тому подобное, концепциями демократического общества и соответствующих вечных ценностей — вот этот путь мне представляется предельным отказом от любых форм служения.

Знаете, может быть, то, что я сейчас скажу — страшная ересь, но я ее скажу, поскольку считаю это обязательным. Служение Богу — безусловно, лучшее, что может выбрать человек. Но даже служение дьяволу лучше, чем неслужение вообще ничему и никому. И в этом плане путь революции лучше, чем путь в никуда и в пустоту.

Реплика: Спокойно загнывать, да?

Ведущий: Да. Может быть... Кстати, интересно, что впервые этот вывод был сделан еще в дохристианскую эпоху, в Античности. В одном из апокрифических мифов есть такая фраза, что Афина передает Диомеду, который, как известно, пользовался ее особым покровительством, слова Зевса:

— Отец вообще считает, что вы ошиблись, вам нужно было идти на Олимп.

— Но тогда бы мир погиб.

— А ты что, не видишь, что он и так умирает, только медленно и мучительно?

То есть, даже тогда они уже понимали, что время — конечно, и есть моменты, где, может быть, действие является лучшим, чем любое бездействие.

Реплика: Итак, беременность не рассасывается.

Ведущий: Совершенно точно. И ребенок должен родиться.

Реплика: Интересно, живым или мертвым?

Ведущий: Скажу так: и Реформацию, и революцию объединяет одно — и то, и другое есть концепции действия во имя чего-то. На этом я, наверное, и закончил бы.

ВТОРОЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕФОРМАЦИЯ VS МОДЕРНИЗАЦИЯ»

Круглый стол ведет председатель Общественного совета Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации — Сергей Николаевич Градировский (далее — Ведущий).

Ведущий: Спасибо за оказанную честь.

Наш второй круглый стол посвящен теме «Реформация vs модернизация», или, по-другому, «Реформация против модернизации», или, переворачивая, — «Реформация в поддержку модернизации», «Реформация как условие модернизации». Употребленный в названии *versus* позволяет прочесть связку между словами «реформация» и «модернизация» по-разному.

Когда задумывался этот круглый стол, мы, его организаторы, хотели понять, как большие модернизационные проекты, модернизационное движение в целом, как сам дух модернизации связаны с духом и деяниями Реформации? Насколько модернизация нуждается в реформации? Вытекает ли модернизация из реформации? Исторически Реформация предшествовала великой европейской, а затем глобальной модернизации, а логически?

Вроде бы связь очевидна. Если бросить взгляд на последние триста лет, можно назвать три страны, обладавшие за этот период глобальным лидерством. Вначале это Нидерланды, затем Британская империя и, наконец, Соединенные Штаты Америки, остающиеся мировым гегемоном по сей день.

Такое лидерство тесно связано с рядом вещей и событий, способствующих или препятствующих получению статуса мирового лидера. Три важнейших условия стяжания лидерства я сейчас назову.

Первое — это тип политического устройства. Каждая из названных стран-лидеров обладала федеративным устройством и имела возможность опираться на обширную колониальную систему. То есть включала в себя разное, умела работать с разным, желала избегать излишней унификации.

Второе. Их лидерство начиналось с миграции. Каждое из этих государств целенаправленно работало над тем, чтобы затащить на свою территорию лучших, чтобы *для лучших стать лучшей землей* — «землей обетованной». Поэтому эти страны накануне и на первом этапе своего мирового лидерства были странами более толерантными, чем окружающие. Толерантными ко многому, но главное, к мышлению и созидательной деятельности, тем самым, широко

Первое. Каждая из названных стран-лидеров обладала федеративным устройством и имела возможность опираться на обширную колониальную систему.

Второе. Каждое из этих государств целенаправленно работало над тем, чтобы затащить на свою территорию лучших, чтобы для лучших стать лучшей землей — «землей обетованной».

Третье. Все они пережили религиозное возрождение.

распахивая двери к успеху, самореализации, к тому, чтобы стать тем, кем можно и должно, а не подчиняться условностям вязкого традиционного общества.

Третье. Все они пережили религиозное возрождение. Вспомним Голландию и свяжем ее лидерство с тем типом протестантизма, который доминировал в этой стране. Голландия была достаточно долго «островом свободы»: в ней издавался Гоббс, более двух десятков лет жил и работал Декарт, всю свою жизнь прожил тихий созерцательный Спиноза.

Очевидно, что за трудоспособностью и целенаправленностью Британской империи лежала определенная мораль, формировавшаяся в конкретной квакерской среде и другого типа религиозных сообществах. Известно, что этот дух рьяного и мужественного сектантства дал большую закваску, чем дух официальной Англиканской Церкви.

Америка, накануне своего глобального лидерства, очень сильно отличалась от Америки XVII-XVIII веков. Помню пассаж Френсиса Фукуямы, который говорит, что трудно объяснить, как столь быстро произошли столь фундаментальные изменения в социальной толще этой страны. Ведь еще какое-то время назад американский мужчина — это ковбой, проводящий большую часть своего времени в кабаках, эдакая брутальная личность, регулярно напивающаяся, затем приходящая домой и дающая по голове своей жене, лупцующая своих детей, которые грязны (общая гигиена) и до того весь день пробегали по улице вместо школы. В церкви такая семья почти не появлялась.

И тут приходит новый век. Америка получает прививку викторианского обновления. И что мы видим? — Аккуратно одетых и чисто выбритых мужчин в выглаженных сорочках и начищенных штиблетах, которые вместе со своими женами и детьми каждое воскресенье идут в церковь и поют псалмы. И даже современные американские интеллектуалы, которых не заподозришь в христианском фундаментализме, обращают внимание на крепкую сцепку таких явлений, как мировое лидерство и господствующая в стране система общественных ценностей, сформированная определенными религиозными институциями.

Поэтому вопрос «*Как в действительности связана реформация и вообще значимое религиозное обновление с модернизацией?*» сегодня по-прежнему актуален.

Для того чтобы мы с вами могли заняться не столько историко-культурной работой, сколько размышлением о будущем, мне видится важным сформулировать и вынести для участников круглого стола три вопроса.

Вопрос первый: будет ли Россия через пятьдесят лет христианской страной? Есть ли у нас в этом хоть какая-то уверенность? И вообще может ли в нынешней России, произрасти коллектив людей, способный серьезно ставить и обсуждать этот вопрос, причем как свой личный вопрос? Как вопрос реализации собственной веры?

Что значит для России через пятьдесят лет быть христианской страной? Это значит, как минимум, что не такой как сейчас, когда вроде бы есть многие признаки благополучия: у иерархов достойные статусы, признание их значимости самим «кесарем» и его аппаратом, ретивая поддержка со стороны силовиков, ведь даже первое лицо господствующей Церкви находится под защитой ФСО! Нам трудно себе представить высокий прием в Кремле без клобука или митры. Первые лица государства любят телевизионную картинку, на которой они с лицами полными смирения стоят со свечкой. И тем не менее, назвать такую Россию христианской страной язык не поворачивается.

Поэтому вопрос: а повернется ли через 50 лет?

И что, соответственно, можно и нужно делать, чтобы это событие произошло?

Второй вопрос: что значит пропустить реформацию? Пропустить, в смысле, проспать.

Вспомним Россию конца XIX века. Считаем ли мы, что у нее была возможность евангельской реформации? Этот же вопрос о России начала XX века в рамках всеобщего оживления от первой русской революции до второй и третьей? Спросим по-другому: Собор, на котором председательствовал Святейший Патриарх Тихон, и то, что пытались сделать православные на этом Соборе — это тоже разновидность неудавшейся, пропущенной реформации, другого типа, но все же реформации? А 90-е годы XX века, все мы живые свидетели этой эпохи — это упущенный шанс реформации?! Или два десятилетия назад случилось другое: произошла лишь определенная закваска российского социума и, что это значит для России, еще большой вопрос?

За этим вопросом скрывается такая пресуппозиция: шанс на реформацию дается свыше, но сделать ее мы должны сами. Так что нужно знать и уметь, чтобы очередной шанс не был упущен?

И третий вопрос: что произойдет в будущем, чего ждать в России? Состоится ли реформа Русской Православной Церкви (реформа силы и обаяния Реформации, со всеми вытекающими последствиями)? Или реформация про-

будет ли Россия через пятьдесят лет христианской страной?

что значит пропустить реформацию?

что произойдет в будущем, чего ждать в России?

изойдет где-то рядом, на другом, ином, принципиально инаковом социальном субстрате? Что вы, всматриваясь в неясное будущее, видите: на каком христианском гумусе прорастут озимые реформации?

Или будет по типу, как это произошло в Германии? Первоначальный импульс Лютера как доброго католика и августинского монаха был, безусловно, не на выделение из католической Церкви, а на диалог, но принципиальный диалог. Но потом сумма событий, та игра, которую затеяли и немецкие князья во главе с Саксонским лисом, и курия, обеспокоенная фигурой будущего императора, и Франция, и банковские дома, и много кто еще, поставили Лютера перед институциональным выбором. Что привело не к необходимой и постулируемой реформе Единой на тот момент Церкви Европы, а к реформации рядом, реформации через схизму.

Обратим внимание на тот непреложный факт, что как бы там ни было, но события начала XVI века все равно запустили реформационный процесс внутри самой католической церкви. И несмотря на определенный успех контрреформации, престол Св. Петра все равно пришел ко II Ватиканскому Собору.

Рассказанное — суть аналог нашего собственного сценария уже в недалеком будущем или в России сложится как-то иначе? Реформация начнется внутри РПЦ или рядом — в бурлящей евангельской среде? Она пройдет мимо РПЦ или захватит ту часть православных пассионариев, которые больше обращают внимание на живого Христа, чем на священную корову традиции? Как будет?

Е. Переслегина: Мне бы хотелось ответить на первый вопрос.

Начну с того, что сказал ранее Александр Иванович Неклесса: мы стоим на пороге, и только акт воли, в том числе, и воли собравшихся здесь людей, позволит нам сделать достаточно непростой шаг и переступить этот порог. И тогда порог окажется ступенью лестницы ведущей наверх.

Я вижу христианскую страну через пятьдесят лет. Только это будет христианство сильно отличающееся от того, которое мы сегодня видим и понимаем.

Почему у меня такое видение? Откуда оно взялось?

Если мы стоим на пороге, то контуры этого порога в предыдущем моменте нашей дискуссии уже были как-то очерчены. Какую красивую фразу сказал Александр Иванович Неклесса — «синергичная критичность полноты Судного Дня». Это здорово, красиво звучит! Но если вдуматься в эту фразу, то мы получаем, что мы вынуждены в рамках сегодняшней Церкви стать новой формой институционализации вот этого непонятого, еще, может быть, не до конца прочувствованного, продуманного и услышанного.

Нам надо взять на себя ответственность не только делать реформы. Можно сделать реформы, а потом придут чернорубашечники — и будет революция. Нет, так реформы не делаются. Реформы надо сопровождать, и поэтому, нам сейчас необходимо договориться о высоком смысле революции, о преобразовании Евангельской Церкви, чтобы она стала смесью совершенно иной институции, в которой будет жить другое сообщество, осененное Всевышним.

Сейчас, когда заходишь в очень многие церкви, там трудно с Богом. С людьми хорошо. А Бога между людьми нет. А церковь есть. А нам мало того, что надо сохранить Его присутствие и Его волеизъявление над собой, так еще собраться, извините, по словам профессора Неклессы, в такие «синергичные критические массы»...

Мы составляем критическую массу совершенно определенных общностей. И так или иначе, об этом сейчас говорят уже в мировой культуре и в политике, потому что грядет новое основание для коммуникации. А раз оно грядет, то оно должно стать туда, в основание реформации.

Что еще готово для реформации? Что еще есть у евангельского движения? Опыт Реформации Лютера — есть. Это может стать первоначальным знаменем. Что бы мы ни говорили о Лютере, как бы ни высказывались о том, что он закончил, а что ему не удалось завершить, тем не менее, мы сейчас с его именем связываем величайшие преобразования Реформации.

Поэтому, если сейчас можно за это взяться, то через пятьдесят лет мы будем страной христианской. Страной, в которой Господь будет в каждом мышлении собравшихся людей находиться между нами. И в этом плане мы будем христианской страной, для которой образом мысли, жизни и действий будет образ мысли, жизни и действий вместе с Христом. Вот в таком смысле мы останемся христианской страной. По крайней мере, если есть какой-то образец построения Царства Божьего на земле — для меня он именно таков.

А. Редер: В свое время был снова поднят лозунг «Святая Русь». И даже день, праздник Крещения Руси в стране ввели. Понеслось это по всем городам и весям, под кремлевскими звездами и так далее, и так далее. Но мы все-таки должны исходить из того, что лозунг останется лозунгом, если мы не будем стоять, опять же, возвращаясь к реформаторской идеологии, на том, на чем стоим, и говорить «иначе мы не можем», что Слово Божие говорит нам и призывает нас к покаянию. К Богу прийти без покаяния невозможно. Это будет хождение по замкнутому кругу, наступание опять на те же самые грабли.

О чем я говорю? О каком покаянии? Ну давайте так скажем, что в свое время Бог Каину сказал: «Что ты сделал? Земля, впитавшая невинную кровь, она проклинает тебя». Это закон, который произнес Бог, Он его не отменял. И в то же самое время Он оставил нам обетование Свое, когда сказал: «Если обратится народ Мой ко Мне, то Я исцелю их землю». Он сказал этим самым, что Я могу отменить этот закон, который Я произнес как Бог — что там, где будет проливаться невинная кровь, земля будет источать проклятия, и она не будет растить ничего. То есть, не будет устройства.

Вы знаете, я считаю, что для того, чтобы наша страна, по крайней мере, через пятьдесят лет стала христианской в настоящем, истинном смысле этого слова — а не просто, под лозунгом «Святая Русь», — стала страной, которая обрела бы измененное мышление, мы должны говорить о покаянии. Нужно говорить о тех злодеяниях, которые произошли в нашей стране — мы сейчас говорим о нашей стране — в нашей стране были допущены в той или иной форме. Почти на каждом километре нашей необъятной Родины зарыты кости невинно убиен-

ных людей и пролита невинная кровь.

Ни один политик с начала перемен в нашей стране, ни один религиозный деятель не встал и не призвал к покаянию. Я думаю, что это — тот самый порог, о котором мы говорили, когда неформально, а *действительно* нужно говорить об этом народу. Люди! Есть шанс! Страна! Есть шанс! Давайте осознаем то, что говорит Бог. Давайте осознаем неправоту нас всех — здесь не нужно выделять никого, кто прав, кто виноват: мы все, жители нашей страны — виноваты. Обратимся к Богу. Воззовем по всем храмам, по всем церквям в один какой-то определенный день. Ну пусть это будет 7-ое ноября!

Эта акция должна стать общенародной, а общество надо готовить к этому, чтобы это была общесвященническая, осознанная. Воззвать, возопить к Богу. Если вы верите в духовные вещи, то мы должны поверить и в то обетование, что Бог сказал, что Он исцелит и нашу землю. Вот, пожалуй, такое мое видение.

А. Федичкин: В добавление к сказанному. Если позволите, я разделяю полностью эту позицию, потому что уже много лет повторяю одно и то же, что в немецком календаре и земле Саксония — это государственный праздник, *День покаяния* и молитвы. По всей Германии, не только в Саксонии, но и в остальной части — в четырнадцати землях Германии вписано это в христианских календарях.

Я думаю, такого государственного праздника не хватает нашему календарю. Вот завтра мы будем праздновать День национального примирения и единства. А почему бы не продолжить и не сказать, что это — День всенародного покаяния, от низов до верхов. Чтобы каждый в этот день понимал — это *День покаяния*. И если это свершится в нашей стране, я думаю, что не только через пятьдесят лет, а через сто пятьдесят лет наша страна, Россия, будет христианской, в правильном смысле этого слова. Христианская — это не просто звон колоколов и молитвы и проповеди в разных церквях. Это в умах, сердцах и сознании людей. И потому общество сможет измениться. В лучшую сторону.

Д. Брауэр: Да, я очень это поддерживаю, считаю, что это — один из важнейших элементов. Это начало. Это важнейшее начало, что *a priori* необходимо.

Но если говорить по поводу христианской страны... тут у меня есть определенный скепсис, потому что — что такое христианская страна? Каждый, конечно, поймет по-своему. Я бы говорил о сильном христианском меньшинстве. Скажем так: о сознательном христианском меньшинстве. О стране, где не просто полные церкви, а о такой стране, где речь идет о действительно измененном сознании, об освящаемых людях, о стране, где не нужно объяснять *что* такое христианские ценности, они уже присутствуют в сердцах и умах.

Мы не будем дискутировать долго, что такое революция, что такое реформация — реформация уже идет, это уже *semper reformanda*, это уже Церковь реформирующаяся. А Церковь, в конечном счете — живые камни, люди. А в остальном, что касается общественных процессов — это изменение менталитета, как уже неоднократно говорили. И от этого мы никуда не уйдем. Изменение менталитета людей. В каком смысле? В том смысле, как это происходило, и как мы видим на примере северного возрождения, на примере Голландии,

Германии, где упор и акцент делался на человека *страдающего*, на *немощего*. Мы нуждаемся в том, чтобы видеть Христа не только в человеческой силе, но и в человеческой слабости, которая оправдана Христом. Для нас очень важны слова Лютера, *simul justus et peccator*. Вот это отношение к человеку, в первую очередь к самому себе: в одно и то же время — и грешник, и праведник. И таким оно должно оставаться всегда, на протяжении всей нашей жизни.

Поэтому и Христос изображается страдающим, Христос рисуется с утопленного, с мертвого человека, с такого каков он на самом деле, без приукрашивания. Поэтому и Бах, сочиняя свои кантаты, использует вполне человеческий язык. Поэтому и Бонхеффер говорит о том, что касается лично тебя — оправдание, вера, Церковь. И пока не будет такого *личного прикосновения*, все остальное бесполезно — бесполезно собирать толпы людей, бесполезно что-то внушать им, к чему-то подвигнуть их. Важно, чтобы происходило изменение менталитета. Важно, чтобы не только говорили о христианских ценностях, о них и так говорят, и можно было бы сколько угодно издавать законов. Главное — это изменение сознания, изменение менталитета. От коллективного мышления, от перебрасывания и вины, и ответственности на других — к моей собственной ответственности, в первую очередь перед Богом, во вторую очередь — как гражданина, и, в конечном счете — перед своей совестью, перед самим собой.

Ведущий: Я хочу уточнить направление движение нашей мысли, хочу добавить перца в то, что мы здесь обсуждаем.

Коллеги, я ведь несколько не сомневаюсь, что у вас — здесь присутствующих — есть определенные ответы. Без сомнения, как у пасторов, как у служителей у вас есть экзистенциальные и вероучительные ответы. Но нас интересуют ответы другого типа — ответы, данные в организационно-деятельностном языке.

Вспомним историю церкви, например, о том, как доминиканцы действовали в ситуации, когда католическая церковь столкнулась с весьма эффективной и талантливой проповедью катаров и альбигойцев. Доминиканцы осознали стоящий перед ними вызов: им нужно было овладеть культурой риторики заново и научиться обращаться к людям столь же искренне, ясно, убедительно, на понятном языке. И только в такой публичной схватке отделить еретические утверждения от утверждений, принятых на Соборах. Другими словами, нужно было выиграть честно и открыто, а не при помощи силы, «испанского сапога» и костра.

В такой ситуации выход искался не в залах светских дворцов и казармах гвардейцев. Доминиканцы начинают уделять серьезное внимание образованию. Они вырастили новое поколение проповедников, людей обладавших (как мы бы сегодня сказали) определенными компетенциями.

Почему у них получилось? Не претендуя на заверченный ответ, назову ряд условий.

Во-первых, это был нищенствующий орден, члены которого не ударялись особо в нищету, как, например, францисканцы, но, тем не менее, внушали уважение людям своим отношением к жизни. У них было особое право говорить, как у любого нестяжателя.

Во-вторых, орденская структура позволяла им перемещаться с котомкой за плечами на большие расстояния, заходить в самые отдаленные замки, села и торжища, и там держать слово.

В-третьих, они достигли определенного уровня образования, что позволило им выделиться из слоя обычных людей, к которым они обращались. Слушавшие должны были признать, что говорящие грамотнее их, что они больше знают, что у них есть право на этот разговор и на право судить, какие взгляды на Бога и Церковь верные, а какие — еретические.

И, в-четвертых, они обладали риторикой как техникой, которую им целенаправленно ставили. Они осознанно овладевали новой компетенцией, а не просто уповали на вдохновение (типа «Святой Дух вывезет»).

Таким образом, мы видим, как в недрах Католической Церкви рождается определенный ответ на вызов времени. Ответ, позволяющий решить задачу восстановления порядка на канонической территории.

В таком же ключе мы можем рассмотреть другие примеры того, как искались и находились решения на вызовы времени, например, как это было у иезуитов, квакеров или каппадокийцев.

Всегда можно обнаружить некую совокупность организационных, правовых, антропологических техник, которым уделялось специальное внимание.

Всегда можно обнаружить некую совокупность организационных, правовых, антропологических техник, которым уделялось специальное внимание. Всегда есть следы в виде рожденных новых институтов, нового знания, иной образовательной системы.

Вот к этому всему кто-то у нас в России готов?! К действиям по созданию современных образовательных, научных, исследовательских, проектных команд. Сильных боевых единиц «к вящей славе Господней»?!

С. Переслегин: Я тоже собираюсь обострить дискуссию, сказав следующее: *Россия никогда не была христианской страной и, скорее всего, никогда ей не будет* — ни через пятьдесят лет, ни, тем более, через сто пятьдесят!

Реплики:

- Отлично!
- Сильно!
- Тут можно поспорить!
- Надо определиться в понятиях!

С. Переслегин: Да, я как раз это и хочу сделать — определиться. При этом, я утверждаю: несмотря на это, Россия всегда находилась под особым вниманием и покровительством Господа, находится под ним сейчас и, скорее всего, это сохранится, в том числе, и на ближайшие десятилетия. Могу ответить на вопрос, почему я так считаю, и что я, собственно, понимаю под христианской страной.

Если долго и аккуратно изучать российскую историю, придешь к одному и тому же довольно интересному выводу. Наиболее ярко это как раз при

большевиках проявлялось, но это проявлялось во всю историю: по отношению к европейским государствам и европейским народам Россия всегда выглядела, как подросток — умный, иногда злой, сильный, с очень большими, сильными чувствами, но именно подросток рядом со взрослыми людьми. Взрослые люди поэтому подростком пользовались, чаще всего, довольно беззастенчиво его обманывая. Но и, как всегда, в общем, подростка же забить тоже очень сложно, энергии-то внутренней чрезвычайно много, и некоторая близость к Господу, она же тоже присутствует, «ибо их есть Царство Небесное».

В этом плане российское христианство всегда было христианством скорее от сердца, чем от образования, почему, собственно говоря, и не прививались сложные интеллектуальные формы христианства в России. Для тех, кто был готов поверить *действительно*, они были слишком рафинированы и утонченны. А для тех, кто верил рафинировано — они, в общем, и не были особенно и верующими. Они были философами, деятелями. И в этом плане опять же с детством России как типом цивилизации связаны ее увлечения марксизмом, когда увлекаются все поголовно, или восточными философиями, или еще чем-нибудь.

Это нормально, когда подростка швыряет от увлечения к увлечению, поскольку он упорно ищет что-то свое. Так вот, я утверждаю, что Россия не сможет стать европейской страной в том понимании, которое у нас сейчас присутствует — в понимании католического Запада, в понимании протестантского Запада, даже в понимании своей собственной Православной Церкви, поскольку и то, и другое, и третье — это находки, сделанные в гораздо более ранние времена. И, в общем и целом, этот подросток готов ознакомиться с опытом отцом и дедом, ведь он же не готов его на себя принять, ему нужно стать взрослым, чтобы надеть его на себя до конца. А становясь взрослым, он, скорее всего, начнет искать совсем свое, то, что именно для него, ему максимально имманентно.

И покаяние России может быть только деятельным! Это не покаяние в форме слов — «мы были неправы в том-то и том-то, да и не мы даже, а там наши деды и прадеды, виноваты, возвращаемся к Богу». Нет, как и преступление России было деятельным, что в какой-то мере его немножко оправдывает в глазах Всевышнего, если не в глазах человечества, так и покаяние может быть только таким же. А это означает, что перед Россией сейчас вполне понятно, что поставлено.

Смотрите: Россия сейчас никто, и звать никак. 0,9% мирового производства, где-то около того же мировой торговли, ну чуть побольше, благодаря нефти. Соответственно, ее международный статус крайне низок, ее интеллектуальный статус сейчас, так же, крайне низок, лучшие специалисты страны уехали за ее пределы. И при этом, однако же, мы считаем, что все вызовы, которые стоят перед человечеством, стоят перед Россией в максимальной жесткой форме. **Покаяние России — это найти ответы на эти вызовы.** В этом ее покаяние...

все вызовы, которые стоят перед человечеством, стоят перед Россией в максимальной жесткой форме. Покаяние России — это найти ответы на эти вызовы.

И опять же, будет, как и всегда с Россией: она найдет эти ответы, найдет их плохо, неправильно, неточно. Умные люди вокруг увидят эти ответы, поймут, в чем Россия ошибалась, исправят их для себя, и начнется следующий этап развития. Но дорогу эту укажет Россия...

Чтобы было, что исправлять, нужно сперва наделать ошибок. И я утверждаю, что покаяние России — это наша следующая порция ошибок. Мы сделали предыдущую и дали возможность продвинуться вперед всем остальным. В этом — наше покаяние: мы должны сделать следующую порцию ошибок. И в этом — наше *modernity*.

Реплика: Для этого российские элиты должны работать хотя бы в том же масштабе, как работали их деды!

С. Переслегин: Совершенно верно. И никак по-другому!

Продолжение реплики: Они искали ответы для всего человечества.

С. Переслегин: Да. Они искали, не нашли для себя, а для человечества нашли массу ответов, которыми оно потом и воспользовалось.

Но при этом, что любопытно: ведь смысл нашего существования перед лицом Господа, в том, чтоб мы их делали! Как смысл Японии в том, чтобы она их превращала в продаваемый товар. То есть в то, что можно продавать. Поэтому меня более всего беспокоит то, что сейчас делают элиты. Они пытаются сделать из России именно классическую европейско-христианскую страну, с верой в пределах — от сих до сих. По принципу: в это я верую, а здесь я государственный служащий. Здесь у меня «не соври, не укради, не убий», а здесь у меня уже совершенно по-другому, есть оправданное убийство, есть оправданная кража — а, извините, это называется налог и так далее. И есть оправданная ложь.

Я утверждаю, что как раз вот эта дорога для России — самая опасная, потому что, если она пойдет по этому пути, тогда в ней исчезнет то, что делает ее Россией, ну и, соответственно, делает ее объектом внимания, в том числе и Господа, а все ее преступления при этом при ней останутся.

И вот тогда встанет вопрос: а чем же мы готовы заплатить? И получится, что платить-то, в общем, уже и нечем.

А. Редер: Получится ситуация, собственно говоря, как и сейчас говорят, не согрешишь — не покаешься. То есть, вот Бог — там, в церкви, а я там буду в воскресенье. А всю неделю, эти шесть дней, я буду жить по-своему, по своим понятиям, человеческим. Но в седьмой день я пойду туда, к Богу, в кавычках, конечно, поставлю свечку, условно говоря, помолюсь, покаюсь. Я скажу так: многие уже даже, выходя из храма, не успев сойти со ступенек, уже тут же подхватывают под руки все свои старые грехи и живут все эти шесть дней со своими грехами, с сознанием: «А, в следующее воскресенье я все равно покаюсь».

Я даже еще обострю. Футболист забивает гол рукой, после чего показывает фигуру Христа, которая у него в виде татуировки на груди. То есть он лжет перед всеми, отлично знает, что он лжет, и оказывается, делает это во имя Христа. Вот как такое в человеке может уживаться — для меня полная загадка, ну лгал бы — и лгал, в конце концов, его проблемы. И в этом смысле, я совершенно согласен, он еще не вышел из храма, а уже закончил свое покаяние.

Если ты его носишь в себе, Царство Божие, в твоём сердце, это значит, у тебя измененная внутренность. Ты смотришь на мир не своими глазами человека греховного, но ты смотришь на мир глазами Божиими. А это значит, видеть те проблемы, которые я не видел до этого. Это значит, в другом человеке видеть личность, прежде всего, то есть, любить другого человека. Это уже практическое богословие, если хотите, это уже практическая жизнь христианская. Вот об этом я говорю покаянии, понимаете. Но мы можем покаяться чисто номинально...

С. Переслегин: Я с Вами здесь совершенно согласен: покаяние есть действие.

Отдельные реплики:

— Причем каждодневное.

— Оно есть коллективное действие.

А. Кырлежев: Я постараюсь отвечать на вопросы, поставленные ведущим. И первое, конечно, то, о чем уже было сказано — *станет ли Россия христианской страной через пятьдесят лет?* Сначала надо определить, что такое *христианская страна*. Но главное, надо определить, что такое христианство. Если одновременно брать историю и нашу ситуацию с христианством в России и в мире, то, во-первых, совершенно очевидно всем, существуют три большие христианские традиции. Они очень разные. И у них такие глубокие, серьезные традиции, такие борозды проведены в сознании, в привычках, в автоматизмах, что вообще говорить о едином христианстве довольно трудно.

С другой стороны, если заострять, надо сказать, что вообще очень много христиан. Их всегда было много, их в истории много и сейчас их много.

И очень много «Христов», ну то есть, в кавычках — образов Христа. Когда говорят: мы должны ориентироваться, Христос должен быть в центре, это и протестанты говорят, это христиане православные говорят, это католики говорят. Вот здесь тоже есть изображение. Очень много «Христов», очень много «христианств», и поэтому сам этот вопрос порождает другой вопрос.

Ведущий: Минуточку, давайте на примере. Когда мы задаемся вопросом: будет ли Россия иметь свой автомобиль? Нам же, в конце концов, все равно, на какой технологической базе он будет построен. Но мы точно знаем, что такое свой автомобиль. Это своя инженерная школа, свое производство, это определенная доля глобального рынка. И что там будет в основании — немецкая, японская, галльская или корейская инженерная база, нам все равно. Так, мне кажется, и с этим вопросом. Да, христианские конфессии и деноминации разные. У нас разные обряды. У нас разное прочтение первоначального христианского импульса, разные способы работы с Писанием. И что!? Вопрос о том, будет ли страна христианской — более принципиальный, чем эта разница!

А. Кырлежев: Вопрос, что стоит за выражением «христианская страна». На этот вопрос нужно постараться ответить. Постольку религиозное сознание, структура религиозного сознания очень разнится от конфессии к конфессии, а потом — внутри конфессии, особенно если взять православие — до бесконечности, особенно в нынешней ситуации с информацией, то есть само религиозное сознание будет всегда множественным, оно будет множественным, и по

каким-то признакам его нужно определить как христианское. Даже в суеверном, то, что называется двоеверием, то, что у нас обличается, но и там всегда можно найти что-то христианское. Именно поэтому можно сказать «*Россия никогда не была христианской*», но, в то же время, она всегда была христианской в чем-то. Это будет всегда множественность, на уровне чего-то общего, того общего, что удастся найти, ну, к сожалению, общим может быть только некий набор, так называемых христианских ценностей, каких-то нравственных ориентиров. Для такого сознания необходим определенный тип мировосприятия и человековосприятия, которые, действительно, по ряду важнейших параметров можно назвать христианством по сравнению с другими мировосприятиями и человековосприятиями, которые явно питаются чем-то другим. То есть, в конечном счете мы приходим к тому, что единственное, о чем можно реально говорить и в чем возможно и должна быть «ошибка» России, это чтобы вопреки процессам европейским, американским и мировым заняться христианской идентичностью. То есть серьезно заняться тем, что у нас есть внутри какая-то скрытая идентичность, мы можем ее пытаться описывать, можем выявлять, мы можем ее достраивать, можем конструировать, прежде всего, конечно, на уровне каких-то идей, представлений, образов, символов, в каком-то таком имажинативном пространстве. И это будет, конечно, надконфессиональное. Ну и поэтому, в какой-то степени межконфессиональное, если оно будет утверждаться. И оно будет и ВНЕконфессиональное, потому что, если найдутся какие-то люди, у которых сознание не религиозно типологически, но которые вполне примут, вот этот набор ценностей, представлений, символов и так далее.

Так какое главное препятствие я здесь вижу? Препятствие главное в том, что у нас очень боятся религии. У нас очень боится религии власть, у нас очень боится религии, так сказать, передовая интеллигенция, образованный класс, кроме тех, которые из самой религии. У нас такой страх.

Это нельзя рационально объяснить, но у нас в России религиозоведение сейчас просто в полном загоне. В то же время многие научные дисциплины, так или иначе, выстраиваются начинают, а религиозоведение — нет. Потому что нет веры в то, что можно каким-то образом людям, не вошедшим в какую-то религию или конфессию, более-менее независимо объяснить, что такое религия. Науки такой у нас нету. И поэтому довольно проблематично говорить о том, что в этом направлении можно делать какую-то работу. Но если все-таки делать, мне кажется, можно не совершить множество ошибок, совершенных европейскими странами.

Что касается ожиданий — я очень коротко сейчас скажу, чего ждать... Ну, во-первых, мне кажется, что лютерова Реформация произошла не рядом с Церковью Католической, а все-таки внутри Католической Церкви, части которой реформировались, трансформировались, и там появилось что-то другое, иное из этого единого христианства. А ждать нельзя, мне кажется, никакой реформации внутри Православной Церкви в общем понимании. Вообще история Православной Церкви в российском контексте последних веков, скажем, с Петра если взять, — это все какая-то ломка... Православная Церковь, православное сознание и элита православная очень хорошо реагирует на общественную ситуацию. Вот если какие-то яркие, сильные события происходят, какие-то мощные, опре-

деляющие тенденции, — на них всегда и сознание православное, и, главное, администрация будут реагировать. То есть, какое общество — такая и Церковь.

Ведущий: Или какой кесарь — такая и Церковь...

А. Кырлежев: Да, какой кесарь — такой и наместник Божий.

Сейчас происходят разные интересные процессы в регионах. Сейчас происходят довольно интересные низовые процессы самоорганизации, новые инициативы, социальные и религиозные, которых не было еще лет десять-пятнадцать назад. Но тем, кто с этим сталкивается и начинает об этом говорить, возражают другие люди, которые ничего не изучали, но знают, что Церковь Православная — это всегда плохо, они говорят: «Нет, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Православие — это все такое постное, мертвое. На низовом уровне происходят разные вещи, это все развивается, но на высшем уровне Церкви нужно реагировать на серьезные вызовы, на серьезные сигналы. Эти сигналы до Церкви будут доноситься извне, и если они будут звучные — она будет не только реагировать, но и участвовать. Если не будет этого, то она не Церковь.

Ведущий: И так, еще раз: останутся ли христиане на территории России через пятьдесят лет? И не как насельники этнодеревни, а как закваска...

Н. Корнилов: Хороший вопрос, актуальный. Я думаю, что будут, потому что они были всегда на территории России, именно на территории. Почему я говорю на территории России — потому что само понятие России довольно сложное. Вот был поставлен вопрос, что такое христианство, был поставлен вопрос еще какой-то, я уже не помню точно, а, что такое христианская страна, был поставлен вопрос? А еще вопрос — что такое Россия? И где она? Потому что, понимаете, одно дело — Москва, а уже другое дело — Чита. И там тоже русский язык, и они все говорят по-русски, и такие же загаженные подьезды, даже хуже, чем в Москве, но совершенно другая реальность жизни. Я там видел христиан, они там есть.

Что касается истории, то историю нашей страны я тоже немножко знаю. Знаю, что христианство в северо-восточных княжествах развивалось немножко иначе, чем в юго-западных наших княжествах. И о какой России идет речь? О Новгородской? Ее нет. Какая Россия? Литовская? Ее тоже, Руси, нету. Какая у нас сейчас Россия, я не знаю, но я верю, что христиане будут. Будут, — и почему? Потому что я их вижу. Где бываю, там вижу христиан. И я вижу христианскую общину, и я вижу людей, которые в той же Чите на 90% в этой христианской общине, — это люди, которые не были верующими, непотомственные верующие, люди, которые пришли к какой-то вере, услышав о ней. И был период, те же девяностые годы, начало двухтысячных, когда христианство проповедовалось. И вот если оно будет дальше проповедоваться, то... То есть, у нас вера очень интересная. Мы здесь слышали: Реформация, Лютер. Но по большому счету я не вижу, как Лютер связан с Россией. Лютеранство вообще плохо представлено в России и исторически никогда не было серьезной альтернативой.

На мой взгляд, наше христианство скорее связано со старообрядчеством, вот где наши корни, то есть беспоповским старообрядчеством, я имею в виду

неправославное христианство. Оно для нас, в каком-то смысле, пример. Оттуда наши корни евангельские, живые корни, почвенные, пятидесятнические общины, баптистские общины. Они существуют, и на 90% состоят из людей, выражаясь евангельским языком, «из мира», пришедших благодаря проповеди Евангелия, благодаря практической жизни общины. Если есть практикующая община — есть христианин...

А о России они не думают, потому что, скажем так, и Россия о них не думает. Нету связи между Россией и такими общинами.

Ведущий: Как так случилось, что самое ценное не связано с тем, что вы называете Россией?

Выступавший: Что самое ценное?

Ведущий: Живые общины, исповедующие Христа. Место, где человек становится человеком.

Выступавший: Мы человеком не становимся в общине. Если наш папа бросил меня, сына, у меня вся жизнь окрашена в черный цвет, и мне не до России, главная у меня проблема — что меня бросил отец, что моя семья неполноценна.

Точно так же и с Россией, понимаете. Что — Россия? Ее по-разному называют, кто матерью, а кто — мачехой. Кто как ее осознает, для кого как она себя проявила.

Ведущий: Но это же бегство от себя и от жизни...

Выступавший: Так эта живая община и есть та самая ячейка, в которой человек себя осознает. Если она расширится, если в обиход этой общины будет введено — я сторонник этого — будет введено понятие России, если будет показано... Я, например, сам преподаю в семинарии историю, в том числе, я в баптистской семинарии работаю, но иногда у меня просто история русской Церкви, и мне студенты говорят: «До этого мы думали, мы просто христиане-баптисты, а теперь мы осознаем, что мы русские люди». Потому что я в своем курсе говорю и о Сергии Радонежском, и о тех, кто был раньше него, и о тех, кто был позже него, о Флоренском, Флоровском и многих других.

Реформация является необходимостью для Церкви, потому что Церковь в своем движении, в своем служении этому миру, в своем взаимодействии с миром должна изменять свою социальную проекцию так, чтобы быть этому миру адекватной.

М. Дубровский: Из трех поставленных ведущим вопросов основным я считаю второй. Потому что мне кажется, что и первый, и третий — с ним тесно связаны и ответить на них без ответа на первый невозможно.

Что значит пропустить Реформацию? Реформация является необходимостью для Церкви, потому что Церковь в своем движении, в своем служении этому миру, в своем взаимодействии с миром должна изменять

свою социальную проекцию так, чтобы быть этому миру адекватной. Поскольку, если она неадекватна, то мир ее не слышит и, соответственно, она не способна выполнить свою миссию. Скажу резче: такая Церковь просто не нужна! Скажу еще жестче: если мы как Церковь отказываемся менять наши формы проповеди и служения миру так, чтобы мир нас слышал, мы берем на себя ответственность за оставление этого мира без Бога.

Ведущий: Я бы сказал даже острее: мир должен не просто слышать Церковь — он должен чувствовать неудобство! Мир, видя Церковь и Ее дела, должен чувствовать свою неполноценность. В некотором смысле он должен иметь не удобную для себя Церковь, тем более, исторически догоняющую его, спешащую за ним Церковь. Дело даже не в том, что такая Церковь унижает Христа, который меч принес этому миру. Если мир не видит принципиально *Другого* (а для него таким другим должна быть именно Церковь, община верных) у мира точно нет никакого шанса!

В этом я полагаю, наша проблема: Россия, живущая без Бога, вообще не чувствует никакого неудобства со стороны христиан и Церкви. Она видит или церковную номенклатуру, или каких-то шизиков, тонким слоем размазанных по всей стране, или откровенных жестокосердных идиотов, ходящих толпами под хоругвями. Но все это мелочь, не влияющая ни на что.

Реплика: Хорошо, если бы один из иерархов сказал бы, как говорили пророки Ветхого Завета, обращаясь к элите своего времени: «вы обираете и отнимаете, лежите на одежде, взятой в залог, и это беззаконие, и за это придет Божий суд...»

М. Дубровский: Я хочу вернуться к вопросу об упущенной Реформации. Мне кажется, для нас это очень серьезный вопрос, потому что в России Реформация уже несколько раз срывалась!

С. Переслегин: Я бы отметил, что все время срывалась по одинаковым причинам.

М. Дубровский: Да, по одинаковым причинам.

Вопрос: Какие Вы видели случаи Реформации?

М. Дубровский: Я повторю те два примера, которые Сергей Николаевич уже назвал, и назову еще один. Хотя этот список, конечно, неполон.

Во-первых, это XIX век, вторая половина XIX века, евангельское пробуждение среди элиты, среди Петербургской знати, известное как редстокское пробуждение. Лорд Редсток приехал в Петербург, чтобы проповедовать Евангелие. Ну а поскольку он был лордом, то и проповедовал он преимущественно в великосветских салонах. В результате к реальной живой вере пришли такие люди, как Пашков — о его статусе наглядно свидетельствует дворец с видом на Кремль, граф Корф, замминистра путей сообщения, княжна Ливен и многие другие: люди, обладавшие титулами, лично знакомые с императором, занимавшие ответственные посты в государстве... Это движение было подавлено в результате реакции, наступившей после убийства Александра II. Пашков и Корф были лишены титулов и имущества и высланы из России, а кто-то и в ссылку отправился...

Второй пример — это Поместный Собор, который таки был собран в 1918 году, но был собран уже поздно, и ничего сделать уже не успел. Но предсоборная работа, да и вопросы, которые обсуждались в ходе работы Собора — это явная попытка реформирования Русской православной церкви! К большому сожалению, несостоявшаяся. Это те два примера, которые уже упоминал ведущих.

Но еще раньше мы точно можем идентифицировать как попытку реформации Московско-Новгородское движение, которое называли «ересь жидовствующих». Интересно, что в основе этого движения были люди, тоже принадлежавшие к элите, например, думные дьяки Великого князя, это уровень, как минимум, полномочного посла — братья Курицыны, Иван и Федор. Фактически, это был придворный богословско-реформаторский кружок, причем сам Великий князь Иван III охотно участвовал в работе этого кружка. Более того, усилил его священниками, специально вывезенными из Новгорода и поставленными настоятелями Кремлевских соборов! Но и эта попытка терпит крах — иосифлянам удается разгромить реформаторское движение! Вот уже третий пример неудавшейся российской реформации!

А есть совсем другой пример. Никон, собирая кружок любителей благочестия, тоже ведь делает попытку Реформации. Но в результате, вместо реформации происходит раскол и еще большее слияние Церкви и государства, при котором Церковь окончательно теряет возможность быть пророческим голосом для народа и власти. Что же происходит? В одном случае реформацию глушат, а в другом она превращается в свою полную противоположность. И этот вот сценарий в нашей стране регулярно повторяется. Это уже диагноз, говорящий о том, что Церковь в России никак не может прорваться к тому, чтобы соответствовать времени, она все время говорит не про то, что происходит, не про то, что по-настоящему волнует людей. Церковь говорит либо про собственные внутренние проблемы, либо про прошлое, про то, как хорошо было когда-то. Либо вообще говорить не может, как это произошло с официальной Церковью в результате петровской реформы. Поскольку говорить стало просто не о чем: тебе уже все сказали, что говорить, когда и сколько.

Слишком мало времени, чтобы анализировать девяностые годы — было ли это попыткой реформации, и насколько эта возможность уже упущена.

С. Переслегин: Одну секунду. Девяностые годы — да, времени прошло мало, но если вспомнить пятидесятые — начало шестидесятых XX века, я имею в виду движение технократов в высших слоях большевистской иерархии, то с ними случилось ровно то же самое. Косыгинская реформа — абсолютно то же самое, один к одному.

Реплика: Нерелигиозная реформация.

С. Переслегин: Нерелигиозная, тем не менее, и сценарий, и результат — те же самые.

М. Дубровский: Мне кажется, что не проанализировав причины, почему реформация в нашей стране всегда срывается, очень трудно, невозможно отве-

тить на два других вопроса. Но я все-таки попытаюсь коснуться третьего вопроса, потому что он меня внутренне цепляет. Когда я думаю о том, как и где может возникнуть очередное реформационное движение, я думаю, что это точно произойдет не внутри конфессий. В этом смысле у нас, конечно, не лютеровская ситуация, в отношении того, как сейчас Церковь выглядит. Полную аналогию я не стал бы проводить, но мне кажется, что по остроте кризиса ситуация близка к той, что была во времена Лютера, а вот общество, спустя пятьсот лет, конечно, совсем другое, и совсем иначе устроено. Нет ни сословного деления, ни единого церковного института — потому и процессы будут иначе происходить. Это как раз и приводит меня к мысли, что если какое-то движение и возможно, оно произойдет как раз в тех надконфессиональных слоях, о которых Александр Иванович говорил какое-то время назад. Не в конфессиях, а среди людей, которые вне и надконфессиональны, и нужно ждать следующего реформационного движения.

Реплика: Вот это интересно. Вот тут бы побольше дать определений, как-то почетче это выразить.

М. Дубровский: Хорошо. Я попытаюсь определить. Я знаю — и все больше и больше узнаю людей, которые принадлежат к разным традициям: православию, разным направлениям протестантизма, католиков меньше знаю, но знаю и их немножко. Они, их идентичность... как-то не очень вписывается в существующие конфессиональные границы. У них есть своя внутренняя духовная жизнь, отношения с Богом, и они выражают эти отношения в формах своей традиции. Возможно, им так привычнее, возможно, именно через эту конфессию человек Бога нашел. Но их идентичность, она гораздо шире. Такие люди воспринимают христианина другой конфессии не только как равного себе, не только не ставят цели переубедить его и сделать его подобным себе. Но они способны видеть в нем Другого. Того *другого*, в котором я нуждаюсь, без которого я неполон, без которого в моих отношениях с Богом чего-то будет не хватать, *чего-то* очень важного. Для таких людей христианин другой конфессии — не проблема, а богатство, отражение многогранности славы Божьей. И таких людей я встречаю все больше и больше. Но они как раз очень плохо вписываются в традиционную структуру... не буду говорить про Православие, об этом Александр Иванович рассказал уже. Но в наши протестантские общины эти люди, если и вписываются, то с большим трудом, потому что формы общинной жизни, которые им предлагают, оказываются слишком узки для них. Впрочем, и те православные, которых я встречаю, тоже с трудом вписываются в рамки приходской жизни.

Мне кажется, сейчас идет формирование сообщества людей, мыслящих таким образом, что для них изначально, базовой идентичностью является христианин, а протестантский или православный, католический остается прилагательным

сейчас идет формирование сообщества людей, мыслящих таким образом, что для них изначально, базовой идентичностью является христианин, а протестантский или православный, католический остается прилагательным

ально беру прилагательное — или православный, католический остается прилагательным как то, что второе, а не первое, не основное. И я думаю, что если и возможно какое-то движение, то оно начнется именно в таком сообществе, потому что эти люди начинают возвращать тот изначальный смысл слова христианин, который есть в Новом Завете: принадлежность Христу, а не конфессии. При этом, конечно, и конфессии останутся, и различия между ними. Но происходит подъем на новый уровень, с которого становится видно, что первичны отношения человека с Богом, а конфессиональная принадлежность — вторична.

Д. Брауэр: Насчет того, что касается истории России, уж извините — лютеранство было второй признанной государством конфессией. Больше двух миллионов лютеран только на территории России. И это была не какая-то маргинальная группа, оторванная от общества, далеко нет. Если вы возьмете самую высшую элиту — Романовых, корни их в лютеранстве. И очень важна мысль, которую говорил — на основе, конечно, других трудов, — но сегодняшний ректор нашей семинарии Антон Тихомиров в своей книге «История истинного протеста», что вообще говоря, лютеране (я не могу говорить иначе, как Лютер в свое время, я не могу говорить иначе, кроме как лютеранин), что лютеранство — это вообще не конфессия по большому счету. И лютеранство совершенно точно — не религия. Поэтому лютеранином в этом широком контексте, или евангелическим христианином, протестантом, как угодно, по-реформированному мыслящим человеком может быть представитель любой конфессии. Но это возможно только там — это звучит, может быть, немножко крамольно, но нужно понять, о чем идет речь, — там, где происходит освобождение веры от религии.

Это очень существенно. Мы говорим сейчас очень много о России религиозной, но не в этом проблема России. Россия по статистике — очень религиозная страна. По статистике. Если вы любого спросите, насколько он религиозен — конечно, он религиозен. Посмотрите на полки книжные, что в Германии, что в России, одинаково много различной псевдорелигиозной, мистической и пантеистической литературы, какой угодно, буддистской... То есть поиск этот очевиден. Любой человек *a priori* религиозен. Но если человек приходит в церковь совершать какие-то обряды, ритуалы — это далеко не значит, что он действительно верующий человек, что для него вера действительно значима.

Мне тоже кажется, что основной вопрос — это как не пропустить Реформацию. Иначе говоря, пропустить тот шанс, который дает Господь. Протестантизм, лютеранство, как угодно можно сказать, дает шанс для модернизации, шанс, чтобы человек себя раскрыл. Он говорит не о коллективе, не просто о народе Божьем, который воздаёт хвалу Господу, а о личной вере — где ты, с кем ты, куда ты идешь? О коллективе Он говорит только в таком смысле, как это сказано в притче, где расслабленного несут люди. Они несут его вместе, потому что движимы одной мыслью, не потому, что они что-то хотят заслужить, не потому, что они думают наперед, что и как, а потому, что они сейчас движимы Духом Божиим, вот и все. Поэтому они и несут туда этого расслабленного. И Христос видит их веру — вера спасает.

Переход от коллективной религии, где есть рабство и безответственность, к живой личной вере, свободе и ответственности — это, конечно, изменение менталитета, и для этого, я думаю, что нам не нужно сбрасывать со счетов определенную интеграцию, определенный учительный процесс, который в России всегда происходил. Когда что-то заимствовалось, когда обращали внимание на хорошее. Примеры Голландия и США, вы сами говорили, что там происходил этот процесс, там тоже брали лучшее. И то, на что мы сейчас обращаем внимание — лучшее. Есть много и плохого.

Хотелось бы мне мыслить и не на перспективу пятидесяти лет, но говорить не о христианской стране вообще, не о христианской религии, а именно о качественном изменении, о христианском меньшинстве, скажем так. И разговор этот нужно вести относительно веры, а не относительно религии, относительно личности, а не религиозности.

И разговор этот нужно вести относительно веры, а не относительно религии, относительно личности, а не религиозности.

С. Переслегин: Я здесь тогда поставлю сразу жесткий вопрос: если лютеранство или протестантизм — сейчас неважно, какое мы возьмем слово, то есть важно, но не настолько — есть освобождение веры от религии, то следующий шаг — это освобождение веры от чего? Понятно, что от религии она освободилась во время Реформации. Но есть масса вещей, которые, вероятно, продолжают ее сковывать. От чего должна освободиться вера?

Реплика: От стереотипов мышления.

Д. Брауэр: Нет-нет, снова от религии, потому что и в лютеранстве то же самое происходит постоянно. Постоянно образуется новая, так скажем, религиозная культура. В Лютеранской Церкви в России это и немецкий язык, который стал религией, и немецкие, или финские, или какие-то другие национальные традиции. Это есть и в Православии, и в католицизме тоже. Вот почему мы и говорим о том, что это в принципе, в основе своей, неконфессионально. Именно поэтому и должна осуществляться постоянная реформация. Церковь и личность — в первую очередь, должны освобождаться от религии.

А. Федичкин: Я хочу вернуться к тому вопросу, на который отвечал Михаил Дубровский — *что значит пропустить Реформацию?* — и напомнить: когда мы говорим о Реформации европейской в католическую эпоху, то двигатель Реформации запустился не с первого поворота ключа. Владимир уже упоминал, что мы правильно о Лютере говорим, что *он* Реформацию начал, но перед ним был и Гус, и Савонарола. И Сергей Борисович совершенно справедливо говорил, что когда мы упоминаем Лютера, мы должны помнить, что там был рядом и Меланхтон, и Фридрих, и без них был бы просто холостой запуск.

Реплики:

— В Европе было полным полно реформаторов.

— В каждом крупном городе Европы был свой реформатор.

Продолжение реплики:

Нам нужно помнить обо всех тех силах, которые помогли запуститься двигателю Реформации, которая, давая ответы на вызовы современности, привела к изменениям в обществе. И поэтому когда мы говорим о возможности реформации в России, я полагаю, что и сегодня стоит думать про *лютеров, меланхтонов и фридрихов*. Понятно, что делом Лютера было — радикально отвечать на существовавшие вызовы. И я думаю, что основные вызовы на самом деле — это не религиозность. Относительно Бога и веры все понятно. Я думаю, что основные вызовы это все-таки то, что ставит современное общество: социальные, информационные, этические вопросы, которые задает новая формация. Христианство должно предложить обществу ответ — показать направление, куда же нам всем идти. Но это должно быть поддержано и людьми, ищущими союзников среди разных христиан в надконфессиональном уровне. И должны быть какие-то стратегические силы, которые будут помогать этому всему развиваться. Нужны и еще какие-то части этого двигателя, которые помогут запуститься этой реформации, которые помогут христианству соответствовать тому новому обществу, которое нас ожидает.

Е. Николин: Я хочу вернуться к вопросу: От чего должна освободиться вера?

Это очень хороший вопрос, потому что, конечно, она должна периодически сбрасывать с себя ненужные религиозные наслоения. Но мне кажется, Реформация, помимо огромных положительных моментов, внесла момент индивидуализма и даже одиночества. Я встречаюсь и общаюсь с людьми разными и в разных сферах. Люди говорят: мне не нужна религия, у меня есть *вера*. Но при этом они не хотят быть в Церкви. Для них Церковь сегодня не является ответом, не является тем местом, где они могут выразить себя.

Возвращаясь к вопросу — *что значит пропустить реформацию сегодня для нас*, мне кажется, если не ответить для себя на вопрос освобождения веры от индивидуализма, если та фигура Другого, о котором мы говорили... не произойдет этого взаимодействия, соединения разных людей в надконфессиональных каких-то сообществах, то не произойдет глобального изменения, не произойдет реформации. Будут мучиться в праведной душе, как Лот... чем кончилось, все знают. А глобальных каких-то изменений не произойдет.

Мы проводили конференцию, посвященную Реформации. И мы рассматривали четыре тезиса *sola fide, sola gratia, sola Scriptura* и *Solus Christus*. Мы увидели, что те же самые тезисы разворачиваются и сегодня, но разворачиваются по-другому. Да, только благодать. Но если эта благодать *sola gratia* не выражается в отношении другого, а только на мне заикливается, то *sola gratia* не работает. Точно так же и вера, *sola fide* если она не транслируется, если я не разделяю общую веру и не слышу другого — она ущербна.

С. Переслегин: И опять толкование, то, с чем так активно боролся Лютер в свое время. Только раньше толкование шло в масштабах гигантской структуры Католической Церкви, а сейчас каждая церковь дает свое толкование, оно — единственно правильное. И попробуй сказать в этой церкви — вернемся к *Scriptura* — тебя не услышат.

Реплика: Сергей Борисович, личность должна быть, она должна сохраняться, но должно быть взаимодействие христиан, нужна соборность уже другого порядка.

В. Самойлов: Соборность как новая система коммуникативной демократии. Я хочу вернуться к XVI веку, там интересная составляющая: если бы не поддержал кесарь, никакой бы Реформации не было. Если бы не поддержали князья, ничего бы не было.

Соотносясь к возможным шагам развития: есть ли в России системная контролита, которая готова поддержать новую христианскую идентичность?

Реплики:

— Мы же уже вроде говорили, что нет.

— Нет!

— А откуда вы знаете, что нет?

В. Самойлов: Тогда вопрос: значит, мы не стоим в той точке, в которой возникает напряжение, ведущее к изменению? Заканчивая свою реплику, я хочу отнестись к докладу Дитриха: через какие формы удерживается вера? Ведь вера, она удерживается через какие-то формы. И мы понимаем: необходимо постоянное освобождение, постоянное обновление, но все равно должна существовать форма удержания веры.

Ведущий: Пока Лютер не занял позицию, пусть боясь, сомневаясь, трясясь от страха замышленного и неизбежного, борясь с демонами, бросаясь в них чернильницами, но пока Лютер не занял публичную позицию, ответа на вопрос — есть контролита, готовая поддержать новую христианскую идентичность или ее нет — не было, и не могло быть. У нас дефицит Лютера, человека искреннего и постоянного, который трепеща, но совершал *поступок* с опорой на Писание, разум и совесть. Совершал поступок, стоя перед императором и папским нунцием, за плечами которых маячила сила и инквизиция. Лютер всегда совершал *поступок*, в самый критический момент. И именно поэтому могли проявиться те, кто готовы были его поддержать.

Потому у нас нет ни контролиты, ни фигуры Лютера, который может говорить про основание. Вокруг новых оснований соберется и новая элита.

Н. Корнилов: Я вообще считаю, что это не очень корректная постановка вопроса — пропустить Реформацию. Я не верю, что Россия подходила к Реформации.

Ведущий: Вас приводимые примеры не убеждают?

Н. Корнилов: Они меня не убеждают.

Ведущий: Почему?

Н. Корнилов: Я вижу, что, во-первых, Лютер и Реформация — это папозаристы Европы, по большому счету. Лютеровскому движению предшествовало соборное движение, вы помните, да? Оно не удалось. Целая Церковь хотела, мечтала.

— Верхушка хотела Реформации, но не могла...

— Верхушка хотела Реформации, как-то работала по этому поводу. Я к чему все это говорю? К тому, что, на мой взгляд, сейчас наша ситуация гораздо больше похожа на ситуацию раннего христианства доконстантиновской эпохи. Лютер — это все равно уже константиновская эпоха, когда Церковь значима в государстве, когда Церковь и государство имеют равнозначный статус. Понимаете, наше с вами христианство маргинально, такое же, каким оно было в раннехристианскую эпоху.

М. Дубровский: Почему вы только про протестантов-то говорите? Я ж примеры приводил не про протестантов! Я приводил примеры большей частью из Православной Церкви, которая была в то время совсем не маргинальной частью общества! Мне кажется, «жидовствующие», «пашковцы» и участники Поместного Собора 1918 года — это все представители элиты — политической, интеллектуальной элиты России!

Н. Корнилов: Я согласен с тем, что движение жидовствующих — это хорошо, но понимаете, Лютер, все-таки — католический священник, Кальвин — тоже и все остальные крупные реформаторы, все были католическими священниками даже Менно Симонс. Так это я к чему говорю-то? К тому, что у них был голос в обществе до того, как они стали реформаторами.

М. Дубровский: Вы правда считаете, что у думного дьяка не было голоса в обществе?

Н. Корнилов: Но не такой он, не церковный голос.

М. Дубровский: Но у него был, кстати, в первую очередь, академический голос.

Н. Корнилов: Думный дьяк, он дворянин.

М. Дубровский: Там было два священника, которых Иван III специально выписал из Новгорода, чтобы укрепить этот кружок. Вращивал их сам Великий князь.

Н. Корнилов: Лютера выслушали на Соборе, а кто выслушал Вашего Курицына?

М. Дубровский: Вопрос же в том, почему события произошли именно так, а не в том, что могло бы произойти.

Н. Корнилов: Потому что в России не могло быть Реформации.

М. Дубровский: Почему?

Н. Корнилов: Потому что не так была устроена система.

М. Дубровский: У «жидовствующих» были контакты с гуситами, это, в общем, достаточно известный факт. Лютера тоже обвиняют в том, что он стоит на позициях Яна Гуса. Таким образом, что мы имеем? Движение в Новгороде, причем, внутри Православия, интеллектуалы, проработавшие богословские вопросы, общение с гуситами, поддержка князя — все есть. Очень похоже на то, что было у Лютера! При этом всем движение репрессируется. Потом наступает очередь нестяжателей — это тоже, как кажется, вполне церковное движение, и его тоже князь поддерживает, но его *тоже* подавляют.

Н. Корнилов: Нестяжателей куда больше осталось.

Ведущий: И Церковь русская тогда тоже ведет себя открыто. Вы же помните, она столкнулась, собственно, с ересью протестантизма, еще не оформленно-

го, но уже явной ересью, а форм ответов нет. Тогда не было еще полного корпуса даже библейских книг. И что они делают? Они посылают в Рим своих ребят для того, чтобы разобраться, поучиться у католиков, найти аргументы против протестантов. Оттуда же была вывезена идея Белого клобука, преобразованная в идею «Москва — Третий Рим». Все из Первого Рима, *что* бы потом про него не говорили.

И в этом смысле ситуация была открытой, она могла развернуться по-разному, как — в действительности никто не знает. В Реформацию могла сыграть Русская Церковь или часть русского священства, часть влиятельных людей из русской Церкви.

Возможна и такая историческая интерпретация: не сыграв в Реформацию и не отделив форму от содержания, Церковь, придя к необходимости реформ, нарвалась на раскол. Затем унижительную реформу Церкви осуществит Петр Великий.

Итак, отказ от внутренней Реформации, оправдание модели симфонии, ставка на нерелексивное благочестие имело один итог — плененную церковь.

Так и случилось: православная церковь пленена, а протестантские силы — гонимы и маргинализуются. И как такую страну можно назвать христианской?

Реплика: Наш реформатор — это Лев Толстой, конец XIX — начало XX века. У нас есть реформаторы, классические, из Православия. Вот сейчас Александрийская Православная Церковь недавно канонизировала Патриарха Кирилла Лукариса. Но она его канонизировала как *этномартера*, то есть, как убитого, так сказать, представителя народа, хотя он был Патриархом Вот, пожалуйста — человек, который как раз принял православные, так сказать, реформационные идеи и даже выразил их, теперь всеми считается неправославным. Но эти идеи существовали даже в Православной Церкви.

Были филокатолики и филопротестанты, в этом смысле православные всегда находились между двумя этими полюсами.

С. Переслегин: Я просто хотел возразить против ситуации с Россией и протестантизмом очень простым способом. Дело в том, что у нас у всех есть — это от образования нашего — искушение всегда в истории искать определенные закономерности, то есть некая убежденность, что если чего-то получилось, то у этого были огромные корни, и не могло не получиться, и наоборот. Я скажу очень резко: если бы Лютера убили сразу после того, как он написал проповедь — а на то были довольно большие шансы в разных ситуациях — ровно то же самое бы слышали в Европе: Реформация была не подготовлена, не получилась, и не видели бы мы ни князей, ни тех десятков деятелей, которые появились в городах, потому что они появились тогда, когда порог был перейден, и ситуация резко изменилась. В этом плане в России мы несколько раз подходили к самому порогу, никогда не переходя его. Но здесь вторая сторона дела. Поскольку Россия — страна византийская, где власть цезаря всегда была *над* властью Церкви — то у нас все время элементы Реформации регулировались через цезаря. И в этом отношении, ну, извините, господи, царь Петр Алексеевич, может, конечно, и был антихристом, но в смысле реформ у него получилось все очень даже неплохо. (Оживление, разговоры).

Смотрите, и сейчас происходит ровно то же самое. Я же говорю сейчас и за себя тоже. Все мы сидим и говорим: вот ужас, кошмар — а что это правило ничего не делает? Мы опять в очередной раз ожидаем, когда сверху будет очередная версия реформ и царь-батюшка все решит.

Реплика: Когда Лютер прибил 95 тезисов, там куча людей в Церкви его поддержала, реально поддержала.

А. Редер: Я хочу перевести наш взгляд от истории прошлой к истории современной, в которой вы являлись соучастниками, многие из вас. Где-то в девяностом, по-моему, году, я сейчас точно не помню, мне довелось быть личным переводчиком Билли Грэма, и мы были на приеме у Ельцина. Я могу сейчас об этом сказать, потому что и тот, и другой уже почил в Бозе.

— Нет, один не почил еще.

— Он далеко, да, а этот почил уже.

— Оба в Бозе, один просто почил и в Бозе, а другой еще не почил, но в Бозе.

— Так вот, когда мы пришли и сели за стол переговоров, первое, что сказал Ельцин, обращаясь к Билли Грэму: «Вас не удивляет, что перед Вами сидит бывший коммунист, а теперь христианин?» И он сказал, что только произошедшая во мне перемена дала и дает мне силы двигаться дальше. Не будем давать оценку тому, как и что. Но к слову — вот вам то, что для меня такое христианство. Это когда, наверное, как апостол Иаков пишет, быть не *«слышателем»* просто и дискутировать, и оставаться бездейственным, но быть исполнителем Слова. Слова, которое не только меняет в концепции внутренность человека, но и дает побуждения, и снабжает тебя силой действовать неординарно по отношению к твоему прошлому. Так свершались, наверное, революции, так свершалась Реформация. Так, по сути своей, ответ на тот вопрос — *«а как дальше быть?»* Если я чувствую это в себе, если это я принял в свое сердце, то я не должен оставаться *«слышателем»*, а нужно предпринимать какой-то шаг. Я верю, что есть люди у нас, и сидящие здесь, и в России, которые уже имеют какое-то от Бога...

— Предназначение

... Я хотел сказать откровение, но ладно, я скажу - откровение к тому, что нужно действовать. Просто еще не знают эти люди, как сорганизоваться, просто не знают еще эти люди, какой шаг сделать. Но мне кажется, что Господь проговаривает уже и к этим людям. В конце концов, Нагорная Проповедь Иисуса Христа является тем самым фундаментом Царствия Божьего в сердце человека, который побуждает к каким-то действиям. «А Я говорю вам», — говорит Иисус Христос. Сказано, написано, а Я говорю вам. Вот это *«Я говорю тебе»*, Бог проговаривает тебе — это и есть та самая побудительная сила, приходящая от Духа Святого, Который снабжает меня необходимой смелостью. Снабжает меня новым мышлением, способностью отойти от стереотипов, от тех привычек, которыми я жил до этого. Я не знаю, как действовать завтра, но я живу той самой верой, и знаю, что тот Живой Бог, с Которым я общаюсь и разговариваю, Он мне дает видение и дает правильных людей. Он их соединяет в одно единое целое, объединяет. Вот для меня это и есть то самое христианство, если хотите. Когда

мы можем вдруг, внезапно, точно так же сказать: «Я стал другим человеком. Я не хочу больше жить так, как я жил до этого». Один, второй, третий, пятый, десятый...

Ведущий: Наш круглый стол подходит к завершению. Есть ли кто-то, кто еще не говорил или может кто-то хочет сказать нечто важное?

А. Кырлежев: Да, я хочу отреагировать по поводу религии и веры.

Во-первых, религия и вера — такое различие, которое принципиально для христианского сознания, конечно, не только протестантского. Не только Карл Барт, но и православные богословы по-своему говорили об этом. Только это постоянное напряжение. Но интерпретация может быть разная. Например, для одного греческого православного богослова и философа, ныне здравствующего, индивидуализм религиозный — это религия. То есть религия — индивидуализм, а опыт и общий опыт общения — вот это другой полюс. Неиндивидуальное религиозное переживание. То есть даже может работать в зависимости от ракурса. Здесь надо видеть вот эти гибкости.

Во-вторых, относительно веры и религии вот так, как это было сказано изначально. Если задача человека, христианина, который идет своим духовным путем, заключается в том, чтобы всегда видеть эту опасность религии и все время выживать, хранить веру вопреки наступающей религии или религиозности — я, может быть, не совсем хорошо сказал, — но так освободиться от религии, чтобы верить. Неправильно?

— Если Вы говорите о Карле Барте, то он, все-таки, в другом контексте говорил.

— Нет, я сейчас реагирую на Ваши слова, что *«вот тогда будет отдельный человек, личная вера»* — да, тогда будет.

— Нет. Нет, нет, потому что изначально еще в первой части я говорил, и мы говорили о том, что все эти вещи, и *sola fide*, неотъемлемы, неотделимы от *sola gratia*. И главный тезис — не оправдание по вере, а оправдание по благодати через веру. Это принципиальная разница. Потому что когда Барт говорит, например, о религии, или Тиллих, или кто угодно, особенно Бонхеффер, конечно...

— Тиллих говорит совсем по-другому. *Ultimate concern*

— *Ultimate concern* — это все-таки несколько другой его посыл, это, так сказать... Но в плане того, что освобождение от религии, это и бонхефферовское, и он это заострил очень сильно, говоря там о зрелости христиан и так далее. С этим можно спорить, безусловно, но то, что подразумевается под религиозностью, под религией — это очень просто, это религия закона, это когда человек каким-то образом *сам* пытается оправдаться перед Богом. И в этом принципиальная разница с верой, которая смотрит только на Христа, на Его распятие, на Его пролитую кровь. И, безусловно, все это можно развивать, доводя либо до индивидуализма, либо до двойного предопределения. Это тоже понятно, что в этом есть опасность, и тут могут быть сложности. Но все равно это очень принципиально. Религия — это попытка оправдать себя самого перед Богом. Собственно, Мартин Лютер был вначале человеком, который ратовал за религиозность, за ветхозаветное мышление, за то, чтобы через какие-то обряды, ритуалы

оправдываться пред Богом. Это первая часть жизни Мартина Лютера — это путь в *никуда*. Это размышления о том, как же я могу оправдаться пред Богом

— Как же тогда вера является источником сознательной, активной позиции в обществе?

— Вот как раз на примере Лютера мы это и видим — как вера может быть действительно активной. Лютер, живя в религии, в религиозности — он был глубоко религиозным человеком, будучи монахом, — он сидел в своем монастыре, уходя от мира. Но, выйдя из монастыря, перейдя от религии к вере, он и действовал. Но он действовал не просто имея четкую цель — добиться каких-то реформ и так далее, а в первую очередь это было его «*не могу иначе*». В первую очередь это было *действием Бога* через него. В каждом слове, в каждой книге, в каждом своем произведении он постоянно говорил об этом.

Барт свои произведения подписывал: «Только Богу слава». И везде это прослеживается, нигде нет индивидуализма, который сам на себя зациклен, его нет. Он не возможен в чистом, так скажем, истинном протестантизме. Если есть рабство воли, какой может быть индивидуализм — это в отношении той опасности, о которой Вы говорите? Положительный индивидуализм — это такой индивидуализм, когда мы говорим о личных отношениях человека с Богом, или личной исповеди и личном исповедании вины. Но индивидуализм как опасность? При рабстве воли мне как-то сложно его себе представить.

— Вообще-то, очень трудно перевести это на язык, который был бы понятен людям, не удерживающим вот эти внутренние, так скажем, теологические смыслы.

— ...а здесь не нужно искать легкого пути, это сложный путь.

— Нет, а как тогда это может работать шире религиозной конфессии, общины?

— А Вы знаете, на мой взгляд, это и так работает. Я Вам приведу в пример таких людей, как Достоевский, как Сергей Булгаков — там это работало. И все протестантские принципы там тоже были. Потому что протестантский принцип, на мой взгляд, — это просто принцип жизни по совести, это очень верно. Просто каждый по-своему называет. Один это называет рабством воли, другой говорит о совести, но и там, и там это присутствует. Эти принципы присутствуют трансцендентно. Может быть, это не так сильно заметно? Тот же самый протестантский дух был и у Толстого, и в России он был и, безусловно, есть сейчас. Так же, как говорят про Францию, что это, конечно, по духу своему — протестантская страна. Это тоже верно. Тот дух, который принесли туда гугеноты, так и остался там, он жив там. И многое из того хорошего, что нам нравится, например в социальной сфере. То же самое можно сказать и про Германию. В конечном счете, все эти процессы — очень непростые, поэтому так просто они в рамки какой-то конфессии, даже в рамки Церкви не укладываются. Они происходят внутри человека. И поэтому очень сложно говорить о христианском обществе, о христианской религии — для таких процессов это слишком узкие рамки.

Реплика: Владимир говорит, и мы соглашаемся, что нет сейчас контрэлиты, которая могла бы поддержать христиан, как в XVI веке был поддержан Лютер. Вопрос: может быть, сегодня надо смотреть не на политическую контрэлиты, может

быть в информационном обществе это вообще будет какая-то другая элита или другая сила, которая может сыграть ту же самую роль?..

Ведущий: Давайте завершать наш круглый стол. Что хочется сказать в завершение. Мне нравится посыл Дитриха Брауэра, считающего, что мы должны понимать протестантское, оно же реформатское, оно же евангельское, как определенную интенцию, которая присуща любой христианской конфессии. Мне кажется, ссылка на принцип *ecclesia semper in reformatione*, восстановленный и введенный в католическую теологию Гансом Кюнгом — весьма уместен.

Многие из присутствующих помнят, как летом настоящего года мы пытались на Первом Евангельском Соборе развернуть дискуссию на эту тему. Но чтобы серьезно обсуждать принцип постоянного церковного реформирования, нужно различить то, что относится к вечно живому Слову Бога, от того конфессионального, деноминационного, тем более юрисдикционного, на котором построены церковные стены, они же перегородки между самими христианами. Потому что вопрос о ядре Откровения, о границах этого ядра, а, следовательно, ответ на вопрос где пределы, до которых нужно чистить (= реформировать) — вопрос сложный.

чтобы серьезно обсуждать принцип постоянного церковного реформирования, нужно различить то, что относится к вечно живому Слову Бога, от того конфессионального

Осмелюсь утверждать, что разное представление о границах оболочки и сути ядра Откровения есть основная причина недопонимания христиан. Это разное понимание онтологического ядра питает непонимания христианами друг друга. То, что для одних историческое, антропоморфное, ситуационное наслоение, для других — часть непререкаемой истины. Межхристианский диалог должен вскрыть именно эту часть нашего нерелексивного существования.

Поэтому на последующих Соборах мы намерены развернуть работу по прояснению понятия «евангельского». Оно ведь нас относит не только к первым векам апостольского пребывания в Живом Христе, но мы его (это начало) видим в протяжении всей истории Церкви, и православной, и католической, мы видим это начало в деяниях Лютера. Мы хотим увидеть проявление этого начала в деяниях современных проповедников, по всему миру от Бразилии и Африки до Исландии и Якутии. Евангельское — это свершено определенный дух, это интенция на Христа, это определенная и, по определению, совершенная жизнь во Христе, со Христом и через Христа.

Ситуация с Церковью, с церковной жизнью, с христианством в России — тревожащая. Это трудно отрицать. И поэтому вопрос — будет ли через пятьдесят лет страна такая же, как сегодня, еще хуже или гораздо более христианская? — это наш вопрос, на который нужно искать деятельный ответ! В принципе, мы должны торопиться.

Для меня остается сложным и неразрешенным вопрос: с чем именно связано такое бесконечное оттягивание времени прихода Спасителя? Почему чем дальше от апостольских времен, тем дальше кажется Его Второе Пришествие!?

Не потому ли, что мы себя так недеятельно, так малодушно ведем в отношении собственной территории, собственного народа, да и собственной Церкви? Не потому ли, что мы на самом деле не готовы к Его приходу? И вообще, мало к чему готовы?

Реплика: Как раз это, может быть, и есть признак Второго Пришествия?

Ведущий: Может и так,... но вы задумайтесь на секунду, а если Господь ждет от нас ровно того же, что возвещал Иоанн Предтеча? Не совершая того, мы не обречем завещанного.

Поэтому мы задались этими вопросами и когда проводили Евангельский Собор, и когда проводили саммит глав протестантских церквей на древних землях Галикарнаса и Эфеса.

Итак, вопросы поставлены, но остаются открытыми. Будет ли развернута борьба за Россию как за христианскую страну? В каких формах? Кто окажется в авангарде этой кампании?..

Предлагаю продолжить наши встречи, предлагаю и далее проводить круглые столы и семинары на эти темы, так, чтобы ответы на поставленные вопросы постепенно начали прорисовываться и нас удовлетворять.

Д. Брауэр: Я благодарю всех, и Бога, в первую очередь, за то, что у нас состоялось такое живое общение, столь открытая дискуссия. Мы, в общем, не пытались искать каких-то рецептов, каких-то четких стратегических направлений — их, в общем-то, невозможно найти — но определенная открытость, которая здесь была, она, конечно, очень помогает. И то, что мы сегодня говорим об активных формах, это очень радует. Мы говорили не о статике, не только оглядывались назад и смотрели на упущенные шансы и возможности, на процессы, сопутствовавшие и помогавшие Реформации тогда. Мы говорили о том, что касается нас сегодня, не только о будущем, которое возможно через пятьдесят лет, но и глядя на себя и друг на друга, старались оценить и то, что происходит сейчас, что возможно сделать уже сейчас.

В конечном счете, без главного и первостепенного, без доверия Богу, без того, чтобы быть чуткими к Его голосу, у нас вряд ли что-то получится. И сказанное в таком, может быть, несколько мистическом ключе о покаянии, будет иметь очень прямые, очень видимые последствия, потому что покаяние — это процесс, который связан с действиями, связан и с изменением менталитета, и с изменением сознания. Покаяние — это тоже реформационный процесс. Человек ставит себя под абсолютную власть Бога, уходит от надежды и веры в себя, а в конечном счете, верит в Бога и из Него начинает черпать силы. Этого я желаю всем вам на этом пути.

Я думаю, чтоб действительно идти по пути Реформации, не нужно считать, что какие-то вещи были упущены безвозвратно. Я думаю, что шанс в руке Божьей, а она всегда протянута к нам. И шанс всегда перед нами, хотя иногда он кажется нам более очевидным, а иногда — менее. Сегодняшняя встреча — это тоже шанс для нас — мы уйдем отсюда не с пустыми головами, не с пустыми сердцами. У нас уже есть, над чем думать, и в каком направлении продолжать действовать в Церкви. В Церкви, которую знает Христос и которая вне конфессиональных рамок. Но и в церквях, которые обозначены различными аббревиатурами.

Произнося «сестры и братья», я обращаюсь ко всем присутствующим здесь, не взирая на различия аббревиатур. Мое обращение относится ко всем.

И поэтому хочу завершить сегодняшний наш день молитвой. И затем, мы завершим молитвой, которой научил нас Господь Иисус Христос...

Милосердный Боже, мы благодарим Тебя за то, что Ты собрал нас всех вместе, за то, что мы можем говорить о Твоей благодати, говорить о вере Твоей, говорить об оправдании, говорить о Христе. За то, что мы можем воззреть на Христа, за то, что мы можем надеяться на Христа, и никогда эта надежда не подведет нас, никогда не постыдит нас.

Мы просим Тебя: утверди нас в уповании на Тебя, укрепи наши силы для того, чтобы свои шаги мы всегда соизмеряли с истинами Евангелия, для того, чтобы все, что мы делаем в наших конфессиях, в наших церквях, каждый на своем месте, каждый в своем служении, мы воспринимали как дар от Тебя, как шанс от Тебя, для того, чтобы каждый свой вздох, каждый свой шаг мы всегда делали с молитвой. С молитвой внутренней, с молитвой искренней.

Мы просим Тебя о единстве, ибо такова Твоя воля, чтобы все были едины. Мы просим Тебя о Духе, чтобы не падал наш дух, мы просим тебя о Духе, чтоб мы были укреплены, мы просим тебя о Духе, чтобы мы всегда радовались, но также всегда были готовы и плакать с плачущими.

Мы просим Тебя: сопроводи нас! Каждого в отдельности и всех вместе. Сопроводи нас, как Твой, Боже, народ. Сопроводи нас, как Твоих рабов, но сопроводи нас, как братьев Христа.

И мы молимся молитвой, которую Ты заповедал нам:

Все вместе:

Отче наш, сущий на небесах!

да святится имя Твое;

да придет Царствие Твое;

да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

хлеб наш насущный дай нам на сей день;

и прости нам долги наши,

как и мы прощаем должникам нашим;

и не введи нас в искушение,

но избавь нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство, и сила, и слава во веки.

Аминь.

**Список участников Ежегодной конференции
«Реформация vs Революция», состоявшейся 3 ноября 2010 г.:**

Бегичев Павел Александрович — магистр богословия, координатор богословского образования Всероссийского Содружества Евангельских христиан

Борисов Георгий Дмитриевич — ризничий прихода Святых апостолов Петра и Павла Римской Католической Церкви

Брауэр Дитрих — Епископский визитатор Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России

Гончар Павел Владимирович — пастор Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня, директор отдела Внешних связей и Религиозной свободы

Горбачев Алексей Леонидович — магистр богословия, проректор по учебной работе Евроазиатской богословской семинарии

Градировский Сергей Николаевич — председатель Общественного совета Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации

Дубровский Михаил Владимирович — пастор церкви «Дом Отца», Руководитель отдела богословия Российского Объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников), исполнительный секретарь Межсоборного Присутствия Евангельского Собора

о. Игорь Ковалевский — генеральный секретарь Конференции католических епископов России, администратор прихода Святых апостолов Петра и Павла, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации

Козынько Александр Петрович — пресвитер Центральной Московской церкви Евангельских христиан-баптистов

Корнилов Николай Александрович — преподаватель Московской богословской семинарии Союза Евангельских христиан-баптистов

Кукушкин Владимир Георгиевич — глава представительства Евангелическо-Лютеранской Церкви в Москве

Кырлежев Александр Иванович — религиовед, публицист, научный сотрудник библейской богословской комиссии Русской православной Церкви.

Лавров Дмитрий Геннадьевич — пастор церкви «Открытая Дверь» (Москва), вице-президент Евангельского Христианского Миссионерского Союза

Некlessа Александр Иванович — председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук, профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем

Николин Евгений Михайлович — Епископ Ассоциации «Церковь Божия» Российского Объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников)

Переслегин Сергей Борисович — социолог, футуролог, военный историк, исследователь и теоретик фантастики, литературный критик и публицист

Переслегина Елена Борисовна — психолог, писатель, разработчик авторских курсов по психологии личности, создатель мыследеятельностного тренинга «Знаниевый реактор» в рамках программы Института психотехнологий, специалист в области системно-семейных расстановок по Хеллингеру.

Редер Александр Юрьевич — пастор Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России прихода Святых апостолов Петра и Павла Римской Католической Церкви

Самойлов Владимир Владимирович — руководитель Совета местной религиозной организации евангельских христиан-баптистов «На Руси», руководитель Экспертного Совета Развития Консультативного совета глав Протестантских Церквей России

Тен Валериан Павлович — президент Ассоциации Церквей евангельских христиан

Хегай Эдуард Григорьевич — ассистент епископа Российской объединенной методистской Церкви Ханса Вяксби

Научно-популярное издание

**Философско-религиозные тетради. Тетрадь №002.
Материалы Первой Философско-религиозной конференции
посвященной дню Реформации.**

**Выражаем особую благодарность за поддержку и помощь
в издании настоящего сборника следующим организациям:**

Ассоциация христиан веры евангельской «Глобальная Стратегия»
Епархиальное управление Вологодского региона ассоциации христиан веры
евангельской «Церковь Божия», г. Череповец
Московский пасторский клуб, г. Москва
Объединение церквей по Нижегородскому региону «Посольство Иисуса»
Российская Объединенная Методистская Церковь
Тюменская христианская церковь «Свет миру», г. Тюмень
Церковь «Дом Отца», г. Москва
Церковь «Миссия Благая Весть», г. Санкт-Петербург
Церковь «Слово Божие», г. Челябинск
Церковь «Церковь Божия», г. Сыктывкар

Подписано в печать 19.05.2011.

Формат издания 148x210. Печать офсетная.

Тираж 1 200 экз

Издательство Местной религиозной организации

Евангельских христиан-баптистов «На Руси».

www.evangelicals.ru

E-mail: evangelical.council@gmail.com